

JOKER
BOOK

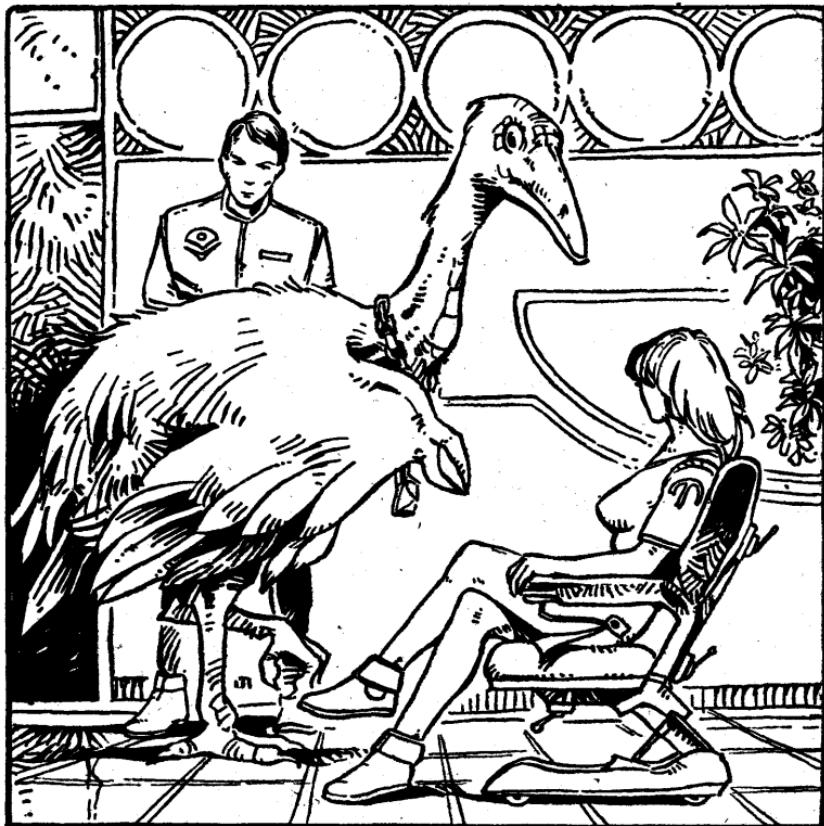
НАЕМНИКИ КОСМОСА

Б. ЧАНДЛЕР

БЕРТРАМ ЧАНДЛЕР
НАЕМНИКИ
КОСМОСА

РИПОЛ
Вече
Джокер
1993

ББК 84.8 Австралия

Ч 18

Серия «ДЖОКЕР»
Сборник фантастических произведений

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редакторы
Саломатов А.В.
Лебедева Я.Л.
Левкович Фанни

Художники
Хромов А.А.
Межевич А.

Корректоры
Мещерякова Г.А.
Зубина К.И.

Технический редактор
Чернецова Г.Ю.

Компьютерный набор
Володарская Т.В.

В настоящем сборнике читатель имеет редкую возможность познакомиться с творчеством основателя австралийской фантастики Бертрама Чандлера (1912 — 1984). Автор более сорока романов и множества рассказов, Чандлер внес огромный вклад в развитие малоизвестной у нас австралийской литературы. Только премии «Дитмар», крупнейшей награды фантастов Южного полушария, он удостаивался четырежды. Бескрайний космос и путешествия во времени, сопровождаемые увлекательным изложением оригинальных идей и гипотез непременно присутствуют во всех трех предлагаемых вниманию читателя произведениях.

Ч 4703040100-018 без объявл.
070219-93

ISBN 5-87012-018 - X

© РИПОЛ, Джокер, 1992
© Перевод Т.Романовой, 1992
© Обложка А.Хромова, 1992
© Внутреннее оформление А.Хромова, А.Межевича, 1992
© Составление серии К.Андронкина, 1992

ЗАБЫТОЕ ИСКУССТВО

1.

Кэллегэн, только что вернувшийся с Денеба V, пил маленькими глотками вторую кружку крепкого портера, когда в бар вошел Брент.

— Привет, Кэллегэн, — сказал он.

— Привет, Брент, — ответил Кэллегэн без особого энтузиазма.

— Слигол, Джо, — обратился Брент к бармену. — Двойной, если есть.

Светлые брови Кэллегэна слегка поднялись. Большинство астронавтов вошло во вкус самой экзотической импортной выпивки, но, как правило, они употребляли его или в тех мирах, где производились эти странные напитки, или из борту своих собственных кораблей, без обложения налогами. Здесь же, на Земле, человек, заказывающий подобную выпивку, должен представлять из себя нечто большее, чем офицер или даже хозяин судна. А насколько знал Кэллегэн, Брент был всего лишь вторым пилотом туристического корабля на линии Центавра.

Кэллегэн с некоторым любопытством посмотрел на Брента и заметил, что одежда его товарища была под стать выпивке: из очень дорогого материала и, пожалуй, чересчур хорошо спешта для гражданского астронавта. А в те времена, когда они вместе учились, Брент всегда был обтрепанным щенком.

— Что пьешь, Красный Сеттер? — спросил Брент.

— Как всегда, портер. А зовут меня Кэллегэн.

— Возьми слигол, — предложил Брент. — А что ты скажешь насчет стаканчика нового ликера «Поцелуй тигра»?

— Порттер, — повторил Кэллегэн.

— Я видел, что «Пегас» вернулся, — сказал Брент, — я так и подумал, что ты здесь.

— Рад за тебя.

— Ну, неужели ты все еще помнишь о той блондиничке из Порт Лазаль? Это же было много лет назад. Я тоже мог бы кое-что припомнить, но это не в моем стиле.

«Возможно, — подумал Кэллегэн, — но я предпочел бы, чтобы этот тип больше походил на настоящего астронавта и меньше на вышибалу из публичного дома.

— Ты по-прежнему на линии Центавра? — спросил он.

— Господи, конечно, нет. Какую монету заработаешь в космосе, особенно на Службе? — ответил Брент и полез в карман. — Вот, смотри. — Он протянул Кэллегэну карточку.

Кэллегэн с любопытством взглянул на маленький пластиковый четырехугольник с черной гравировкой:

ДЖЕЙМС БРЕНТ

ЗАБЫТОЕ ИСКУССТВО

— Что это за рэкет?

Брент засмеялся.

— Это не рэкет. Мы занимаемся торговлей.

— Какого рода?

— Джо, — сказал Брент бармену, — у вас есть отдельная комната, не так ли? Комната с... обычными предосторожностями?

— Ну... — сказал бармен. — На первом этаже, первая дверь направо. Подать вам туда что-нибудь?

— Бутылку слигола.

— И шесть бутылок портера, — сказал Кэллегэн. — Я заплачу за портер.

— Тебе не обязательно...

— Предпочитаю, — заявил Кэллегэн.

Когда они вошли в комнату, бутылки и стаканы уже были

на столе. Брент удостоверился, что электрогенераторный экран, скромно жужжащий над столом, работает нормально, положил в карман свой маленький контрольный аппарат и сел напротив Кэллегэна.

— Это у тебя, видимо, стало привычкой, — заметил Кэллегэн.

— Время от времени приходится. Некоторые из наших клиентов любят тайны. А некоторые не хотят встречаться с нами ни в своих конторах, ни в наших, а предпочитают где-нибудь на стороне.

— Я же говорил, что это рэкет.

Брент покачал головой.

— Ничуть. Допустим, ты миллиардер, допустим, твоя любовница возымела желание иметь ригелианский сад фей к своему дню рождения. Ну?

— Я бы нашел новую любовницу. Изготовление этих садов фей — утерянное искусство, а музеи не расстанутся со своими образцами даже за все золото мира.

— Ты бы пришел к нам, — объяснил Брент. — А если твоя любовница хочет лунный цветок?

— Они исчезли двести лет назад. Я тоже приду к тебе?

— Вот именно, дружище. При условии, конечно, что у тебя есть, чем платить.

— А какое отношение все это имеет к тебе?

— Ax! — сказал Брент, наполняя свой стакан и кружку Кэллегэна. — Ты знаешь, Красный Сеттер, я всегда любит тебя, клянусь. И я могу доказать тебе это... Между нами говоря, я знаю, что ты умеешь помалкивать.

— Продолжай.

— Так вот. Мы, то есть «Забытое Искусство», имеем корабль. До сих пор я был капитаном, навигатором, командующим на борту и вообще почти всем. Естественно, авто-

матики у нас куда больше, чем на Службе. И, несмотря на это, работа чертовски тяжелая, тем более, что я должен был так же заниматься и коммерческой стороной.

Кэллегэн с легкой улыбкой посмотрел на Брента.

— И ты хочешь, чтобы я уволился со службы и пошел в твою артель?

— Это не артель! И тебе нет нужды увольняться. У меня есть знакомая девушка в личном отделе. И мне там сказали, что ты имеешь право на годичный отпуск. Ты можешь просто поехать с нами и посмотреть, нравится ли тебе это. Ну, как?

Жалованье командира плюс проценты с барыша.

— Посмотрим.

— Хорошо. Где я могу тебя увидеть?

— Я дам тебе знать. Твой телефон есть в справочнике?

— Конечно. Мы собираемся в следующую экспедицию через два месяца. Тебе понадобится по крайней мере неделя для ознакомления с кораблем и экипажем.

— Договорились, — сказал Кэллегэн. — Через полтора месяца я тебе позвоню. Но ты мне ничего не сказал, — добавил он, вставая.

— Я ничего не скажу, пока ты не будешь с нами. Могу только сказать — и это не ложь — что это совершенно новая археологическая техника. Ограничусь пока этим.

— Ладно, через полтора месяца.

Покидая бар, Кэллегэн надеялся, что не опоздает на свидание.

В этот вечер его пригласил Баллертон, глава Падиандурской Синтетики. Он прибыл на Землю на борту «Пегаса» и был другом второго пилота корабля.

— Я хотел бы пообщаться с вами в день нашего прибытия в Терран-Клуб, — сказал он Кэллегену.

От Титан-бара до клуба было недалеко, но Кэллегэн пожалел, что не взял танкоктер даже на такое короткое расстояние. Швейцар в пышной униформе с презрением оглядел пришедшего пешком гостя и заставил его ждать в изукрашенном орнаментами холле, пока рассыльный бегал за Баллертоном.

— Они что, так бедны, что не могут заплатить за систему громкоговорителей? — спросил Кэллегэн швейцара, но вместо ответа получил ледяной взгляд.

Баллертон поспешно появился в холле.

— А, вот и вы, мой мальчик. Этот молокосос известил меня, — сказал он, повысив голос до резкого трубного звука, — что некто из космоса желает меня видеть. Ну, поняли, сначала выпьем по стаканчику.

Кэллегэн отдал форменный плащ и фуражку высокомерной блондинке и пошел за маленьким пузатым промышленником.

— Мы пойдем в бар иностранцев, — сказал Баллертон. — Бар Членов чересчур уж исключителен: Я, естественно, пользуюсь привилегиями через мой собственный клуб на Денебе V, но предпочитаю компанию иностранцев.

Бар иностранцев был довольно комфортабелен и благодаря присутствию посторонних, приглашенных членами клуба, не имел давящей атмосферы остальной части клуба. Баллертон взял виски, Кэллегэн же остался верен портеру.

— Я принципиально пью местные вина, — заявил Баллертон. — Я очень люблю слизгол, когда имею возможность пить его на Альдебаране IV за двадцать пять центов стакан, но платить пять кредиток за один глоток!

— До того, как прийти сюда, я встретился со старым приятелем, вернее сказать, однокашником. Так вот он пил слыгол. Возможно, вы слышали что-нибудь о его фирме. Она называется «Забытое искусство».

— Хм... Постойте-ка... Был некий Твайс из Унитед Ми-

нерал... У него всегда было больше денег, чем здравого смысла. Он из кожи лез, чтобы достать хлорийский молитвенный коврик; но, как вы понимаете, ни один музей не горел желанием поделиться с ним своими образцами, как и те полдюжины коллекционеров, которые имеют эти коврики. Он мне сказал, что обратился к людям из «Забытого искусства», и теперь у него есть замечательный экземпляр такого коврика. И, если не знать, что последний ковер был выткан по крайней мере пятьсот лет назад, то можно поклясться, что он только что сделан. — Он хихикнул. — И почти сразу же было продано две тысячи акций Унитет минерал.

— Ну, тогда у них есть, чем платить за роскошную выпивку! — рассудил Кэллегэн.

— Кто? Ах, люди из «Забытого искусства»? Если бы им пришлось рассчитывать только на мои деньги, им не на что было бы купить стакан пива.

— Вы не коллекционер, Баллертон, — вмешался один из двух людей, стоящих рядом с миллиардером.

— Нет, Гримшоу, и надеюсь, что никогда не стану.

— А ваш друг?

Кэллегэн засмеялся и покачал головой.

— Собирал марки, когда был мальчиком.

— Вот и продолжайте, — сказал другой.

— А ваша коллекция все еще у вас, Бейкер? — спросил Гримшоу.

— Да. Но я думаю ее продать. Другие интересы, знаете... Что вы скажете, чтобы пойти пообедать, Баллертон? И вы, мистер...

— Кэллегэн, — подсказал Баллертон.

— Да, да. Пошли, Кэллегэн. А затем мы можем пойти посмотреть мой маленький музей.

— Что вы об этом скажете, Кэллегэн? — спросил Баллертон.

— Спасибо. С удовольствием.

У Бейкера был громадный «сперлинг», который вполне

мог ходить рейсом Земля — Марс. Там был пилот в расшитой золотом униформе, в такой же щеголял и капитан корабля. В огромной центральной кабине можно было дать бал, а для тех, кто не любил танцы, был хорошо оборудованный бар. Бейкер удобно разместил своих гостей и вышел.

— Ох уж эта коллекция бедняги Бейкера, — смеясь, сказал Гримшоу. — Из-за нее он каждый раз проваливается на выборах. Архиепископ очень враждебно относится к ней.

— К маркам? — с удивлением спросил Баллертон.

— Нет, марки он продает. Речь о его «других интересах», как он выразился. О его маленьком музее. Сами увидите. Обратите внимание, что там есть один экспонат, за который я выдал бы чек с непроставленной суммой — если бы он согласился ее продать.

Кэллегэн не участвовал в разговоре, предпочитая глядеть в иллюминатор на мир, в котором он так давно не бывал. Но Бейкер летел так высоко, что за облаками и блеском городского освещения ничего нельзя было разглядеть. А на верху были звезды, яркие, немигающие, и их компания, по мнению Кэллегэна, была предпочтительней компании этих толстых людей, от которых за километр несло деньгами. Баллертон был неплохим человеком, и он создал свое состояние не столько торговлей и финансовыми делами, сколько талантами химика и инженера. И он, конечно, не станет, как другие, выкидывать бешеные деньги за тривиальный предмет, вся ценность которого заключается в его редкости.

Кэллегэн и в самом деле собирал марки, но никогда не был настоящим коллекционером. Десятицентовая ванадийская марка с ее очаровательной и изящной гравюрой космического корабля была для него неизмеримо дороже, чем бесценная пятнадцатицентовая черная титакийская, которая была так безобразна.

— Вот и его жилище, — сказал Гримшоу.

— Можно сказать, новая вилла, — заметил Баллертон. — Хотя, в сущности, она не такая уж новая.

— У него многочисленный персонал. Одних только стражников, по крайней мере, две сотни. Кстати, он действительно в них нуждается: там такие сокровища, что даже я способен был бы их украсть.

2.

«Сперлинг» на полной скорости нырнул в пике, и неправильный четырехугольник света стал быстро расти. Кэллегэн, привыкший ко всяkim предосторожностям, подумал, что у Бейкера внезапно появилась мания самоубийства. Он встал, собираясь взять управление на себя, но Баллертон заставил его сесть.

— Я слышал об этом Бейкере, что он превосходит всех известных пилотов мира, — сказал он и, иронически улыбаясь, добавил: — По крайней мере, так говорят.

— Он не удержался бы и пяти минут на межзвездных, — проворчал Кэллегэн. — Господи, выйдет ли он из этого пике?

Но Бейкер продолжал пикировать. Когда до земли остались считанные секунды, он приказал повернуть реакторы. Корабль затрясся, пассажиры были вынуждены отпрянуть к стене, бутылки в баре разбились, и их замена стоила, по крайней мере, двухмесячного жалования Кэллегэна. Но сама посадка прошла блестяще. Корабль сел легко, как перышко.

Бейкер, появившись из кабины пилота, выглядел отвратительно веселым.

— Не поломали костей, надеюсь? Ну, Кэллегэн! Такой

астронавт, как вы... Я понимаю, что эти двое могли потерять равновесие, но уж вы-то...

— Ваш бар погиб.

— А! Вычистят. Пошли. Я уже проголодался.

Бейкер повел их по великолепным садам мимо сторожевых постов, где несли постоянную стражу люди, машины и огромные собаки, к дому, который был грубым и безобразным, как и его хозяин. У Кэллегэна остались смутные впечатления красного бархата и темного красного дерева, выстроенных вдоль стены старинных доспехов, казавшихся гуманоидными роботами, ожидавшими приказаний. Столовая была небольшая, с дубовыми панелями и балками, освещенными свечами.

— Деревянные детали привезены из старой английской гостиницы, — объяснил Бейкер. — Это стоило мне миллион.

Обед был простой, но дорогой. Ничего экзотического, но бифштексы жарились на настоящих древесных углях, а не токами высокой частоты, бургундское, как подумал Кэллегэн, было куплено за высокую цену, а стилтонский сыр, изготовление которого стало теперь почти забытым искусством, стоил так же дорого, как деликатес, привезенный из самой отдаленной планетарной системы Федерации. К сыру был подан портвейн такого богатого и густого цвета, что казалось святотатством его пить, а попробовав — оставить в графине.

Кофе, кюммель — в натертых по краю мускатным орехом стаканчиках, и гаванские сигары увенчали обед. Бейкер развалился в кресле, пачкал рубашку сигарным пеплом и рассматривал своих гостей сквозь голубоватый дым.

— Как только покончим с сигарами, пойдем смотреть мою коллекцию.

— Она вам понравится, — сказал Гrimшоу Баллертону.

— Вы думаете?

— И вашему молодому другу тоже, — уверенно сказал

Бейкер. — Астронавт, только что со звезд, лишенный женщин.

— Я был на том корабле, — сказал Баллертон со смехом, — и мне казалось, что там довольно успешно справляются с этим затруднением, особенно в те вечера, когда танцуют.

— Значит, кролики попадались? — засмеялся Бейкер, подмигиваю Кэллегэну. — Ну что ж, тогда он оценит мою коллекцию.

Кэллегэн почувствовал себя неловко, однако был рад пойти следом за всеми и выйти из этой маленькой комнаты, в которой стало уже душно от табачного дыма, и не пожалел, что сменил мерцающий свет архаичных свечей на флюоресцентное освещение остального дома. Бейкер повел их по бесконечному проходу со стенами и потолком из темного пластика. В конце прохода была громадная стальная дверь, похожая на дверь гигантского сейфа.

Бейкер манипулировал циферблатами и рукоятками не менее пяти минут, а затем массивная дверь тяжело открылась. Они переступили порог и оказались в темноте, ставшей непроницаемой, когда за ними закрылась дверь.

— Пришли! — смеясь воскликнул Бейкер.

Зал осветился.

Картины, развешенные по стенам, сразу привлекали внимание. Нагие тела, переплетенные в сложных объятиях: любовный акт был представлен мастерами и сохранен для вечности в масле и пигментах. Кэллегэн посмотрел на Бейкера и увидел блестящие глаза, влажные полуоткрытые губы. Он повернулся к Гримшоу и встретил его взгляд, ироническое выражение которого говорило яснее слов: «Мелкие гадости для мальчишек!». Кэллегэн бросил взгляд на Баллертона и увидел смесь отвращения и жадного интереса и рад был заметить, что отвращение преобладало.

— Моя эротическая коллекция, — возвестил Бейкер.

— У греков было лучшее определение, — заметил Гrimшоу. — Порнография.

— Ребятишки на улицах Порт Альмейка, — добавил Баллертон, — продают грязные почтовые открытки, но они не так грязны, как это.

— А ваше мнение, мистер Кэллегэн? — спросил Бейкер.

— Отвратительно.

— Но вы молоды. И вы хотите отказать старику в его простом удовольствии?

— Напротив.

— А! Терпимость молодости! Но, джентльмены, картины — это еще не все. Есть по крайней мере одна вещь, за которую Гrimшоу предлагает мне подписать пустой чек. Но он не получит этой вещи.

Действительно, как сказал Бейкер, там были не только картины. Например, была солидография ритуалов космийского оплодотворения.

— Два человека погибли, чтобы получить это, — сказал Бейкер. — Я уничтожил негатив.

Были отлично переплетенные редкие книги.

— Это опубликовали всего в двенадцати экземплярах, — объяснил Бейкер и взял в руки один из томов. — Я купил их все и одиннадцать сжег.

— Вы позволите? — спросил Кэллегэн.

Он перелистал книгу. Это были декадентские стихи с иллюстрациями. Возвращая том, Кэллегэн сказал:

— Жаль, что вы не сожгли все двенадцать.

— А это, — сказал Бейкер, — образец йони, привезенный с Фомальгаута Ш.

— Детские шалости, — проворчал Гrimшоу. — Вы знаете, что я хочу посмотреть.

— Не торопитесь, — сказал Бейкер. — Ну, джентльмены, что вы скажете об этом? Это сделал для меня Сэрсон и взял довольно-таки дорого!

Это было полотно, представляющее, на первый взгляд, пышный тропический цветок. Но более внимательный осмотр показывал, что это не цветок.

— Долго вы будете демонстрировать этот мелкий юношеский разврат? — нетерпеливо спросил Гrimшоу.

— Ладно, ладно, пошли.

Бейкер повел их в глубину зала, к двери, представляющей из себя в миниатюре ту же дверь, через которую они вошли, и завозился, тяжело дыша, с циферблатами и рукоятками. Когда дверь наконец открылась, все освещение большого зала погасло, а в маленькой комнате зажглась единственная лампа с янтарным светом. На ложе из черного бархата, как огромный драгоценный камень, лежал хрустальный шар.

— Он абсолютно уникален, — сказал Бейкер, все еще стоявший у входа. — Вы, конечно, слышали о симпатах Третти.

— Очень мало, — пробормотал Кэллегэн.

— Гуманоидная раса, жившая на одной из планет Ахренара, — пояснил Бейкер. — На той же планете жили лимперы, тоже гуманоиды. Примерно шестьсот лет назад они начали войну и стерли симпатов с лица своей планеты. Им не нравилось то, что делали симпты в долгие зимние вечера. После войны лимперы разрушили все образцы искусства симпатов, какие могли найти. Время от времени кое-что появляется: музей Воррилонгера имеет тиссита, существо вроде собаки, а в Порт Грегори есть лимперский воин. Существует всего шесть образцов, не считая моего.

— А что делали симпты? — спросил Баллертон.

— В далеком прошлом некоторые земные племена имели

привычку коллекционировать головы своих врагов, предварительно уменьшив их. Такое бывало и во многих других известных нам мирах. Но симпаты брали тело целиком и уменьшали его, прекрасно сохранив пропорции, а затем законченное произведение искусства помещали в кристалл. Вот так.

Он отошел от двери и пропустил гостей в маленькую комнату. Хрустальная сфера сияла теплым золотистым светом на черном бархате своего ларца. А в чистой прозрачной глубине сферы находились две фигуры — мужская и женская, обе обнаженные. Их губы были соединены в поцелуй, тела прижаты друг к другу, лица скрыты длинными рыжими волосами женщины.

Если бы они стояли, мужчина был бы не выше пятнадцати сантиметров, а женщине немного меньше.

— Восхитительно, — выдохнул Гrimшоу.

— Я им почти завидую, — сказал Баллертон, к удивлению Кэллегэнга. — У меня почему-то такое впечатление, что они еще живы... и застыли навеки в этом высшем моменте.

— Тут что-то не так, — проворчал Кэллегэн, стараясь говорить безразличным тоном. — Если я хорошо запомнил свои уроки истории, шары Архенара были открыты всего лишь сто лет назад, кажется, экспедицией Баннинга. Однако эти... персонажи, насколько я могу судить, совершенно человеческие. У обоих рыжие волосы, а ни одна раса, похожая на нашу, во всей известной нам вселенной не имеет такого цвета волос. И это, конечно, не лимперы — у них нет усиков-антенн: к тому же лимперы двуполы, они не делают и не могут делать э... эти вещи таким образом.

— Может быть, предыдущая экспедиция, много более ранняя? — предположил Баллертон. — Пропавшая и не оставившая никакого следа и никаких документов?

— Нет. Шестьсот лет назад у нас не было ракет, и тем более межзвездных кораблей.

— Моя собственная гипотеза такова, — сказал Бейкер. — Два землянина были увезены как образцы моркунами. Легенда говорит, что они посещали нашу планету во время одной из своих массовых миграций. Они могли высадиться на Треите, чтобы пополнить свои образцы, а этих могли оставить, когда улетали.

— А, возможно, — согласился Кэллегэн. — Но из того немногого, что мы знаем о моркунах, все указывает, что они перемещались с юга на север, а не в обратном направлении.

— Можно поклясться, что они шевелятся, — пробормотал Гrimшоу. — Сколько, Бейкер?

— Много больше, чем вы можете предложить.

Некоторое время четверо мужчин созерцали в глубоком молчании крошечные фигурки, их вечный момент, плененный в твердом кристалле. Кэллегэн был в отчаянии, когда Бейкер вывел их из святилища хрустального шара в зал, полный вульгарной и непристойной порнографии. Биологические импульсы почти не занимали места в жизни Кэллегэна, однако он испытывал почти родственное чувство к маленькому мужчине в кристалле, что-то болезненное, смешанное с некоторой завистью.

Бейкер, показав свои сокровища, больше не интересовался гостями. Он предложил им свой «сперлинг», чтобы отвезти их в город, и они приняли его предложение. Пилот в расшитой золотом униформе вез их, конечно, медленнее, зато полет был неизмеримо спокойнее того, в котором пилотировал Бейкер. Кэллегэн обратил внимание, что убытки, причиненные бару, возмещены.

Во время полета трое людей хранили молчание. Кэллегэн думал, что двое других, так же, как и он, заняты мыслью о

последнем экземпляре коллекции Бейкера, самом драгоценном. И, обдумывая события вечера, он спрашивал себя, действительно ли он завидует двум любовникам. Вечность, проведенная под похотливыми взглядами таких людей, как Бейкер... Знали ли они? Могли ли знать? Эта вечность настолько близка к аду... что их не различишь.

Гrimшоу прервал молчание:

— Я все равно добуду себе такую, Баллертон. У меня будет такая вещь, какова бы ни была цена. Я знаю людей...

Громадина «сперлинг» снизился и сел на посадочную площадку Террен-Клуба. Кэллегэн попрощался с Баллертоном и Гrimшоу. Пилот Бейкера предложил отвезти его в порт, но он отказался и пошел пешком в холодную ночь, под мелким проливным дождем. Когда он увидел освещенную башню «Пегаса», высоко поднимавшуюся над ангарами и складами, он снова почувствовал себя мужчиной, а не паршивым подростком с грязными мыслями.

Но в эту ночь он видел во сне желанную женщину и себя самого навсегда заключенным с нею в хрустальный шар.

3.

Весь следующий день Кэллегэн провел в передаче своих обязанностей тому, кто должен был его заменить.

Вечером он покинул корабль: он чувствовал себя потерянным и очень одиноким. Семьи у него не было, родители погибли во время катастрофы на Марсе, сестра была замужем за плантатором граветола на Регулюсе IV, и, когда он в последний раз был у них, заметил, что оба стали буколическими и страшно скучными. Друзья детства, товарищи по

учебе все были женаты и жили в мире, который был ему чужд — маленьком ультрабуржуазном мирке привязанных к планете людей.

Он пошел в Астронавт-клуб, позвонил без большого интереса нескольким знакомым и рано лег спать. Со следующего дня он начал путешествовать. Он взял билет на круиз по Антилам на борту одного из больших дирижаблей и скоро пресытился синтетическим ромом и каллипсо, так что покинул дирижабль в Панаме и на первой же ракете отправился в Порт Кингфорд. Лунный корабль должен был отправляться через два часа после прибытия Кэллегэн, и он поехал на Луну. Смесь дикости и мишурного шарма ненадолго удержали его, но он, в сущности, не интересовался альпинизмом, космическими костюмами и весельем под Куполом Радости, так что сел на лунный «челнок» и вернулся на Землю. Прошло ровно полтора месяца с тех пор, как он покинул «Пегас».

Высадившись, Кэллегэн вошел в видеофоническую кабину, набрал номер Мирового Справочника и спросил девушку, лицо которой появилось на экране, где находится общество «Забытое искусство».

— Их контора в Нью-Йорке, — ответила служащая. — Звонок будет стоить вам семнадцать кредиток.

Кэллегэн, уже позаботившийся обменять два билета по десять кредиток на жетоны, сунул семнадцать дисков в щель. Экран погас, а затем снова засветился и появилось лицо секретарши.

— Забытое Искусство, С.А., — пропела элегантная блондинка.

— Могу я поговорить с мистером Брентом?

— Кто его спрашивает?

— Кэллегэн.

— Одну минуточку, мистер Кэллегэн.

Изображение снова изменилось, и он увидел роскошный кабинет. Брент, еще более жирный и процветающий, чем шесть недель назад, сидел за столом, полированная поверхность которого годилась для игры в хоккей.

— А! — вскричал он. — Красный Сеттер! Итак, ты решил присоединиться к нам?

— Меня зовут Кэллегэн.

— Хорошо повеселился на Луне?

— Откуда ты знаешь, что я там был?

— У меня есть шпионы, — смеясь, ответил Брент. — А серьезно, ты звонишь из Порт-Виндзора, а я знаю, что единственный корабль, который должен был сегодня прийти — лунный «челнок». Кроме того, мой дорогой Ватсон, ты утратил свою космическую бледность и обзавелся бронзовым загаром, который говорит о продолжительном пребывании в великолепном солярии из Куполе Радости. Когда сможешь быть здесь, Кэллегэн?

— Трансатлантическая ракета отходит в полдень.

— Садись на нее. За наш счет.

— В отпуске я путешествую бесплатно, ты должен это знать.

— Я забыл. Но все равно, присыпай счет. Межзвездная служба не оплачивает твои стаканчики.

В Нью-Йорке было самое начало первого, когда трансатлантическая ракета приземлилась со страшным грохотом. Брент ждал в аэропорту со своим громадным личным «сперлингом», не менее роскошным, чем у Бейкера. У Брента, однако, не было раззолоченного пилота.

— Средства для этого есть, — уточнил Брент, — но я предпочитаю пилотировать сам, чтобы не потерять навыки.

Они взлетели над городом. Брент вел машину на почти-

тельном расстоянии от небоскребов. Он указал на один из них Кэллегэну, сидевшему рядом с ним в пилотской кабине.

— Вот наши конторы. Башни Меткалф. Целых два этажа.

— Видимо, вы здорово процветаете.

— Очень. Вот погоди, посмотришь мой дом на Лонг Айленд.

Дом на Лонг Айленд был новый, в модном стиле, имитирующем звездный корабль. Добавить ему двигатели, подумал Кэллегэн, и он взлетит... Это был космический корабль из белоснежного пластика, и стоял он в центре парка в пять квадратных километров. Все это просто воняло деньгами.

Ангар находился в низком строении со входом между двумя фальшивыми элеронами. Из ангара лифт поднял Кэллегэна и хозяина в космическую гостиную, занимающую весь мостик корабля, роскошно меблированную глубокими креслами и мягкими диванчиками. Был там трехмерный видео с трехметровым экраном, этажерки с кучей кассет и даже библиотека.

Когда Кэллегэн и Брент вошли, три человека смотрели передачу по видео, но тут же встали.

Кэллегэн пожал руки мужчинам и внимательно посмотрел на девушку.

— Красный Сеттер, — объявил Брент, — он же Кэллегэн. Мисс Фрейн. Доктор Оверхольц. Мистер Тэйлор.

Вега Фрейн была такого же роста, как и он, и такая же рыжая, с высокими скулами и пышным ртом. Легкая зеленая туника была подобрана под цвет глаз и почти не скрывала грации стройного тела. И Кэллегэн испытал к ней отвращение, которое часто бывает у рыжих по отношению к другим рыжим. Наверное, она тоже испытывает это, подумал он. Он был уверен, что где-то уже видел ее.

— Мисс Фрейн, — сказал Брент, — тоже, как и ты, новенькая в нашей организации. Как нам нужен капитан для нашего корабля, так нужен и археолог.

— Тэйлор, здесь присутствующий, — наш поверенный в делах. — Маленький сухой седеющий человечек холодно и безрадостно улыбнулся, а Брент продолжал: — Оверхольц — наш техник. Он учился с Маншенном.

Кэллегэн подумал, что черные глаза Оверхольца похожи на изюминки в тесте.

— А в какой области вы специализируетесь, мисс Фрейн? — спросил он. — Земля, Марс или дальше?

— Дальше. Я сделала докторскую на тему о культуре Проциона XXI, но в последнее время работала на Архенаре VI, или Третте, как его называют коренные жители. Но эти проклятые лимперы! Вы знаете, что они не оставили практически никаких следов древней культуры симпатов?

— Не могу сказать, чтобы я их порицал, — ответил Кэллегэн. — У бабочки нет причин любить коллекционера бабочек.

— Значит, ты об этом слышал, — сказал Брент, подошел к бару и налил гостям и себе. — Посмотри, я специально для тебя достал оловянную кружку, Красный Сеттер, и ящик настоящей воды Лайфи из Дублина... За наш успех!

— Мы поедем на Третту, — объяснил Тэйлор. — Некий Бейкер обладает замечательным образцом искусства симпатов, а человек по имени Гrimшоу, у которого денег больше, чем здравого смысла, хочет иметь такой же. И мы сделаем все возможное, чтобы найти его.

— Но мы ничего не найдем, — сказала Вега Фрейн. — Там абсолютно ничего не осталось. А если что-то и осталось, лимперы тут же разобьют его.

Кэллегэн долго смотрел на Вегу и наконец пробормотал:

— Я видел одну из этих... вещей. Скажите, что происходит, когда их разбивают?

— Существа в кристалле, — объяснил Тэйлор, — не по-

настоящему мертвы, несмотря на уменьшение. Но когда кристалл разбивается, они умирают — медленно и мучительно. Однажды я нашел такой шар в развалинах Кор-Симара. Это был блайфон, один из огромных упряжных животных, уменьшенный до размеров петуха. Пока я им восхищался, Стиррик, мой лимнерский помощник, бросился и разбил лопатой кристалл. У меня было впечатление, что блайфон стремился обрести свою нормальную величину. Он долго кричал, а его тело расползлось в лохмотья.

— Надо было убить его! — вскричал Брент.

— Именно это я и сделал. Не мог же я стоять и смотреть на это и слушать, как он воинит от боли.

— Я хотел сказать — вашего помощника. Ну и дурак!

— Да. У меня было большое желание его убить... но, как только что заметил мистер Кэллегэн, у этих людей есть веские причины ненавидеть даже память о симпатах.

— Так вот, — сказал Брент, — твое дело — вести корабль, который называется «Коллекционер», на Треиту. Ты получишь свое жалованье и пять процентом с той суммы, которую нам заплатит Гrimшоу.

— Если мы найдем образец, — добавила Вега Фрейн.

«Коллекционер» был солидным кораблем. Кэллегэн заметил это сразу, когда на втором «сперлинге» Брента прилетел в космопорт Невада, предъявил пропуск стражнику и провел два дня, осматривая корабль. Это был бывший грузовоз межзвездных линий, построенный двадцать лет назад. Внутри он был переделан и улучшен, треть его старых грузовых отсеков были превращены в комфортабельные кабины.

Одна деталь, правда, вызвала у Кэллегэна раздражение. Весь корабль был открыт, включая и пост управления и помещения для реакторов, все, кроме зала реактора Машенна.

И ни охрана, ни власти космопорта не знали, где ключ от этого зала. Кэллегэн позвонил Бренту, и тот сказал, что доступ к межзвездному ускорителю имеет только Оверхольц.

— Но послушай, черт побери! — возмутился Кэллегэн. — Ты хочешь, чтобы я был капитаном твоей проклятой колымаги, а сам прячешь от меня ее жизненно важные детали, как банку варенья от ребенка.

— Доктор Оверхольц учился с Маншенином, — ответил Брент. — Если он что-либо забыл об этом двигателе, то это больше, чем то, что мы с тобой когда-нибудь знали или узнаем. К тому же, когда мы будем в космосе, ты сможешь любоваться этой проклятой штуковиной, сколько захочешь. А в порту мы всегда держим его под ключом.

Кэллегэн вынужден был согласиться.

В дальнейшем он проводил больше времени в космопорту, чем в роскошных апартаментах Брента. Он был готов держаться по-дружески с Брентом — в конце концов, они были товарищами по учебе и работе, но он скоро заметил, что этот парень, уволившийся из Службы, стал еще более несносным, чем был в те времена, когда служил младшим офицером. С Тэйлором Кэллегэн не имел ничего общего, а Оберхольц кроме своей математики интересовался только едой и выпивкой. Астронавт восхищался Вегой Фрейн, но только издали: ее присутствие производило на него тот же эффект, какой производит кошка на человека с аллергией к этим очаровательным животным.

Кэллегэн проверил весь корабль и инструменты, к которым он имел доступ. Брент сказал ему, что кабины, смежные с грузовыми отсеками, будут заняты, и что корабль повезет груз в остальных отсеках. Когда груз прибыл, Кэллегэн был очень заинтригован. В ящике, который он открыл, находились стальные арбалеты, в другом — шпаги, в третьем — маленькие

пушки, заряжавшиеся ядрами. А в запасных отсеках корабля он нашел ящики с современным огнестрельным оружием.

Наконец наступил день отъезда. Большой «сперлинг» Брента привез хозяина, Тэйлора, Оверхольца и Вегу Фрейн. Тут же приземлилась большая транспортная ракета, и из нее вышли тридцать самых устрашающих горилл, каких Кэллегэн когда-либо видел. Все они были в коричневой униформе и шли к кораблю военным строем. Брент велел им тотчас же идти в нижние кабины.

— Зачем эта бригада ружьеносцев? — удивился Кэллегэн.

— Я всегда вожу со собой сержанта Гrimса и его людей — на всякий случай.

— На случай чего? Я говорил тебе, Брент, что не поеду, если тут что-нибудь незаконное. Я должен думать о своем патенте. В конце концов, я по-прежнему офицер Межзвездной Службы.

— И так что же? Не беспокойся, Красный Сеттер, я еще не нарушил ни одного закона Федерации, — сказал Брент и смеясь добавил: — Я не мог бы этого сделать, даже если бы захотел!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. У тебя есть разрешение на взлет?

— Да.

— Тогда чего мы ждем? Давай, поднимай корабль.

Когда гидравлическая дверь закрылась и трап был убран, Кэллегэн и Брент поднялись на лифте в пилотскую кабину, где уже сидел Оверхольц. Кэллегэн сел в кресло пилота, а Брент устроился на месте второго пилота. Кэллегэн нажал кнопку сигнала тревоги, давая пассажирам внизу время улечься в противоперегрузочные кресла, а затем запустил инерциальный двигатель. «Коллекционер» выпрямился на огненных ходулях.

В контрольной башне капитан порта следил за кораблем, в то время как один из его помощников записывал показания в регистр.

— Хотел бы я знать, каким образом этот тип устраиваеться, — сказал наконец капитан. — Был всего лишь младшим офицером Службы, а теперь поглядите на него! Собственный корабль, личная армия... вы это видели? И Бог знает, что еще...

— Когда-нибудь он зайдет чересчур далеко, капитан, — ответил помощник.

4.

В начале путешествие проходило спокойно. Поскольку Кэллегэн впервые был командиром борта, он обращался с «Коллекционером» с осторожностью старой девы, над чем немало потешался Брент, который, кстати сказать, не предлагал взять на себя часть обязанностей второго пилота.

— Мне это очень нравится, — признавался он. — Пусть старый Красный Сеттер играет в командира линейного корабля, а я буду простым пассажиром. Давай, Сеттер, пользуйся! Пожинай лавры...

Кэллегэн поднял корабль очень высоко над Землей и взял курс на Архенар. Затем обратился к Оверхольду.

— Надеюсь, реактор готов?

— Да, герр капитан. Почему бы ему не быть готовым, когда сам Оверхольц занимается этим?

— А почему он должен быть готов? — возразил Кэллегэн. — Пока я еще в нем не имел нужды. Но сейчас я хочу увеличить ускорение.

Он положил правую руку на Мартелли, а левой прижал

кнопку, приводящую в действие двигатель Маншенна. Двигатели громко икнули и замолкли, резкий свист ускорителя перешел в сверхзвуковую гамму. Звезды, сиявшие перед ними, погасли. Сначала возникло привычное ощущение головокружения и легкой тошноты, а потом чувство невидимого и неосозаемого барьера внезапно исчезло и сменилось более знакомым эффектом отсутствия тяжести.

— Пусть теперь идет сам, Красный Сеттер, — сказал Брент. — Спустись ненадолго в салон.

— Я хочу удостовериться, что все идет хорошо.

— Не ломайся. Это тебе не Служба. Если ты думаешь, что управление все время будет ручным, то ошибаешься. Пошли.

— Нет, не сейчас.

— Ладно. Вы идете, Оверхольц? А где Тэйлор?

— Он сказал, что ему слегка нездоровится, и ушел как только герр капитан включил двигатель Маншенна. И я должен посмотреть, все ли в порядке с ускорителем.

— Ну ладно. Тогда я с вами обоими увижуся позднее.

Предоставленный самому себе, Кэллегэн произвел несколько мелких коррекций. Затем ему уже нечего было больше тут делать, но все-таки он с отвращением отстегнул ремни и подтащил свое почти невесомое тело к перилам лестницы. Он знал, что в случае необходимости включатся сигналы тревоги и лишь в одном случае из миллиона может произойти какой-либо инцидент, но тем не менее все это ему не нравилось: в первый раз в жизни он бросал кабину управления.

Он спустился по центральной шахте и прошел мимо салона, откуда доносились голоса. Он еще не хотел присоединиться к компании: он хотел посмотреть, что делает Оверхольц.

На мостике, где был установлен двигатель Манштейна, Кэллегэн остановился. Подумал и открыл дверь. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы преодолеть головокружение, появившееся при одном взгляде на систему сложных, непрерывно вращающихся роторов, и он не сразу заметил, что Оверхольц обращается к нему.

— Я не могу с этим примириться! — протестовал Оверхольц. — Вы должны были поступать.

— Вовсе нет, доктор Оверхольц. Я командир этого корабля.

— Прекрасно. Вы, стало быть, здесь хозяин. А что вы понимаете в этом?

Кэллегэн мельком взглянул на сложную систему вращающихся роторов и тотчас же отвернулся.

— Не так много, как вы, — признался он, — но достаточно для того, чтобы пустить их в ход и остановить.

— Простой водитель автобуса! — проворчал ученый. Но поскольку вам все равно рано или поздно придется узнать, то лучше вы узнаете от меня, Оверхольца, чем от этого дурака Брента или кретина Тэйлора. Вы видите, что я делаю?

Кэллегэн посмотрел на маленькую машину из зубчаток, поставленных под странными углами, которую собирал Оверхольц.

— Можно сказать, что это соединение Кревшоу. Но Брент мне сказал, что у нас его нет.

— На этот раз он сказал правду. Это соединение Оверхольца!

— Для чего оно?

— А для чего соединение Кревшоу?

— Оно управляет темпоральной прогрессией, для того чтобы корабль мог продолжать ускорение, теряя свою реактивную массу, в то время как работает двигатель Манштейна.

— Правильно, но не совсем. Вы знаете, что произошло с первыми пропавшими межзвездными кораблями?

— Предполагают, что их пилоты плохо понимали принципы работы межзвездного ускорителя, продолжали ускорение и терялись во времени. Ларсен пытался путешествовать во времени с соединением ускорителей, построенном по собственным чертежам, и не вернулся. Старински после опыта Ларсена доказал, что путешествие во времени невозможно.

— Дурак! Все они дураки. Мой молодой друг, когда я заработаю с помощью той детской игрушки достаточно денег, я построю машину, которая увезет меня не в варварское прошлое, а в будущее. В будущее, вы слышите? В эру, когда гений Оверхольца будет оценен.

— Это будет неплохо для всего мира. Но что, в сущности, делает ваша машина?

— Она делает деньги! — рявкнул Оверхольц. — Деньги, которыми я должен делиться с идиотами. Деньги, которые должны были бы служить только для питания моего гения! А теперь уходите!

— Вы мне приказываете?

— Полегче, Оверхольц, — раздался позади голос Брента, и они оба, услышав его, резко повернулись.

— Бродите и шпионите, — яростно заворчал ученый. — Шпионите и выслеживаете... И зачем я доверил свою судьбу... — Он запутался в словах и забормотал что-то неразборчивое.

— Пошли, Кэллегэн, — продолжал Брент. — Он совершенно безобиден, уверяю тебя.

— Я его не переношу!

— Откровенно говоря, — сказал Брент, понижая голос, — и я тоже. Но он нам нужен. Потом я объясню тебе. Пошли, пусть он занимается своими игрушками.

— Мне это не нравится. Я здесь капитан корабля, и как командир отказываюсь разрешать... сумасшедшему заниматься соединением ускорителя.

— Не обращай внимания, говорю. Он знает об этих штуках больше, чем мы, навигаторы. Пошли.

— Мне это не нравится.

— Ну ладно, сам напрашиваешься. Ты числишься в реестре как командир, но хозяин — я.

— В космосе это ровно ничего не значит.

— Не значит? — пробормотал Брент. — Вот как?

Он вынул из кармана свисток и резко свистнул. Прежде чем Кэллегэн понял, что происходит, он почувствовал, как ему в поясницу уперся ствол пистолета, и услышал за спиной незнакомый голос:

— Стреляю, патрон?

— Нет, Гrimс, ни в коем случае. И как только подойдут твои гориллы, наденьте на него наручники и отведите в кабину. Заприте и поставьте у двери стражу.

— Будет сделано, патрон.

— Бунт! — выкрикнул Кэллегэн. — Ты поплатишься за это, Брент. Ты, может, и богат, но Служба богаче. Если я не убью тебя раньше, они расщиплют тебя на мелкие кусочки.

— Уведи его, Гrimс, — проворчал Брент. — Я еще увижуясь с тобой, Красный Сеттер!

— Убирайтесь все! — взревел Оверхольц. — Буду я когда-нибудь спокойно работать на этом проклятом корабле?!

Первой нанесла визит Кэллегэну в его комфортабельной тюрьме девушка, Вега Фрейн. С одной стороны, Кэллегэн был счастлив увидеть ее. С начала своего заключения он не видел никого, кроме молчаливого угрюмого стража, прино-

сившего еду. Да, он был рад, однако ее присутствие в каюте вызывало ощущение гусиной кожи и заставляло волосы на затылке щетиниться.

— Что вы такого сделали? — спросила она.

— Я? Вы хотите сказать, что сделал Брент? Вы понимаете, что его могут обвинить в мятеже? И что это грозит ему пожизненным заключением?

— Он человек влиятельный.

— Брент? Влиятельный? Ну уж! Я знал его, когда он был всего лишь мерзким крысенком, и его нужно было силой заставлять принимать душ.

— Вот за это он вас и ненавидит, Кэллегэн. Это одна из причин. Он пугает меня, а я вообще-то не из трусливых. Я удивляюсь, что он позволил мне навестить вас. Когда я его об этом попросила, он просто ответил: «Пожалуйста, милочка. Может, это станет началом дружбы между вами, а то и чего-нибудь большего». И засмеялся в своей отвратительной манере...

— Он попросил вас прийти, потому что от вас у меня мороз по коже, и он это знает.

Девушка улыбнулась, и ее обычно угрюмый рот стал красивым.

— И вы держитесь от меня как можно дальше... Мы квиты: у меня от вас такие же ощущения. Но я боюсь, Кэллегэн. Я тоже чувствую себя пленницей. Я должна обеспечить и завтракать с ними, и они — я имею в виду Тэйлора и Брента — смотрят на меня, как на какой-то образец, экспонат, в том смысле — сколько она стоит? Оверхольц совершенно безумен. А этот отвратительный Гримс — он тоже ест с нами — напоминает мне гориллу, которая только и мечтает утащить меня в джунгли... Ах, Кэллегэн, вы внушаете мне отвращение — видимо, вопрос химизма или еще чего-нибудь, — но вы единственный мужчина на борту.

— Каким образом вы затесались в эту подозрительную компанию?

— Через университет. Брент запросил, не знают ли они археолога, хорошо знакомого с культурой симпатов на Трегге и согласного участвовать в одной из экспедиций. Декан потом сказал мне, что Брент упирал на пол и цвет волос археолога. Он обещал Бренту, что не скажет никому об этом его специальном требовании, но все-таки рассказал мне. И мы оба посмеялись. Но потом декан добавил: «Забытое искусство» — солидная фирма, а мистер Брент — джентльмен».

— Если ваш декан придет когда-нибудь просить у меня место руководителя личного состава, я заверну его прежде, чем он раскроет рот, — пообещал Кэллегэн. — Скажите, вы уже работали с ними?

— Да. Пока корабль готовился к путешествию, Брент задавал мне вопросы относительно обычаем симпатов за последнее время их существования. Я могла сказать ему лишь немногое. Лимперы разрушили практически все. Потом Брент спросил, каким оружием они пользовались, захотел и сказал Тэйлору: «Торговцы Смертью никогда не останутся без клиентов, так ведь?»

— А какое оружие у них было? — спросил Кэллегэн, уже угадав ответ.

— Оружие удивительно примитивное в сравнении с их квалификацией в других вещах. Что-то вроде арбалетов, и они едва успели изобрести пушку, заряжавшуюся с дула. Ну, и шпаги, конечно.

— Все это есть в наших трюмах.

— Но это же глупость! С тех пор, как симпты были уничтожены, на Трегге нет войн. А полиция там теперь оснащена весьма эффективными парализаторами. Я это

знаю, — пояснила Вега с улыбкой, — потому что они меня застали, когда я собиралась обойти вокруг одного запрещенного храма, и обездвижили с расстояния более трехсот метров.

Они продолжали болтать, объединяя то немногое, что они знали, и пытаясь найти какой-то смысл в том безумном предприятии, в которое они впутались. Легко можно было сделать заключение, что их нанимали сумасшедшие, но бесспорное финансовое процветание «Забытого искусства» перечеркивало эту гипотезу. В конце концов девушка сказала, что ей пора уходить. Стражник у двери подмигнул ей, но она не обратила на него внимания.

Кэллегэн сначала пожалел, что остался один, но потом вздохнул с облегчением, закурил сигарету, глубоко затянулся и выпустил клуб дыма, чтобы выгнать запах Веги.

5.

В каюту вошел Брент в сопровождении Гrimса. Они были вооружены.

— Здравствуйте, капитан Кэллегэн. Мы просто с визитом вежливости, несмотря на оружие.

— Что тебе надо?

— Ничего. Абсолютно ничего. Мисс Фрейн — очаровательная девушка, ты не находишь?

— Да?

— Ах, да, ведь у вас обоих аллергия на рыжих! С одной стороны, жаль, потому что вам придется много времени пробыть вместе.

— Что хочешь этим сказать?

— Я мог бы сказать очень многое. Я сказал бы, например, что ты и эта морковка разорвete свои контракты, как только мы прибудем на Третту, и пойдете вместе, рука об руку, в солнечный закат.

— Очень смешно!

— Ты думаешь? Но это уже будет моим делом. В конце концов Служба и университет поинтересуются, что стало с двумя красивыми и талантливыми членами их перспективного персонала.

— Дерьмо! Так ты еще и убийца?!

— Кто говорил об убийстве, Сеттер? Даю тебе слово, что убийство совершенно не входит в мои намерения, — искренне сказал Брент, и Кэллегэн поверил. — Кто же убивает курицу, несущую золотые яйца?

— Я здесь не несу золотых яиц. Ты нанял меня как капитана, правда, на повышенный тариф, а я путешествую, как пленник.

— Или как пассажир первого класса. Мы же тебя неплохо кормим, верно?

— Какую игру вы ведете, черт побери?

Брент помолчал.

— Ты знаешь, Кэллегэн, — сказал он веско, — я всегда тебя ненавидел, с тех самых пор, как мы оба были младшими на борту старого «Грифона». Каждый раз, когда кто-либо из офицеров собирался приказать что-нибудь, он всегда говорил: «Позовите Кэллегэна, он сделает работу отлично». И каждый раз, когда мне выдавался случай познакомиться поближе с самыми шикарными пассажирами, ты всегда все портил... «На твоем месте, дружище, я бы оставил эту девицу, она навлечет на тебя одни неприятности», — протянул Брент, подделываясь под голос Кэллегэна. — Да многое можно вспомнить! Я знаю, что ты настроил Касилу против меня...

— И ты вытаскиваешь на свет эту старую историю? Это была хорошая девушка, и она всегда оставалась хорошей, насколько я знаю. Но она не была бы больше такой, если бы часто встречалась с тобой.

— Святой Кэллегэн, Красный Сеттер! Причисленный к лицу святых и блаженных! А ты помнишь тот день, когда ты уничтожил все солидографии, которые я купил в Порт Альмейне?

— Комендант велел обыскать все шкафчики после посадки. Если бы он нашел эту гадость...

— Ах, скажите, какая невинность! Пошли, Гримс, оставим святого с его размышлениями. Ему недолго оставаться таким святым.

Они ушли. Кэллегэн пытался понять смысл сказанного Брентом. Он был потрясен его ледяной ненавистью, а затем вспомнил один вечер, когда они оба слегка перепили, и Брент разглагольствовал насчет четырех свобод. «Должна еще быть пятая, — кричал он. — Свобода!» — Кэллегэн спросил, какая именно, и Брент ответил: — «Свобода уничтожить, когда хочется!»

Вошел стражник и принес еду.

Кэллегэн ел неохотно, все еще слишком ошеломленный беседой с Брентом. Когда стражник унес поднос, Кэллегэну осталось только лечь спать.

Так проходили дни: сон, пробуждение, еда. Вега Фрейн часто приходила навещать Кэллегэна, и каждый раз, когда она входила в каюту, его беспокоил ее вид и манеры.

Она стала очень нервной, и ее руки никогда не оставались в покое. Под глазами были большие круги. Она рассеянно спрашивала:

— Что вы знаете?

И каждый раз Кэллегэн отвечал:

— А вы что знаете?

Однажды она сказала:

— Вы мне нравитесь, Кэллегэн.

И он ответил:

— Вы мне тоже.

Он взял ее за руку и тут же выпустил, как будто это было что-то грязное. Она вскрикнула:

— Черт бы побрал эту проклятую аллергию.

Наконец настал день, когда двигатель был выключен, звук вращающихся роторов понизился до резкого свиста, а потом до глухого жужжания, и наконец умолк.

У Кэллегэна не было никакой возможности измерить период торможения: при аресте Гримс отобрал у него часы. Но ему казалось, что двигатели ревели слишком долго, после того как были выключены. Кэллегэн пристегнулся, ожидая толчка при посадке. Но посадки не было.

Снова был пущен в ход двигатель Маншенна: свист становился все более и более пронзительным, он пробуравливал не только барабанные перепонки, но и весь череп. Потом вдруг заработали двигатели — один, потом другой, третий. Кэллегэну показалось, что Вега Фрейн, прозрачная и печальная, прошла перед его глазами, бормоча непонятные слова, и вышла. Затем появились Брент и Гримс, и стражник, приносящий еду, и все они перемещались быстро и спиной вперед. Двигатели рычали минут десять, не меньше, и темнота, более глубокая, чем чернота космоса, была почти ощущима и давила на Кэллегэна.

По вибрации корпуса корабля Кэллегэн понял, что двигатели Мартелли и Маншенна остановились одновременно, и на этот раз не было медленного вращения до полной остановки: они остановились резко, внезапно. Несмотря на

свое дурное настроение и подавленность, Кэллегэн задумался о проблеме сдерживания соединения ускорителей и решил, что Оверхольц, видимо, нашел какое-то решение. Но...

— Дурак! — пробормотал он. — Всех нас могло вывернуть наизнанку...

Двигатели в последний раз были пущены в ход, и их тихий гул усыпал Кэллегэна. Он проснулся, когда дверь каюты открылась, и два стражника втолкнули в проем Вегу Фрейн.

— В чем де...

— Теперь я тоже пленница. И через час мы приземлимся.

— Где? На Трэгте?

— Да. Но шестьсот лет назад.

Они сели на Трэгте, и Кэллегэн должен был признать, что Брент все еще был прекрасным пилотом. Некоторое время ничего не происходило. Мужчина и девушка сидели в противоположных концах каюты, курили, обменивались ничего не значащими словами. Наконец Кэллегэн встал и прошелся по каюте, ища какой-нибудь предмет, могущий послужить ему оружием. Он уже не раз предпринимал такие поиски, но без всякого результата. И он снова сел.

Дверь открылась. Появились Брент, Тэйлор, Гримс и четверо его людей. С ними находилось похожее на человека существо. На зеленом лице существа было три глаза, из лба торчали усики, а рот был вертикальной щелью. Создание было одето и носило оружие — шпагу и кинжал, так что можно было предположить, что это гуманоид. Он что-то произнес свистящим фальцетом. Кэллегэн не знал этого языка.

Дверь снова закрылась, оставив их вдвоем.

— Что он сказал? — спросил Кэллегэн.

— Буквальный перевод, — ответила Вега: — «Можно сделать. Но сначала платите».

— Что можно сделать?

И перед ними предстал ответ, нестерпимо непристойный. Он посмотрел на девушку. Она смертельно побледнела.

— У вас есть нож? Ножницы? Что-нибудь в этом роде?

— Но... зачем?

— Затем, что я убью вас, а потом себя. Это забытое искусство симпатов. Вы видели образец этого искусства в коллекции толстого борова Бейкера?

— Нет, — сказала она и вдруг вскрикнула. — Но я слышала об этом! Неужели вы хотите сказать... Вы же не думаете, что...

— Именно, думаю. Есть еще один толстый боров, некий Гrimшоу, который хочет иметь такой же образец, и наш мистер Брент добудет ему почти безупречную копию. По крайней мере, он на это надеется. Теперь мужайтесь, я постараюсь сделать все как можно быстрее.

Она вздрогнула и отодвинулась от него, но он сомкнул пальцы на ее белой шее... Она больше не отодвигалась, глаза были закрыты. Она ждала, откинув голову назад.

— Это будет быстро, — пообещал Кэллегэн.

— Хватайте его! — заорал Брент. Он неслышно вошел вместе с верным Гrimсом и двумя его подручными. — Хватайте! Быстро! Но осторожнее! Я не хочу, чтобы мне их портили.

Кэллегэн отбивался, но сержант и его люди были слишком сильны для него. Он видел, как Брент бросил девушку на диван и надел наручники на ее запястья. Через несколько секунд Кэллегэн был скручен точно так же. Гrimс хлестнул его изо всех сил по лицу.

— Осторожнее, я сказал! — приказал Брент. — Не портите образцы!

И образцы были вытащены из корабля.

К трюмам уже были подведены трапы. Половина бригады Гrimса скатывала ящики к ожидающим симпатам, а другие были на постах в стратегических местах вокруг корабля.

Симпат, который осматривал пленников, встретил Брента у трапа. Размахивая руками и усиками, он выплевывал длинный ряд непонятных слов.

— Он говорит, — шепнула Вега Кэллегэну, — что получил слишком мало. Он говорит, что Брент, когда был здесь в последний раз, обещал ему огнестрельное оружие.

— Почему не дать ему то, что он хочет, — сказал Тэйлор Бренту. — Если эти наступают лимперам, нам-то что?

— Мы не можем, — ответил Брент. — Я не знаю, почему... надо спросить у Оверхольца. Он говорил, что мы изменим... что мир пойдет по другому пути или что-то в этом роде.

— Так ведь это не НАШ мир! У нас-то ничего не изменится?

— Ты думаешь? Если эти проклятые симпты выиграют войну против лимперов, если они будут продолжать свое забытое искусство, сколько, по-твоему, будут стоить образцы, которые у нас уже есть?

— Ясно, — пробормотал Тэйлор. — Постарайся тогда выиграть время.

— Я сейчас ему скажу, что он ничего не получит, пока не кончит работу. Гrimс, скажи своим людям, чтобы они все остановили. И не давайте этим зеленым свиньям дотрагиваться до пушек!

— Будет средство все устроить, — посоветовал Тэйлор. — Дадим ему половину наших взрывателей и митральез, когда он кончит работу, а остальное подарим лимперам, так что они будут в равновесии.

Брент поднял брови.

— Гениально!

Некоторое время он спорил с главой симпатов. Кэллегэн оглянулся. Корабль стоял на равнине. Со всех сторон торчали гигантские грибы и лишайники — основная растительность на Трэгге, до того как на нее завезли на кораблях Федерации чужую флору. «Но сколько веков пройдет, — думал Кэллегэн, — пока первая земная разведывательная ракета упадет с облаков.» Как раз против главного входа в корабль уходила удивительно прямая тропинка. И по ней, после бурного разговора с Брентом, вождь симпатов повел пассажиров «Коллекционера». Кроме Веги Фрейн, Кэллегэна, Брента и Тэйлора было еще шесть человек Гrimса, вооруженных ручными взрывателями и автоматическими ружьями. И еще человек двенадцать воинов-симпатов с длинными, устрашающего вида копьями.

Когда они почти уже исчезли из поля зрения корабля, в дверях появился Оверхольц.

— Не задерживайтесь! — крикнул он. — Я не могу держать корабль больше шести часов!

— Мы сейчас вернемся! — ответил ему Брент.

6.

Резко наступила ночь. И с темнотой пришел свет... очень странный, что-то вроде слабого мерцающего излучения, которое играло на гигантских грибах то голубым, то зеленым светом. Что-то постанывая тяжело пролетело над ними. Какое-то существо каркало с такими правильными интервалами, будто имело хронометр. В воздухе пахло влажной ледяной гнилью.

— Ну вот, мы и пришли, — сказал Брент. — Смотри хорошенько, Красный Сеттер, и вы, дорогая Вега. Священный кристалл симпатов, который будет уничтожен лимпераами в очень близком будущем... или был уничтожен в нашем прошлом — смотря по тому, откуда смотреть, но для вас, мои дорогие друзья, время остановилось.

Перед ними высился священный кристалл, огромный, чечевицеобразный, более пятнадцати метров в диаметре и не более двух метров в высоту в центре. Он стоял на грубых каменных столбах полутораметровой высоты и сиял ледяным светом. Направо, на поляне, горел большой огонь, и даже его пламя казалось холодным; неясные силуэты сутились вокруг громадного котла, подвешенного над жаровней.

Вега Фрейн подняла глаза. В голубом свете волосы ее казались темными, а губы чернели на бледном лице.

— Небо осветилось, — сказала она.

— Да, — ответил Брент, — скоро взойдет Коррила и пересечет Меридиан. В этот момент будет склонение к югу, и вы увидите, как кристалл тоже склонится к югу. Скажи, Красный Сеттер, что ты помнишь о Корриле?

Кэллегэн не ответил, он вспомнил, что читал насчет планетарной системы Архенара. Он вспомнил, что спутник Третти радиоактивен, и слишком долгое воздействие его лучей вызывает лейкемию.

— Ты понимаешь, в чем дело, Красный Сеттер? — продолжал Брент. — Видишь, что они делают вокруг огня? Они плавят кристалл того же состава, что и большой. Когда он станет мягким, они облепят им тебя и эту красношерстную мышку, умная его своими шестипальными ручками... А наркотик, который они вам дадут, не уничтожит ощущений... Радуйся! Подумай, как будет восторгаться Гримшоу! И как

будет поражен, получив мой счет! Это поднимет твой дух во время долгих лет экстаза! Но он заплатит!

Вот они идут с лекарством. Ты его выпьешь и станешь глиняной статуэткой. Они приладут тебе позу, какую захотят! Эти симпаты — настоящие артисты! Наблюдай теперь за Вегой... Держите его! И заставьте мерзавца стоять!

Кэллегэн увидел, как кошмарные силуэты окружили девушку, увидел, как один откидывает ей голову назад, а другой поднимает дымящийся кувшинчик к ее плотно сжатым губам. Брент кинулся помогать симпатам: одной рукой зажал нос Веги, а другой сунул носик кувшина к ее губам. Она сразу ослабла. Брент снял с нее наручники и небрежно бросил их на землю. Затем вынул из-за пояса нож и разрезал ее одежду. Она стояла неподвижно в бледном свете кристалла и мерцающих огней жаровни, как статуя, но Кэллегэн чувствовал теплоту и запах ее тела.

Брент подтащил Вегу к себе и поцеловал в губы.

— Я почти завидую тебе, Кэллегэн! — Он расположил тело Веги в непринужденной позе и добавил: — Какая жальство, что я вынужден испортить эту картину твоим присутствием.

Симпаты приблизились к Кэллегэну со своими вонючими дымящимся кувшинчиком. Забыв, что его держат за ноги, Кэллегэн инстинктивно присел. Правая нога освободилась: стражник, держащий ее, был слишком заинтересован Вегой. Кэллегэн согнулся вдвое, дернулся вправо и налево и освободился полностью. Он дернул ногой, на этот раз направив удар в подбородок Брента. Брент еще не успел упасть, как Кэллегэн уже сидел на нем. Его скованные руки схватили взрыватель на пояске Брента и выхватили его из чехла.

Он повернулся, чтобы поразить стражников, хотевших

освободить своего хозяина, но в эту минуту кто-то промчался по поляне.

— Брент! Брент! — орал бегущий Тэйлор. — Эти демоны повернули против нас! Они убили всех, остался только Оверхольц, он закрылся изнутри!

Тут он понял, что происходит, поднял свой взрыватель, чтобы прицелиться в Кэллегэна, но копье одного из симпатов пронзило ему горло. Другие копья воткнулись в Брента и стражников. Смертельно раненный Брент кричал добрых две минуты.

Вождь симпатов подошел к Кэллегэну, протянул руки, чтобы показать, что он безоружен. Он сказал что-то на своем свистящем языке и ждал ответа, потом повторил свои слова.

Кэллегэн повернулся к Веге и потряс ее за обнаженное плечо:

— Что он говорит?

Она ответила каким-то слабым, будто отдаленным голосом:

— Он говорит, что вы — враг Брента, и поэтому они вас отпустят. Но вы должны дать им оружие.

— Скажите ему, что я согласен, но пусть они освободят и вас тоже.

Девушка и вождь вновь заговорили между собой, а потом Вега сказала:

— Ему очень жаль, потому что боги любят пару. Но женщина тоже враг Брента. Вы можете взять ее с собой.

— Но наркотик, — сказал Кэллегэн. — Скажите ему, пусть даст противоядие. «Если оно существует», — подумал он.

Снова свистящий вопрос и ответ, а затем вождь повернулся и просвистел приказ своим людям. Один из них прибежал с другим кувшинчиком, протянул его Веге и что-то

сказал. Она коротко ответила, поднесла кувшинчик к губам и выпила. Некоторое время она стояла неподвижно, и Кэллегэн начал опасаться, что лекарство не окажет действия. Один из симпатов обыскал Брента, подошел к Кэллегэну с маленьkim металлическим ключом в руках и снял с него наручники.

Девушка вдруг застонала, вздрогнула и, заливаясь слезами, бросилась в объятия Кэллегэна. Он как мог успокоил ее, не забывая о любопытных взглядах туземцев. Затем он почувствовал на себе взгляд явно проявляющего нетерпение вождя. Шестипалые руки симпатов разделили Кэллегэна и Вегу и, крепко держа их, повели по тропинке к кораблю.

— А как же Брент? — подумал Кэллегэн. — Он же человек. Я не могу.. я не должен его оставлять... А, собственно, почему бы и не оставить? — и он улыбнулся нехорошой улыбкой.

Перед ними появились огни корабля. Яркий свет падал на трупы землян и местных жителей. В воздухе пахло кровью и сожженой плотью. Трегганцы стояли рядом со своей артиллерией — отнятыми митральезами и взрывательями, снятыми с экипажа, а кое-кто с собственными пушками, заряжающимися с дула. Они окликнули подходящих.

Получив ответ, они пропустили мужчину, женщину и их эскорт.

Все люки и входы корабля были наглухо закрыты, но Кэллегэн надеялся, что Оверхольц следит за ними.

— Оверхольц! — крикнул он. — Оверхольц!

Дверь открылась.

— Это вы, Кэллегэн? А где Брент?

— Он не вернется. Откройте нам!

— С радостью! Без пилота я не могу покинуть этот проклятый мир... Но я могу доверять вам?

— Придется, мы тоже нуждаемся в вас, чтобы уйти из этого времени.

Оверхольц открыл другую дверь, выходящую на трап. Вега поспешила туда и в двух словах объяснила Оверхольцу ситуацию.

— И вы должны впустить их и дать им адское оружие!

— Но мы же не можем! Мы изменим ход истории.

— Отнюдь нет. Как они станут перезаряжать взрыватели? Откуда возьмут боеприпасы? Отойдите! Я хочу одеться.

Таким образом жители Трэгги ограбили весь арсенал «Коллекционера». Пока Оверхольц стонал, что может удерживать корабль еще только несколько минут, Кэллегэн принял командование, и они унеслись в космос под свист двигателя и под заботливо хронометрированный по приказу Оверхольца выброс зарядов. И Трэгга снова появилась под ними, Трэгга их собственной эпохи.

Кэллегэн направил корабль по орбите вокруг планеты и спустился в свою каюту спать. Но времени для сна у него не оказалось.

— Что с нами случилось? — спросила Вега, нежно глядя ему в лицо. — Что произошло? Раньше мое прикосновение вызвало бы в вас отвращение, да я никогда бы и не коснулась вас!

— У вас родинка на левом бедре, — ответил Кэллегэн.

— Ну так что же?

— Женщина в кристалле Бейкера имеет родинку на том же месте.

— Вы хотите сказать...

— Мы играли со временем, — медленно произнес Кэллегэн. — Время циклично. И все это уже произошло однажды, с той лишь разницей, что тогда победил Брент, а не мы, а кристалл Бейкера остался закопанным до конца, на века,

до тех пор, пока археологи не обнаружили его. Это длилось очень долго, моя дорогая, даже с вами это было чересчур долго...

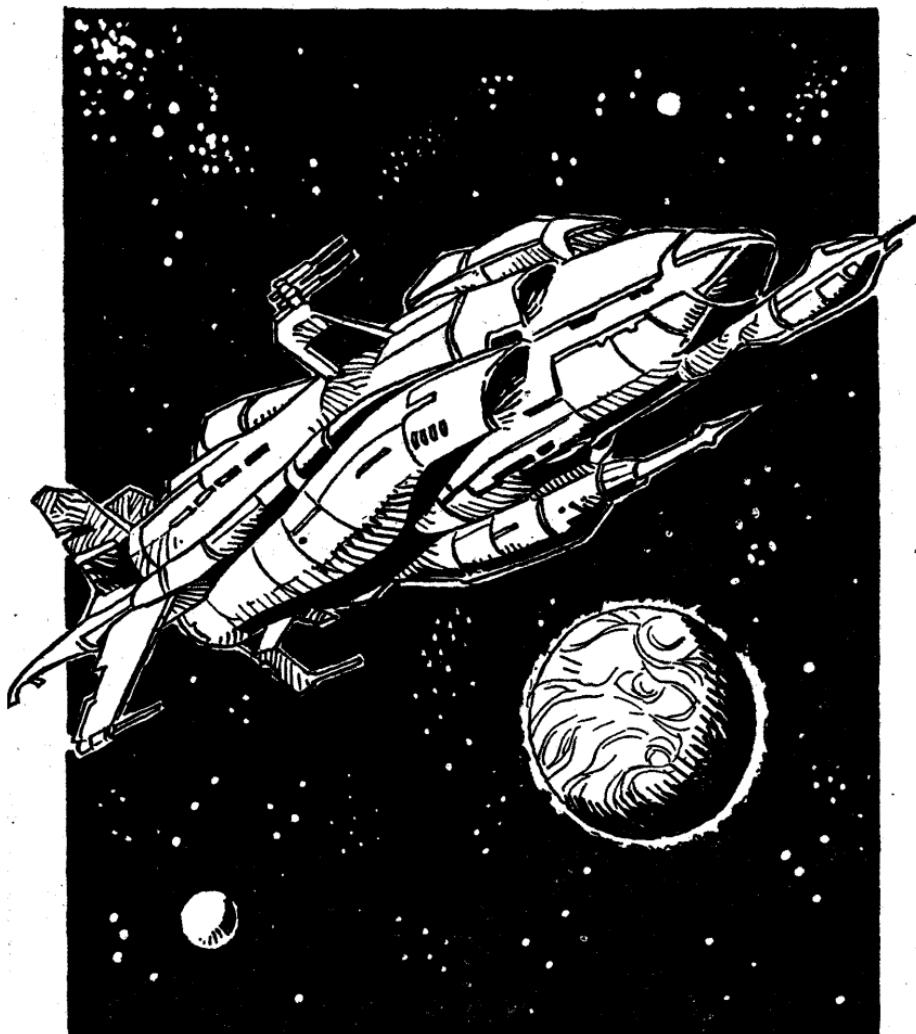
— А что теперь с кристаллом Бейкера?

— Наверное, он просто перестал существовать, — ответил Кэллегэн.

Но он ошибался.

В этот самый момент, за много световых лет отсюда, на Земле, человек с искаженным скорбью и яростью лицом созерцал прозрачную сферу, в которой в гротескно-обезьяней позе лежала статуэтка, удивительно похожая на генерального президента-директора фирмы «Забытое Искусство, С.А.».

НАЕМНИКИ КОСМОСА

1.

— Я люблю деньги, — сказала экс-императрица Айрин. — Я всегда любила деньги. Но у меня есть совесть. Это роскошь, — добавила она задумчиво, — которую я сейчас могу себе позволить.

— М-м-м? — отвлекшись от своих мыслей, промычал муж.

— Когда я была императрицей, — продолжала она, — все было совсем по-другому. Я делала такие вещи, от которых сейчас меня бросает в дрожь. Теперь я всего лишь рядовая гражданка, и не более. Меня нисколько не волнует, что будет с Империей через сотню или тысячу лет. Но мне интересно, как мое правление оказывается сейчас на обычных людях.

Траффорд вздохнул и оторвал взгляд от бачка, который ему надо было залудить. Было очевидно, что ему уже не дадут спокойно поработать. Он повернулся, чтобы взглянуть на свою жену. Он был невысоким человеком, плотным и жилистым, типичным морским офицером среднего возраста, в то время как она, подобно всем избранным на ненаследуемый трон Империи, соответствовала стандартам, установленным Комитетом. Ей не нужна была корона, чтобы выглядеть императрицей. Она была высокой, но удивительно пропорционально сложена. Царственное величие виднелось в каждом ее движении и даже в простом рабочем костюме, который она носила, а ее сверкающие волосы, в которых покоился единственный драгоценный камень, казались настоящей короной.

Траффорд разглядывал ее не без восхищения, а потом спросил:

— Так какая муха тебя укусила, Айрин?

Она рухнула в одно из кресел рубки управления.

— Начнем с того, капитан, что на любом нормальном корабле существует хозяин, который высаживается и идет на дело, в то время как его помощник остается на борту следить за кораблем.

— В военно-морских силах на дело идет специально назначенный человек.

— Ты больше не в Армии. И у тебя есть полномочия. Вспомни. И мы не должны ехать к казначею в этом драндулете.

Траффорд вздохнул и отложил свои инструменты. Он подошел к креслу, повернул его так, чтобы быть лицом к Айрин, и сел. Он набил и раскурил свою трубку, чувствуя глубокое удовлетворение от того, что ему можно дымить в присутствии Ее Величества.

Но, во-первых, Айрин больше не была императрицей. Во-вторых, она приходилась ему женой. И, наконец, она была на положении подчиненного, в то время как он был хозяином — монархом всего того, что он здесь видел.

Он сказал нежно, обращаясь к самовоспроизводящей поверхности дымчатого экрана.

— Полагаю, мы как-нибудь уладим наше дело, моя дорогая. Ты можешь быть помощником, но, кроме того, ты — совладелец. «Вандерер» — твое имущество, хотя от него осталось одно название и твое имя, из-за которого не стоит торговаться с торговцами кораблей.

— Говоря языком закона, — сказала она ему, — хозяин вправе продать свой корабль.

— Так чего же ты так волнуешься? Что у тебя на душе?

Она уныло улыбнулась.

— Вот именно это и тревожит меня. Кажется, так просто — вручить личную яхту любому желающему, получить подешевле военный корабль и потом пустить всю выручку на приятное маленько путешествие к звездам. Но это ужасно, Бенджамин,

только дурак отдаст задарма свой корабль людям, которые и гроша ломаного не стоят. Склочный Комитет вытянет на свет божий все слухи, сплетни и погреет на этом руки. Вот, к примеру, — Империя официально в ссоре с герцогиней Вальдегрен, но Вальдегрены весьма полезны. Они поступают, поступали и будут поступать, как по-писанному, — сдерживают своих соседей — республику Ташкент, добивающуюся полной автономии. Конечно, как императрица, я обязана была заигрывать с ними, но теперь, как обычная гражданка, я лучше угроблю свой корабль, чем продам его этим вонючим пиратам.

— Хм. Так вот почему нашим вооруженным силам никогда не позволялось воевать в полную силу против Вальдегренов и еще двух-трех пиратских выводков...

— Да, мой невинный Бенджамин. Поэтому. Конечно, мы во всеуслышание клеймили пиратство и конфронтацию, но мы ничего не делали против. И всегда так получалось, что у мерзких правительств планет не хватало то рук, то кораблей... — Она поглубже села в кресло и накмурилась. — А будет все так: сразу после того, как мы станем на якорь, всем нам хорошо известный доктор Петтигрю пошлет важную чрезвычайно срочную спейсограмму своему другу, члену Комитета, и потом, пользуясь своим именем, добьется аудиенции у управляющего и как бы вскользь поделится с ним несколькими слухами. Ну, а дальше управляющий, в свою очередь, направит сплетни боссам Долхар Халс Инкорпорейтед, единственной фирме по продаже космических кораблей в этом полном сплетен мирке. И в конце припишет, что Империя будет недовольна, повторяю, будет недовольна, если мисс Айрин Смит продаст свою вооруженную яхту кому-нибудь торговцу без разрешения Империи.

Выслушав, Траффорд задумчиво сказал:

— Мне это дело не нравилось еще на старте. Никогда не

надо давать людям повод посудачить о странностях обыкновенных честных граждан, владеющих кораблями, являющимися по существу легкими крейсерами.

— Ты же знаешь, Бенджамин, им любой поступок землян кажется странным. У рептилий совсем иначе устроены мозги, нежели у млекопитающих. Но тем не менее масло на хлеб они намазывают ничуть не хуже. Они знают, что, как граждане пограничных миров, они всегда должны оставаться на дружеской ноге с людьми по ту сторону границ.

— Но сейчас официальной императрицей стала леди Элеонора. Но можешь ли ты убедить ее не обращать внимания на выверты Петтигрю?

— Дай бедной девушке отойти от промывания мозгов. У нее еще будет время полюбоваться на этот бредовый мир. Пройдет не один месяц, прежде чем она станет чем-то большим, нежели марионеткой.

— Так что же нам делать?

— Ты хочешь дать какой-нибудь совет, Бенджамин?

— Мы можем поднять корабль и отправиться на Линифарн...

— Только затем, чтобы эта спейсограмма настигла нас там, а уж тогда мы станем простыми пешками в игре торговцев и Империи.

— Мы можем очистить корабль от оружия и сделать его грузовым судном.

— И кто же заплатит за это, Бенджамин? Я, как ты знаешь, имею значительное состояние, но его едва хватит, чтобы начать дело. У нас не осталось бы никаких резервов, а нам они очень и очень пригодились бы. Я знаю, что независимый механик, поработав на старых космических линиях, прежде чем встать на ноги, будет лизать подметки, если не сможет вступить во фрахтовую войну. Ваши люди в во-

енном флоте весьма смутно представляют себе торговые дела. Тем более, они ничего не знают о принятых там формальностях и законах.

— Не все сразу, Айрин, — запротестовал Траффорд. — Все эти мелочи бюро снабжения.

— Посмотрим, что останется после уплаты налогов, — она угрюмо улыбнулась, — но мы, кажется, уклонились от темы. Посмотрим в лицо фактам. Мы имеем на руках корабль, который оснащен так же хорошо, как и любой легкий корабль твоих доблестных вооруженных сил, но вот только люди, желающие взять его за приличную цену, являются шайкой опьяненных кровью головорезов. Это нас и останавливает. К тому же мы имеем команду высококвалифицированных специалистов из вооруженных сил, которые будут работать до того момента, пока мы не продадим корабль. Я удивляюсь, почему они не потребовали, чтобы их отправили тем же лайнером, что Петтигрю и преступников. В мирное время служащих вооруженных сил не увозят из дома больше чем на неделю.

— А уволить ты их не можешь? Если это приятно тебе, знай, что Метзентер и Бронхейм — убежденные холостяки. А молодой Таллентайр вполне счастлив на корабле, пока здесь Сюзанна.

— Значит, мы уже имеем инженера, офицера связи и артиллериста. Очень приятная новость. Особенно об офицере артиллерии.

Траффорд взглянул на нее, стараясь угадать ее настроение. Все в порядке, решил он наконец, но к чему она клонит?

Она продолжала:

— Мне интересно знать, захотят ли твои друзья поступить так же, как и ты, — оставить службу?

— Нам нужен инженер первого класса, специалист по связи. Но при чем здесь артиллерист?

— Есть идея... — пробормотала она. — Отличная идея. Но, полагаю, тебе сначала надо скинуть свою форму, которую, наверное, уже больше не придется носить, и одеться, как полагается заправскому капитану, сошедшему на берег, и пойти надраться в кабак вместе со своим помощником.

— Но этот треснувший бачок...

— Не важно. Пошли.

Айрин не была больше императрицей, но привычка отдавать приказы у нее осталась.

«Вот она, тихая жизнь,» — подумал Траффорд и пошел в свои апартаменты переодеваться.

2.

С точки зрения землян, на Слицилле не было ничего достойного внимания — разве что климат, пригодный для рептилий и не вызывающий особых восторгов у млекопитающих. Траффорд сделал Слициллу своим первым портом после отлета с планеты галлюциногенов только по одной причине: она была ближайшим миром с регулярной службой межпланетных пассажирских сообщений. Он хотел сбыть с рук преступников и доктора Петтигрю, не в меру добросовестного члена Комитета. К тому же, согласно информации Директората, порт Слициллы славился большим количеством торговцев кораблями.

К тому времени, когда Траффорд был готов, у люка уже ждало такси, вызванное Сюзанной по телефону. Он был доволен, что Айрин — фанатичная поклонница оздоровительных миционов, отказалась от прогулки пешком.

Небо, как обычно, было покрыто облаками, и мелкий дождик,

моросящий между низенькими зданиями космопорта и мокрыми светящимися боками приземлившимся кораблей, делал день более холодным и неуютным, чем это было на самом деле. Серый туман, стлавшийся между верхушками древовидных папоротников, конденсировался в липкие, холодные капли, которые падали с подъемников, кранов, с еще не остановившихся машин на влажный, словно покрытый муравьками перрон.

Мрачный, серо-зеленый мир — вот что представляла собой Слицилла. Планета, чьи города были не более чем случайным скоплением низких грязного цвета построек, среди которых и над которыми виднелись цветные пятна папоротников и лиан. Планета с унылым, низким, вечно плачущим небом, нависшим над гнетущими, мрачными болотами. Мир, чьи народы не знали огня, не применяли силу домашних животных до того момента, пока первый космический корабль не совершил здесь мягкую посадку, но который уже успел основать колонии на обоих своих спутниках.

Машина была обычным трехколесным экипажем, с пассажирским салоном, оснащенным для удобства кондиционером, и сиденьем водителя, расположенным над задним колесом и не защищенным от ветра и дождя. Когда они вышли из люка, водитель оскалился в отвратительной улыбке и, отдавая честь, ударил своим чушейчатым хвостом:

— Сегодня хороший день, не правда ли, капитан?

— Хороший только для тебя, славный динозавр, — ответил Траффорд. По какой-то неизвестной причине слициллиане польстились на это убогое словечко, брошенное незадачливым офицериком с прилетевшего земного корабля.

— Куда, капитан?

— Марс, — ответила Айрин.

Водитель посмотрел на нее с выражением оскорбленного крокодила, а потом перевел взгляд обратно на Траффорда.

— Капитан, должен ли я выполнять приказ этой яйцекладущей?

— Да, — сказал ему Траффорд, оскалившись. — Марс, пожалуйста.

Они сели в экипаж. Было тепло и достаточно сухо, но не так, как в корабле. Они, не отрываясь, смотрели по сторонам. В другом мире такой экипаж оказался бы идеальным для наблюдений, но не на Слицилле. Пелена дождя ограничивала видимость до полутора километров, и, как выразился Траффорд, один древовидный папоротник сменял другой, а тот, в свою очередь, был не отличим от предыдущего.

Когда они достигли города, двигаться стало тяжелее: вокруг ехали такие же экипажи, но с открытым пассажирским салоном, где сидящие могли наслаждаться вездесущей слякотью, и гигантские трехколесные экипажи, высоко нагруженные закрытым брезентом товарами. Ко всему прочему их окружала настоящая армия велосипедистов, каждый крутил педали своей машины странными, как у механической игрушки, резкими движениями, каждый задирал хвост трубой так, чтобы он не запутался в заднем колесе аппарата.

Наконец, они оказались перед Марсом — прямоугольной коробкой здания, прямые линии которого поразительно контрастировали с кривизной окружающих домов. На его крыше была расположена мачта, увенчанная сверкающим неоновым светом, старинным символом красной планеты Солнечной системы — кругом с наконечником стрелы.

Казалось странным, что во времена космических путешествий и тотальной коммерциализации Марс все еще оставался символом бесплодия, вечного недостатка воды и сурового климата. Он как бы был полной противоположностью изобилующего водой мира Слициллы. И нечего удивляться, что Марс стал убежищем для землян, сосланных в этот сырой

грязный город, — для персонала космических линий, работников консульств и тому подобных. Внутри здания воздух был сух, все было окрашено в красный, оранжевый и желтый цвета — песок, иссеченные ветром скалы, сверкающие лишайники, угловатые изгибы высоких золотых кактусов.

Войдя через шлюзовую дверь, Айрин взяла команду на себя. Прокладывая путь между столиками с подвыпившими компаниями, прошла туда, где, погрузившись в свои мысли и уставившись на бутылку и стакан, сидел одинокий человек.

— Мистер Смит, — сказала экс-императрица, — это мой муж, капитан Траффорд.

Двое мужчин пожали друг другу руки, и Траффорд стал рассматривать нового знакомого с нескрываемым любопытством. Никогда еще он не встречал людей с такой ординарной, незаметной внешностью. Волосы, как волосы, глаза, как глаза. Лицо ничем не примечательное. И одет он в однотонную серую одежду, чем-то напоминающую униформу для рядовых служащих промышленности и торговли.

— Может, вы выпьете со мной? — спросил человек, когда они сели. — Я могу порекомендовать «теквиллу». — Он нажал на кнопку вызова в центре стола.

— Если это место под колпаком, — сказала Айрин, — может, лучше пойти куда-нибудь еще?

— Не стоит, — ответил Смит. — Я установил рядом искальдер. И сейчас он включен. Он здесь даже не обязателен. Подождите.

Тихо шурша гусеницами по сухому песку, к ним подкатил робот — точная копия широкопрофильной машины, применявшейся еще первыми марсианскими колонистами. Его чувствительные линзы уставились на них красными огоньками.

— Не обслуживаю, — сказал он спокойным механическим голосом. — Не обслуживаю. Не обслуживаю...

— Не надо паники, — проворчал Смит и сунул руку в карман. Послышался тихий щелчок.

— Не обслуживаю, — повторил робот, — не обслуживаю, не обслуживаю.

Рука Айрин потянулась к драгоценному камню, сверкавшему в волосах. Она сказала:

— Я хотела сделать полную запись этого разговора, но...

Ее гибкие пальцы сделали едва уловимое движение, и робот произнес:

— Ваш заказ, пожалуйста. Ваш заказ, пожалуйста.

— Еще одну бутылку «теквиллы», — сказал Смит, — с солью и лимонными дольками. И два бокала.

— Кажется, это место не подслушивается, — прокомментировал Траффорд.

— Вы правы, — кивнул Смит, — владелец утверждает, что здесь, наверное, единственное место в городе, где люди могут выпить и поговорить, как цивилизованные, высоко-развитые существа, свободные от какого-либо шпионажа, политического или... Если запрещенное устройство не будет выключено через несколько секунд после того, как робот произнес «не обслуживаю», он перейдет на крики, и посетители, которые хотят насладиться напитками в мире и тишине, немедленно возьмут дело в свои руки.

— А телепаты? — коротко спросила Айрин.

— Их не больше, чем зубов у курицы, — ответил Смит. — Я знаю только одно о хозяине — он подозревает любого в подслушивании мыслей, а разоблачение — это как пинок в зад для любого фискала.

— Хорошо, что мы не взяли Метзентера. — Робот принес напитки. Пока Смит наполнял бокалы, Айрин посолила ломтики лимона, задумчиво попробовала, а потом глотнула огненного зелья. — Неплохо, — прокомментировала она.

— Я думаю, марсианская «теквилла» гораздо лучше, чем так называемое гениальное пойло Мехико.

— Итак, — движения Айрин приобрели деловитость. — Теперь, мистер Смит, вы должны объяснить мне, что вы имели в виду при нашем коротком разговоре в приемной Долхар Халс. Вы понимаете меня?

Смит мягко улыбнулся.

— Я не знаю, что произойдет, но я могу представить, как бледную и покорную императрицу Айрин внесут в книгу пассажиров трансгалактического клиппера «Лайтинг» и в этом рейсе ее будет сопровождать личный психиатр и советник доктор Петтигрю. И еще я знаю, что этот Петтигрю является членом некоего Комитета отбора и что он постоянно докладывает обо всем управляющему планет...

Мне так же известно, мисс Смит, — да будет мне позволено называть вас тем именем, под которым вы зарегистрированы, как владелец корабля «Вандерер», — что хотя члены правления вашей организации могут себе позволить космическую яхту, никто, повторяю, никто, кроме вас, не владеет яхтой, которая по всем параметрам соответствует легкому крейсеру имперских вооруженных сил... Так что, Ваше Императорское Величество...

— Мое девичье имя — Айрин Смит, — сказала она холодно. — Сейчас же я миссис Траффорд — легальный владелец вооруженной яхты «Вандерер». Что вы можете мне предложить?

— Вы больше не поддерживаете связь с имперским правительством?

— Не больше любого рядового гражданина Империи. Могу вас в этом уверить. Скажем так, меня интересуют слухи, на которые вы намекнули сегодня утром. Может быть, это заинтересует и капитана Траффорда.

— Ладно, — тихо сказал Смит. — Вначале я предста-

вился, как советник Земли у Долхар Халс. В этой роли я выступал против продажи вашего корабля герцогине Вальдегрен. Я руководствовался своими принципами. И какое дело Долхар Халс, если земляне хотят устроить друг другу хорошую резню? Главное, чтобы компания получила свои комиссионные от сделки. Я исходил из того, что подобная сделка удовлетворяла бы обоих: и управляющего планетами, и представляемое вами правительство Империи. У меня есть причины не любить Вальдегренов, так что я был удовлетворен, когда миссис Траффорд отказалась в продаже.

Но я встретился здесь с вами не как представитель Долхар Халс.

— Так кого же вы представляете? — тихо спросила Айрин.

— ГЛУНР.

— ГЛУНР... — подумал Траффорд. — Да, это весомо. Какой у них лозунг? «Наша цель — торжество справедливости». Их недоброжелатели усмехались: «За красивыми лозунгами они прячут свои грязные делишки». ГЛУНР. Галактическая лига уничтожения насилия и рабства.

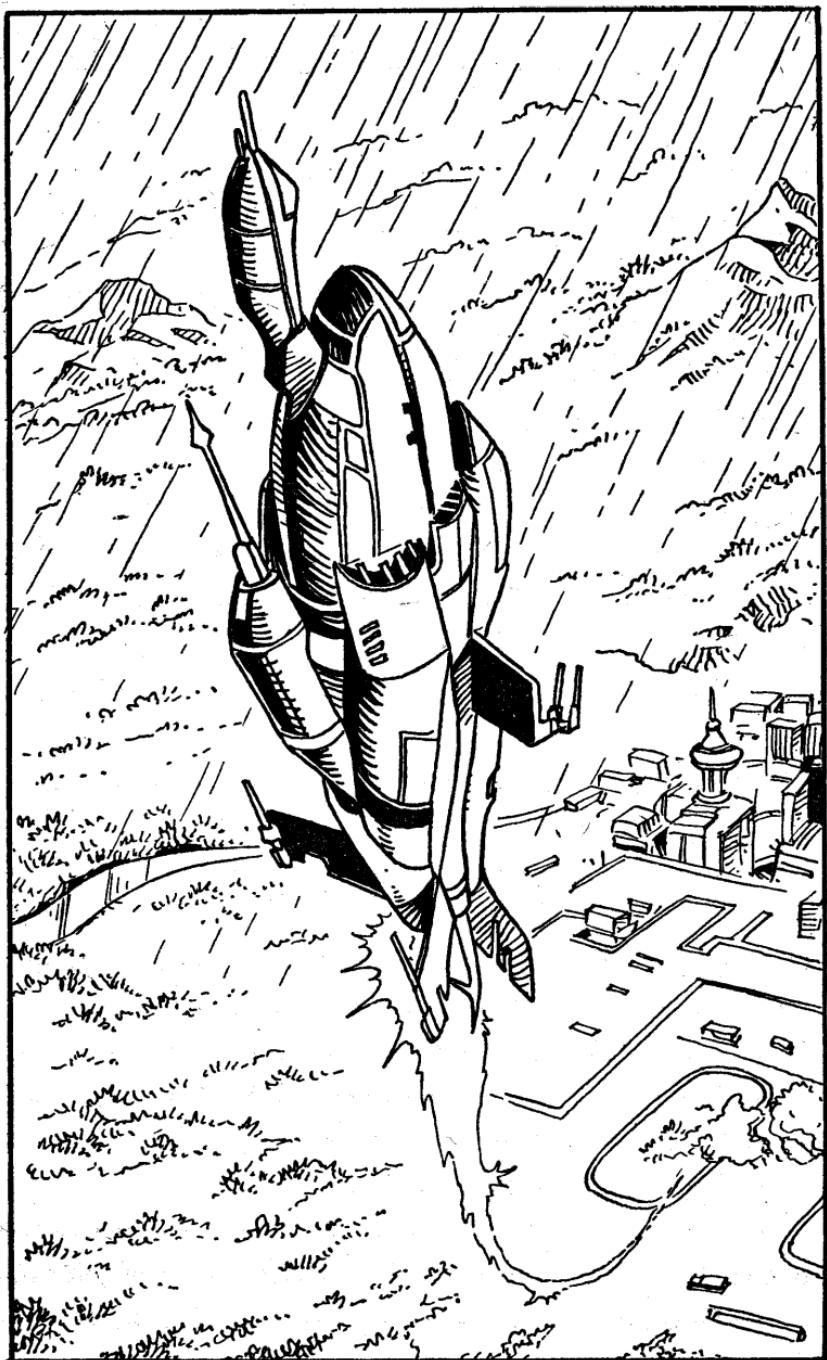
— Вы, вероятно, чересчур честолюбивы? — спросила Айрин. — Я думала, единственное, на что вы способны, это финансовая поддержка революций. Но зафрахтовать корабль...

— Мы можем позволить себе и такое.

— Я рада это слышать. Но боюсь, вы захотите, чтобы мы посвятили себя делу служения свободе.

— Мы хорошо заплатим. К тому же опыт показывает, что наемники всегда демонстрировали верность своим хозяевам.

— А что ты скажешь, Бенджамин? — Айрин, казалось, торжествовала. — Что ты скажешь, экс-капитан Траффорд, оставивший имперские вооруженные силы? Пойдешь ли ты добровольно под знамена этой шайки предателей, сумасбродов и террористов?

3 Наемники космоса

— Если они, как утверждают, борются за справедливость... — произнес с сомнением Траффорд.

— Но так оно и есть. К несчастью, их деятельность часто идет в разрез с интересами имперской полиции. Но это меня не волнует.

Траффорд молчал. Не так-то просто сбросить со счета прожитые годы. Как армейский офицер, он часто был инструментом в руках полиции Империи, всегда считал, что полиция действует на благо большинства. Он встретил вопросительный взгляд жены и высказал свои сомнения.

— Ах, так? — возмутилась она. — Я тоже знаю предостаточно. Признаюсь, пока я была императрицей, то была не более чем очаровательной марионеткой. Но испытания на галлюциногенной планете открыли мне глаза. Честно говоря, мне теперь хочется расплатиться за многие скверные вещи, которые пришлось сделать, когда я была императрицей — и к черту всю имперскую полицию! Но не так все просто. Я отлично знаю: те, кто хочет делать добро, совершают больше зла, чем добра. А потом, как это говорится: «Я не буду ломать вещи, за которые потом придется платить».

— Вы говорите, словно настоящий наемник, — произнес Смит.

— Вам нужен военный корабль, — сказал Траффорд. — Значит, вы думаете, что придется сражаться.

— А для чего же еще военный корабль?

— Иногда только для показухи. Но если будет драка, я не поверну свои орудия против кораблей имперских вооруженных сил.

— Мы уважаем ваши принципы, капитан Траффорд. Но мы не знаем, будете ли вы так же верны и нам. За вами и вашими офицерами будут внимательно следить, смею вас в этом уверить.

— Мне понадобятся мои специалисты, — сказал Траффорд, обращаясь к Айрин. — Но захотят ли они работать на ГЛУНР?

— Я думаю, да. Они достаточно умные люди, чтобы принять правильное решение, не поступаясь своими убеждениями.

— Таллентайр выйдет из доли, так же поступит и Сюзанна.

— Сюзанна верна мне, а Таллентайр пойдет за ней куда угодно, — ответила Айрин.

— Я все еще как-то не уверен... — пробормотал Траффорд.

— Это же служба, — сказала ему весело Айрин, — и плата подходящая. — Она взглянула на Сmita. — Ведь так?

— Нам надо еще подписать контракт, — сказал он. — У нас есть фонды, — он улыбнулся. — Да будет вам известно, мы получаем немалые суммы от людей, которым помогаем.

— Так выходит, вы сами наемник, — воскликнула Айрин.

— Я полагаю, да. И в этом нет ничего дурного.

3.

Так все они стали наемниками.

Офицеры-специалисты согласились остаться на корабле, сохранив верность Траффорду и Айрин, и этим, как сказал Таллентайр, они присягнули на верность Айрин, а не императрице. Она решила, что будет правильнее не разубеждать их в этом. А потом Айрин в широкополой шляпе, шикарном костюме, увешанная стекляшками, вступила на борт «Лайтинга», потратив добрых полчаса на свое восхождение. Она отыскала Пэттигрю и добилась через него свидания с женщиной, которая должна была занять ее место, леди Элеонорой — официальной императрицей. Она убедила ее поставить свою подпись на документе, позволяющем

Метзентеру, Бронхейму и Таллентайру уволиться из имперских вооруженных сил. Она попросила капитана лайнера и старшего офицера, сдержанных и официальных в присутствии титулованных особ, засвидетельствовать подпись императрицы. Это уже был далеко не первый случай, когда Элеонора подписывала подобные документы. Как заместитель и преемница, она часто подписывала официальные бумаги и на этот раз вряд ли что-нибудь упустила или ошиблась.

А потом Айрин легко, но решительно выхлопотала для Траффорда новую для него должность владельца торгового корабля. Для этого консул Земли выдал Траффорду и другим членам экипажа временные дипломы, где их военные должности посчитали равными нынешним гражданским (Айрин получила диплом мастера астронавигации). Потом генеральный консул зарегистрировал Траффорда, как хозяина корабля.

Траффорд утвердил все пункты договора, по которому члены экипажа получили различные должности: Айрин — помощника, Таллентайр — второго помощника, Бронхейм — главного инженера, Метзентер — офицера связи и Сюзанна — экономки.

Наконец, когда все расселись вокруг стола в Марсе, Траффорд попробовал протестовать:

— Торговое судно не может нести на себе лазерные излучатели и управляемые реактивные снаряды!

— С точки зрения закона, да, — сказала Айрин. — Он частная собственность. Он больше не носит флага вооруженных сил. Но оружие нам нужно исключительно для самообороны, — сказала она безразличным тоном, — после всего, что было, я отправлюсь в путь только на вооруженном корабле.

Таллентайр пробурчал что-то насчет вооруженного борда, но она резко оборвала его:

— Но-но, второй помощник!

Артиллерист выпрямился в кресле, его изящное, тонкое загорелое лицо потемнело.

«Он воспринимает все слишком серьезно», — подумал Траффорд и посмотрел на Сюзанну, которая благодаря своей внешности вполне могла сойти за сестру этого парня. Она смотрела на Таллентайра с насмешкой. Сюзанна поймала его взгляд и слегка улыбнулась, тот вспыхнул радостной ответной улыбкой. Капитан, глядя на этот безмолвный диалог, испытал удовольствие. Сюзанна была способна делать с Таллентайром все, что угодно.

— Но где кончается оборона и начинается нападение, вот в чем вопрос, — сказал Траффорд.

— Это плодотворная почва для игры словами, и не важно, идет ли речь о торговом или военном корабле. Ясно одно — хозяин торгового судна вправе оказать сопротивление при нападении на него с целью разрушения или взятия в плен. При этом он может применить любое оружие. Но вот вправе ли он открыть огонь первым... — она пожала плечами.

— Я капитан этой развалины, — продолжил Траффорд, — или, если пожелаешь, как принято в торговом флоте, хозяин. Но я до сих пор не знаю своих прав и обязанностей. Люди ГЛУНР наняли нас из-за нашего вооружения, а не из-за грузоподъемности судна. Зачем было вводить всех в заблуждение? Не проще ли было классифицировать наш корабль, как капрский?

— Возможно, — согласилась его жена. — Наверное, проще. Но, честно говоря, я не могу себе представить, как мое правительство выдаст капрское свидетельство кораблю, который, во-первых, подчиняется только мне, во-вторых, зафрахтован полулегальной организацией. Лучше будем осторожными, Бенджамин. Очень, очень осторожными. Даже открывая огонь только в крайнем случае по худым людям,

можно увлечься и сделаться настоящими пиратами, а мы уже хорошо знаем, что это может повлечь за собой.

— Можно мне к вам присоединиться? — спросил подошедший Смит с плотно набитым чемоданом в руке. Свободной рукой он пододвинул к столу кресло, отыскав ему место между Бронхеймом и Метзентером. Он открыл свой чемоданчик, достал из него различные бумаги и произнес:

— Мои принципы доставляют мне одни хлопоты — с моим начальством из ГЛУНР, а не с правлением Долхар Халс, конечно. Они считают, что я поторопился, договорившись с вами, и теперь не знают, что с вами делать. Но мы обязательно найдем вам занятие.

Вам, конечно, известно, что основным экспортом этого мира являются различные антибиотики. У нас имеется такой груз для Антрома. Вы знаете эту планету?

— Я слышала о ней, — ответила Айрин. — Одна из последних колоний в секторе Цефея. Основана уцелевшими с «Лодс Антрома». Находится в границах Галличековой Гегемонии, но считается автономной.

— Позволю заметить, — сказал ей Смит, — ваши имперские власти в курсе всех событий.

— Это относится только ко мне, а не к ним. Всю информацию я получила во время скитаний на проклятых звездных границах. У нас был инженер, который перед этим побывал на Антроме.

— Груз... — пробурчал недовольный Таллентайр.

— Но очень важный груз, сэр, — сказал Смит. — Антром оказался в скверном положении. Галличеки не успокаются, пока этот авантюрист человеческой культуры будет находиться внутри их границ. По некоторым причинам, о которых, конечно, миссис Траффорд догадывается, они не желают объявлять открытую войну Антрому, но есть другие

способы оказать на него давление. Блокада, например. Они имеют право задерживать и осматривать все корабли в пределах контролируемой ими области космоса. Антибиотики являются одним из самых необходимых средств медицины, но их импорт в Галличековую Гегемонию объявлен вне закона. Якобы они являются биологическим ядом.

Как бы то ни было, они необходимы на Антимре, чрезвычайно необходимы. Там сейчас вспышка эпидемии новой легочной болезни — у нее еще нет названия. Болезнь достигла катастрофического уровня.

— Прорыв блокады... — сказал Таллентайр задумчиво.

— Конечно, не как пираты, но поработать придется, — проговорила Сюзанна.

— А что ты скажешь? — спросил Траффорд у жены, — в конце концов, ты же владелец.

— Чертов отступник! — проворчала она. — Все-таки нам эти люди платят, и мы доставим груз в целости и сохранности.

4.

Погрузка не заняла много времени: хотя, как военный корабль, «Вандерер» не был приспособлен для перевозки грузов. Все, что требовалось от слициллианских грузчиков, так это поместить контейнеры на платформы, с которых при помощи механизмов они были переправлены в трюмы, надежно складированы и закреплены. Заправка топлива и погрузка провианта почти совсем не отняли времени: гидропонные системы с дрожжевым концентратом и баки с водой решили вообще не менять. Единственное, что взяли на борт, так это небольшой запас деликатесов, чтобы хоть

как-то разнообразить свой рацион. Отдельно были погружены слитки урана, дававшие необходимую энергию для полета через всю Галактику.

Затем Смит, подняв бокал за успешное плавание, произнес в кают-компании прощальные слова:

— Я не собираюсь учить вас, капитан, — сказал он Траффорду. — Но будьте осторожны. Контрабандисты, идущие на прорыв блокады, объявляются вне закона и могут надеяться только на свою силу, но в пределах разумного. Надобить врага его же оружием.

— Вы хотите, чтобы мы прорвались? — резко спросила Айрин.

— Конечно, миссис Траффорд. Но...

— Но вы не хотите, чтобы мы втянули вас в неприятности с правительством Империи. Мне кажется, вы сейчас записываете разговор на магнитофон, чтобы, если понадобится, пойти на попятную, доказывая, что вы всеми своими силами убеждали нас отказаться от этого рискованного предприятия.

— И в то же время вам нужен вооруженный корабль, — вставил Таллентайр, — не так ли?

Смит улыбнулся.

— Все правильно. Ваша взяла. Мы действительно хотим перебросить туда груз. Что касается меня, то я не стану особо суетиться из-за этого груза, но это, заметьте, касается только меня. Мне было бы очень неприятно, если бы вас привели на суд, как пиратов. Само собой, когда ваш корабль захватят, — ГЛУНР заплатит компенсацию его хозяйке. Но только если она не совершила ничего незаконного перед своим арестом. Понимаете?

— Понимаем, — оборвала Айрин. — Наказание за пиратство будет одно — нас выбросят в люк без скафандров. Это противная смерть, так что никто из нас рисковать особо не будет.

— Как я и сказал, — добавил Смит. — Ваши люди знают, на что идут. Но что бы там ни было, счастливого вам приземления. — Он попрощался с экипажем «Вандерера», и Сюзанна проводила его к люку.

Наступила долгая пауза, и Траффорд, ожидая разрешения управления порта, увидел Смита, высокого и статного, стоящего в середине группы кенгуроподобных слициллиан. Смит помахал им рукой. Из динамика радиопередатчика раздался свистящий голос дежурного, пожелавшего счастливого плавания. Затем, после предупредительного сигнала, пришло необычайное чувство легкости, говорящее о том, что заработал инерциальный двигатель. Но стоило кораблю покинуть взлетную площадку, как чувство легкости тут же сменилось навалившейся тяжестью.

Они поднимались через завесу дождя, сквозь низкий облачный покров. Сначала медленно, а потом все увеличивая и увеличивая скорость, прорвались через разряженные облака, и вдруг Слицилла оказалась под ними — огромная поверхность ослепительного белого тумана, плоскость, которая тут же сменилась сферой. Над ними, вокруг них простирался привычный космос, усыпанный сияющими звездами.

Медленно, поскрипывая гироскопами, «Вандерер» повернулся вокруг оси. Айрин отыскала нужную звезду, и Траффорд осторожно ввел ее в перекрестие прицела.

На панели контрольных огней двигателя Маншенна вспыхнул сигнал, Траффорд нажал кнопку старта. В этот же миг, заглушая все другие звуки на корабле, раздался резкий пронзительный звук. Внешний мир начал бешено вращаться, и каждая звезда превратилась в искривленную спираль пульсирующего радужного света. «Вандерер» лег на свой курс, он двигался в трехмерном пространстве с помощью межзвездного ускорителя. Не используя, по существу, другие измерения континуума, он перемещался при

этом назад во времени. Путешествие не было мгновенным, но так как Бронхейм слыл лучшим специалистом имперских вооруженных сил по межзвездным перелетам, то оно заняло совсем немного времени.

Слишку отделяло от Антима семь световых лет. «Вандерер» преодолел этот путь за семь недель и оказался на расстоянии полутора от солнца Антима. Этот путь теоретически можно было преодолеть за семь секунд.

Семь недель Бронхейм дневал и ночевал в рубке корабля вместе с Метзентером, который вел постоянные наблюдения (к счастью, он мог делать это во сне так же хорошо, как и бодрствуя) за мыслями других существ, которые могли оказаться по соседству, но были ли галличеки телепатами и использовали ли вообще эту способность, было неизвестно. Таллентайр, зачарованный Сюзанной, почти не отходил от прибора Карлотти Беакона, применявшегося для КНТ навигации и обнаруживающего любые радиосигналы в радиусе нескольких световых лет почти мгновенно.

Что до Айрин и Траффорда, то они редко оставляли контрольную будку и порядком намучились. Оба они имели опыт войны в космосе, когда-то ушли от пиратского корабля капитана Джонса — но это был совсем другой случай. Обоим им — Айрин как офицеру и вооруженному торговцу, а Траффорду, как капитану военного корабля, — приходилось сражаться, приходилось убегать, а подчас и то, и другое сразу, но на этот раз они собирались только убегать.

— Это все, что мы можем сделать, — пожаловалась Айрин. — Даже если это будет только вооруженный лихтер. Империя с Гегемонией в хороших отношениях. И они таковы, что свой сейчас Антимеры гнездо в их курятнике, те заклевали бы их в момент.

— Не их вина, что их забросила туда судьба, — сказал

Траффорд. — И просто чудо, что их старый звездолет смог вынырнуть в том районе.

— Да, да, мне это известно. Я также знаю, что Империя предложила несколько лет назад вывезти Антимерсов с их драгоценных планет в пригодные для жизни миры на наших границах. Но что-то не вышло. Скорее всего, им не стоит ставить это в вину. Этот инженер, о котором я рассказывала Смиту, один из тех, кто был со мной на моем старом «Кнаузеле»... Его имя было Кеннели. На него часто находило, его обуревала тоска по родине, и он начинал ныть о восстающих из моря зеленых горах, о белоснежных облаках, лениво плывущих по нежному голубому небу, об ароматном запахе торфяного дыма в наступающих сумерках. Как он называл его? Изумрудный островок в черном океане космоса. А теперь галличеки, которые в то время и понятия не имели о межзвездных, даже межпланетных перелетах, претендуют на этот мир. Я, конечно, их не виню. Это во много раз лучше тех помоек, что они уже колонизировали. Но теперь они оказывают давление на Антимерсов, надеясь, что те изменят-таки свое отношение к переселению.

— Но Антимеры имеют законные права на свою планету, — возразил Траффорд. — Каждая цивилизованная раса соглашается с принципами космического законодательства, а один из них гласит, что установка флага на незаселенной планете не дает еще права на всю планету. Для этого должна быть создана колония.

— Согласна. Но надо признать, что галличеки имеют законное право останавливать и обыскивать корабли, пролетающие по их космической территории, и изымать любой груз, объявленный в Гегемонии контрабандой.

— Нам надо было бы повидаться с адвокатом, прежде чем стартовать со Слициллы, — запальчиво сказал Траффорд.

— Но ты, как хозяин, сам себе и юрист, правда, без

диплома. Тебе надо было бы сдать экзамен, в том числе и по космическому праву. К счастью, этот ублюдок Джонс не выкинул мои книги, когда куролесил в моем корабле. Они все еще в ящике. Мне думается, тебе стоит их просмотреть.

Сюзанна, которая слушала разговор с нескрываемым интересом, перевела взгляд на Карлотти Беакон. На поверхности экрана возник извивающийся червяк зеленого цвета.

— Попутчики, — пробормотала она. — У нас появились попутчики. И близко.

— Объяви тревогу! — приказала Айрин.

Но Траффорд уже нажал кнопку.

5.

Не прошло и нескольких секунд, как весь экипаж был в рубке управления. Таллентайр сразу прошел к орудиям с быстротой и грацией поджарого охотящегося кота, выпустившего острые когти. Бронхейм, грузный и флегматичный, прошелся к пульту дистанционного управления двигательной установки с неторопливостью, которая не имела ничего общего с медлительностью. Рослый, угловатый Метзентер, облаченный вместо униформы в широкую мантию, вышитую кабалистическими символами, сидел у экрана.

— Не снимай пальцы с курков, мистер Таллентайр, — приказал Траффорд.

— Я все еще не могу нащупать цели, сэр, — ответил офицер.

— Только не стреляй без предупреждения, — это все, что от тебя требуется. Мистер Бронхейм, смотрите, они могут попытаться добиться темпоральной синхронизации...

— Я слежу за ними..., — проворчал Бронхейм.

— Мистер Метзентер, мы нашули сигнал на оборудовании Карлотти. Вы что-нибудь слышите?

— Я... Я спал, когда прозвучал сигнал тревоги...

Айрин хотела сказать что-то резкое, но Траффорд остановил ее, подняв руку. Он был более, чем она, осведомлен в делах специалистов писсвязи. Он знал, что озвученная мысль может быть воспринята, как сигнал, только когда она звучит на языке, знакомом телепату. Если же мысль звучит на незнакомом языке или вообще не имеет звуковой реализации, она может быть пропущена.

— А что тебе снилось? — спросил он.

— Я был птицей, и вокруг меня было множество других птиц. Это были ястребы или что-то очень похожее на ястребов. А под ними была другая птица — жирный, ничего не подозревающий голубь...

— Такой уж он ничего не подозревающий... — пробормотал Траффорд. — Сюзанна, постарайся как-то определить, что это за люди или ястребы. И вы, мистер Метзентер, только будьте внимательны. Любая случайная мысль, всплывшая в вашей голове, может рассказать нам многое.

— Ястребы все еще здесь, — сообщил телепат. — Скоро они накинутся на жертву.

— Пускай, — радостно заметил Таллентайр, — мы не голуби.

— Нет, мистер Таллентайр. Мы — голуби. Но верткие, быстрые и достаточно разумные, чтобы держаться тактики уклонения.

— След на индикаторе приблизительной массы, — откликнулась Айрин. — Больше одного корабля, я думаю, может быть, целая эскадра.

— Они все еще пытаются добиться синхронизации, — доложил Бронхейм. — Но делают это чересчур неумело.

— Пускай стараются. — Траффорд обернулся к Айрин. — Я думаю, что контакт на приборах Карлотти между кораблями не причинит нам вреда. Тот факт, что мы первыми обнаружили их, показывает, что у них довольно примитивная техника.

— Конечно. Это даже наводит меня на мысль, что мы имеем кое-какое преимущество. Сюзанна!

— Да!

— Смотри, может, еще чем-нибудь нас порадует твоя электронная лента Мебиуса.

Девушка, нахмурив от напряжения брови, сконцентрировала свое внимание на управлении. Внезапно пронзительный кудахтающий поток звуков вырвался из громкоговорителей корабля. Сюзанна дождалась паузы и проговорила в микрофон чистым, спокойным голосом:

— Межзвездный корабль «Вандерер» вызывает неизвестную эскадру. «Вандерер» вызывает неизвестную эскадру. Отзовитесь, пожалуйста.

Послышилась еще одна клокочущая трель, и затем голос заговорил на английском языке. Он напомнил Траффорду старого попугая, любимца кают-компании на одном корабле, где ему пришлось служить.

— «Вандерер», — проговорил он. — «Вандерер», слышащий, «Вандерер». Мы галличеки седьмой крейсерской эскадры. Откуда вы, «Вандерер»? И куда держите путь?

— Ответь им, — распорядилась Айрин.

— «Вандерер», со Слициллы на Антрам.

— Какой у вас груз?

— Ответь им, — вновь приказала Айрин.

— Антибиотики.

— Подойдите, «Вандерер», для досмотра и обследования.

— Дайте мне, — сказала Айрин. Она поднялась со своего

кресла и подошла к прибору Карлотти. Она взяла поданный Сюзанной микрофон.

— Простите, — сказала она, — но это невозможно.

— Швартуйтесь. Швартуйтесь. Это приказ.

— Мы не можем. У нас полетела регулировка привода, и пока мы его не отладим, мы не в силах поддерживать с вами постоянную темпоральную синхронизацию.

— «Вандерер». Перекройте привод. Мы вышлем вам инженеров помочь устраниТЬ неисправность.

Айрин многозначительно посмотрела на Бронхейма, тот прошептал:

— Скажи им, что мы не можем перекрыть привод. Если мы это сделаем, то сразу лишимся всей ртути в главных магистралях.

— Прекрасно... — Она отняла руку от микрофона и повторила сказанное Бронхаймом.

— У нас на борту тонны ртути, — пришел ответ.

— Но не ртути-196, — проворчал Бронхейм. — Скажите, что двигатель Маншенна Марк XVII использует только 196-ю.

— Я передам твои слова. — И далее, в микрофон. — Наш двигатель новый, экспериментальной модели. Он функционирует только на редком изотопе ртути, применяемой в системах баллистики. — И в надежде добавила: — Я не думаю, что вы имеете запас ртути-196.

Посыпались скрип и кудахтанье. Галличеки совещались со своими техниками.

— Увы. Мы не балуем наши машины. У нас нет необходимых изотопов. «Вандерер»! Перекройте свой привод. Мы пошлем вам механиков, которые установят вам один из наших двигателей.

— Очень великодушно, — прокомментировала Айрин. — Видно, если что-то запало им в голову, они разобъ-

ются в лепешку, но сделают — Она посмотрела на Бронхайма, но инженер только развел руками. Айрин ответила тем же, а потом обратилась к переводчику галличеков.

— Я очень признательна, но мы не можем допустить этого. На модель Марк XVII сохранилась гарантия, и если мы позволим чинить его неуполномоченным людям, нам потом откажут в его замене.

— Но мы сами заменим его.

— С вами же нет других Марк XVII?

— Мы их порядком разозлили, — сказал Метзентер. — Я чувствую, что весь курятник на милю вокруг просто клокочет от бешенства...

— Перекройте двигатель, — заскрежетал динамик. — Перекройте ваш двигатель!

— Мистер Метзентер, — сказала Айрин телепату. — Готовы ли они к каким-нибудь решительным действиям?

— Нет, ваша милость. Изображение домашних курочек все еще остается. А вот другое изображение — сочного жирного червяка — исчезло. Червяк спрятался в норке прежде, чем над ним щелкнул клюв... Но теперь появился еще один клюв. Он ждет, раскрывшись, у другого конца норы.

— Конечно, денежный приз есть денежный приз. И им неприятно видеть, как он переходит к другим экипажам кораблей, несущим патрулирование вблизи самого Антима.

— Но нам все равно придется вернуться в обычное пространство перед посадкой, — возразил Траффорд.

— Мы так и сделаем. Но где — вот в чем вопрос.

— Обычно считается вполне приемлемым расстояние в четыреста миль от экзосферы планеты. Единственное, что доставит некоторое неудобство, так это внутренний Пояс Ван Аллена...

— И у наших друзей с куриными мозгами будет вполне

достаточно времени, чтобы растерзать нас в клочья, прежде чем мы достигнем поверхности. Но у них все-таки куриные мозги — картины, которые уловил Метзентер, говорят сами за себя. Я думаю, что нам удастся доставить груз в целости и сохранности — законы физики и психологии на нашей стороне.

6.

«Вандереру» ничего не стоило уйти от галличековой эскадры, но что бы это дало? Военным кораблям на орбитах вокруг Антима сообщают о скором его появлении вблизи планеты, и даже без предупреждения от команды патруля глубокого космоса. Траффорду как-то пришлось служить на сторожевых кораблях, и он отлично знал, как они просматривают пространство на всех Карлотти частотах, как безостановочно гудят магнитофоны, как немедленно вызываются штабы лингвистов, подолгу бодрствуют наблюдатели за экранами масс-индикаторов. Да, было очевидно, что орбитальные корабли уже поджидают земной корабль с грузом контрабанды: богатый приз, который появится на мгновение на их экранах, чтобы потом выскочить в нормальном континууме в пределах досягаемости их боевых орудий и ракет.

Работал только двигатель Маншенна — без включения инерциального двигателя, чтобы не демонстрировать всех возможностей корабля. Шел «Вандерер», а вокруг него, сверкая на экране масс-индикатора зловещими искрами, мчались корабли седьмой крейсерской эскадры, все еще не потерявшие надежды вырвать эту жирную добычу из когтей орбитальной блокады.

Пока не раскрыты все карты, надо было лишь следить и

ждать. Экипаж «Вандерера» торжествовал, глядя на безрезультатные потуги галличеков перехитрить контрабандистов.

— Сдавайтесь, — скрипел динамик, — пока не поздно. Мы обещаем быть милостивыми к побежденным. На самом деле никакой блокады не существует. Маршал Фраймики трепло. Он клюет и рвет мясо со своих же костей.

Иногда в динамики вторгался слабый голос:

— Не слушайте их. Они лгут, — затем он затихал и вновь появлялся. — Порт Донегал «Вандереру». Порт Донегал «Вандереру». Вы хорошо постарались, ребята, спасибо, но лучше поверните обратно.

— Благодарить будете, когда увидите нас, — ответила Айрин.

Обращаясь к своей жене, Траффорд сказал:

— О чем ты думаешь? Я отлично знаю, что у нас есть шанс прорваться, но я просмотрел все твои книги по космическому праву и не смог найти даже малейшей лазейки. Мы можем стрелять только из игрушечных ружей. И если даже в случае самообороны мы хоть раз откроем огонь, нас зачислят в пираты.

Она самодовольно улыбнулась.

— Я надеялась, Бенджамин, что ты сам поймешь, что к чему. Твой опыт подсказывает тебе только два пути решения: выступать против меньших, равных или чуть больших сил противника и бежать от существенно превосходящих сил. Но отбросим в сторону бегство сломя голову. Ситуация зависит от уровня техники противника.

— Мы даже не пробуем бежать сломя голову. Что прикажете мне делать? Я все-таки капитан, но никто не хочет мне ничего объяснить.

— Наше главное оружие, — сказала она ему, — это психология.

— Психология?

— Да. Как ты знаешь, каждая разумная форма жизни в

этом мире наследует тип поведения своих отдаленных предков. Но одну вещь имеем, как правило, все мы — любопытство, правда, у каждого оно выражено по-разному. Ладно, ты слышал версию Метзентера о том, что наши разукрашенные перьями друзья могут чувствовать и мыслить. Ты слышал, как они ругались из-за своего приза. Тебе это ничего не напоминает?

— Хм... Да... Птиц, подравшихся из-за жирного червяка?

— Вот именно. Галличеки не в состоянии сейчас воевать.

Можно спорить, что все они сейчас заняты наведением порядка в своих рядах.

Седьмая крейсерская эскадра крутится около нас. И к тому же их маршал — настоящий пройдоха и воспользуется случаем, чтобы урвать кусок, да пожирнее, от денежного приза. Однако маршал блокады будет утверждать, что все призовые деньги должны достаться сторожевикам. Исходя из этого, нам и надо рассчитать точку, где мы должны появиться в нормальном пространственно-временном континууме. По всей видимости, все корабли орбитальной блокады будут находиться в боевой готовности, оставив противоположную сторону Антрома неохраняемой.

— Ладно. Я согласен. Но как мы там окажемся?

— Очень просто. Вспомнив законы элементарной физики, Бенджамин.

— Я хочу, чтобы ты прекратила говорить загадками, — возмутился Траффорд.

— А я хочу, чтобы ты перестал думать, будто всеми кораблями управляют только в соответствии с уставами имперских вооруженных сил. Есть старая-престарая аксиома. Два твердых тела не могут находиться одновременно в одной и той же точке.

— Это можно использовать, — пробормотал наконец Траффорд.

— Можно, и мы используем это.

7.

Траффорд всегда считал себя хорошим навигатором, но даже с помощью превосходного корабельного компьютера он не смог выполнить громадный комплекс сложных вычислений, на которые отводилось к тому же слишком мало времени. Так много предстояло вычислить: время прохождения Антима вокруг своего светила, гигантскую, сложную орбиту звезды Антима вокруг галактического центра, галактические течения и их влияния друг на друга.

Глядя, как Айрин и Бронхейм работают вместе, скользивая щелкающей машине задание за заданием, он чувствовал себя лишним и ненужным. Во время короткого перерыва его жена, взглянув на него, догадалась о его душевных переживаниях, которые были написаны у него на лице.

— Ты же капитан, — сказала она ему. — Ты всегда должен быть примером для всей команды. Оставайся здесь, в рубке управления, и если наши крылатые друзья попытаются синхронизироваться... — она бросила на Таллентайра подозрительный взгляд. — К тому же не стоит хозяину выполнять работу второго помощника.

— Я артиллерист, моя госпожа, — сказал офицер.

— Вы находитесь на должности второго помощника, — ответила она ему, а затем улыбнулась. — Я не имею к вам претензий. Но на торговом судне вы все же второй помощник, а не артиллерист.

Она стряхнула пепел в блюдце своей кофейной чашки и сказала Траффорду:

— Если мистер Бронхейм или я понадобимся вам, вы найдете нас в вычислительной. Как обычно.

Когда она ушла, Таллентайр, взглянув на Траффорда, сказал:

— Я начинаю сожалеть, что я такой узкий специалист, сэр. Объяснили бы вы мне, что значит вся эта суэта.

Траффорд решил немного поиграть на чувствах других. Он удобно откинулся в своем кресле и зажег трубку.

— Вначале, — сказал он, — позвольте вас спросить, хорошо ли вы знаете двигатель Маншенна?

— Конечно, — воскликнул Таллентайр. — В его основе лежит гироскопическая процессия, поворот вправо по трем осям в пространстве, но тем не менее процессия идет совместно с пространственно-временным континуумом.

— Достаточно. Как сказала импе... Как сказала моя жена, два твердых тела не могут одновременно находиться в одном и том же месте. Мы, конечно, являемся одним из этих твердых тел. Другим же будет Антрам.

— Хм. Мне кажется, я догадываюсь, куда вы клоните, — сказал Таллентайр и возбужденно добавил: — Меня словно озарило. Теперь я все понял. Проще говоря, мы должны пройти прямо сквозь планету, словно она не существует вообще, чтобы вынырнуть в нормальном континууме на другой стороне, где нас не ждут корабли орбитальной блокады. Это так просто, что до сих пор никому не приходило в голову.

— Во-первых, — сказал ему Траффорд кисло. — Это далеко не просто. А во-вторых, такое уже пытались проделать однажды. Ты, возможно, слышал о пирате, называющем себя Черным Бартом. Во многих отношениях он был поистине военным гением, и одним из его вкладов в искусство ведения войны в пространстве стала синхронизация. До открытия законов случайной процессии это было смертельное оружие. Он мог обнаруживать и преследовать свою жертву с помощью одного лишь масс-индикатора, синхронизировать величину временной процессии, усиливая тем самым бортовой залп своего корабля, или наоборот, десинхронизировать про-

цессию при ответном ударе противника. Потом он просто перекрывал свой привод, причаливал и грабил.

В конце концов, мальчики из секретной службы вооруженных сил скопировали этот способ, установили соответствующее оборудование на двух эскадрах, одна из которых гонялась за Черным Бартом, а вторая осуществляла блокаду его базы, которая была самой настоящей крепостью, оснащенной проекторами, эффективно действующими на тысячу миль вокруг. У Черного Барта был только один корабль, силы противника превосходили его качественно и количественно, и он решил бежать домой. Но одна эскадра шла за ним по пятам, а вторая ждала в засаде.

Он пустился наутек — а что еще прикажете делать? Удирая, он миновал точку, где любой здравомыслящий командир должен был бы выключить свой двигатель. А потом внезапно, когда он был уже в атмосфере, произошел атомный взрыв, который слизнул с поверхности планеты все на пять миль вокруг. Одновременно космическая крепость пирата, вовлеченная в ракетную дузель с крейсерами блокады, прекратила свое существование.

Таков был конец Черного Барта. Конечно, никто не знает, что же произошло на самом деле. Но ученые выдвинули вполне приемлемую гипотезу. Черный Барт пытался осуществить то, что хотим сделать и мы. Но он не принял в расчет всех факторов, когда вел свои вычисления.

Эта орбитальная крепость оказалась на его пути. Настоящая траектория Черного Барта точно пересекала предшествующую траекторию крепости, но так как его двигатель Маншена действовал, произошла темпоральная синхронизация. И два твердых тела не могли занять одновременно одно и то же место в пространстве.

Итак, как ты видишь, не все здесь так просто. Антрам

тоже имеет немалое количество разнообразных спутников — обсерваторий, лабораторий, релейных станций, станций управления погодой и тому подобное — причем на самых различных орбитах.

Поверь, невероятно сложно сделать правильный расчет для всего этого хлама на орбите планеты, когда оперируешь тремя измерениями, но когда у тебя их четыре...

— Я представляю, — сказал Таллентайр. — Или, во всяком случае, мне кажется, что представляю. Я слышал о Черном Барте, но все, что сказано в официальных источниках о его конце, — так это, что он врезался в один из орбитальных форточек.

— В сущности, я сам не знал всей этой истории полностью, пока ее не поведала мне моя жена. Когда она была императрицей, ей доставляло удовольствие листать старые армейские сводки — занятие, вряд ли доступное простым смертным. — Он усмехнулся. — Только поэтому у нас появился хоть какой-то шанс.

— Будем надеяться, — сказал Таллентайр.

— Будем надеяться, — согласился Траффорд.

Молчавший долгое время Карлотти-динамик вдруг заверещал вновь:

— «Вандерер»! «Вандерер»! Вызываем «Вандерер»!

Таллентайр вопросительно посмотрел на Траффорда, и тот кивнул.

— Я слушаю вас, — сказал Таллентайр в микрофон.

— «Вандерер». Прекратите движение. Перекройте привод. Остановитесь. Остановитесь. Неужели вы хотите попасть в лапы маршалу орбитальной блокады? М вас помиловали бы...

— Катитесь на свои настенцы, — грубо рассмеялся в микрофон Таллентайр. — Только несите яйца круглые, как апельсины.

Наступило долгое молчание, видно, галлический переводчик копался в своем словаре, отыскивая соответствующие синонимы. Ответ переводчика состоял в основном из самых грязных ругательств, какие только существовали в жаргоне глубокого космоса.

— А я думал, вы леди... — печально заметил Таллентайр.

8.

Впервые Траффорд сближался с планетой на одном двигателе Маншенна.

«Это первый и, я надеюсь, последний раз в моей жизни», — подумал он.

Кораблям седьмой крейсерской эскадры пришлось отказаться от погони, еще на порядочном расстоянии от внешнего Пояса Ван Аллена. Жадность, наконец, уступила место внутриведомственной лояльности, и они тут же возобновили связь с орбитальной блокадой. Динамики рубки управления отвратительно кудахтали и верещали, и Айрин приказала их выключить. Никто из экипажа «Вандерера» не был настолько хорошим лингвистом, чтобы понять, о чем шла речь, но Метзентер, пользуясь телепатической связью, добыл товарищам необходимую информацию.

— Послание! — прошептал он. — Перехватить! Перехватить! Пока эти глупые гагары не уничтожили сами себя!

«Что, скорее всего, и произойдет», — мрачно подумал Траффорд. Он теперь знал так же отлично, как и Айрин с Бронхаймом, что риск велик. Был сделан расчет для орбиты каждого спутника Антима, но существовало множество объектов, учесть которые было просто невозможно: стартующие

корабли, корабли, идущие на посадку, корабли орбитальной блокады. «Если нам суждено столкнуться с кем-нибудь, — добавил он про себя, — то я надеюсь, это будет один из галлических крейсеров...»

— Капитан! — уверенно проговорил Метзентер. — Надейтесь на лучшее! Надейтесь на лучшее!

— Чертов слухач, — прорычал Траффорд, и Айрин, которая вместе с Бронхаймом застыла над пультом дистанционного управления, недовольно посмотрела на него.

— Что там случилось?

— Моя госпожа, капитан сомневается.

— Мы не можем себе позволить сомневаться, Бенджамин. Тебе надо быть просто осторожным. Ты должен вести корабль. Но делать это уверенно. Вот и все.

«Да! — подумал Траффорд. — я знаю, как все это произойдет. Мне говорили. Но что будет, когда я увижу это? — Он расправил плечи. — Черт возьми, и все же я это сделаю»

Казалось, мир впереди обезумел. Он не был похож на шар, на который они падали с убийственной скоростью... Он казался светящимся кругом, огромными сверкающими кольцами. А вокруг него, пересекая его, светились другие круги, образуя невероятно сложное переплетение линий, пространственную паутину, которая должна стать могилой для погрузившегося в него корабля, уничтожить его без следа. Но в то же время тысячи квадратных миль поверхности планеты, к которой они стремились на помощь, будут выжжены колоссальным взрывом.

Это была паутина, это была сеть, сотканная из траекторий кораблей — мирных грузовозов, крейсеров и пятидесяти спутников на орбите Антима. Вычисленная Айрин траектория «Вандерера» была свободна от металлических и пластмассовых лун, но оставались еще военные корабли, лайнеры, торговцы. И невозможно было отличить одну траекторию от другой.

Вероятность столкновения была почти стопроцентной. Бурное взаимодействие между телами происходит не просто в космосе, а в пространстве-времени. У Черного Барта был шанс, и он проиграл. Если учесть его ошибки, то вероятность успешного завершения их путешествия должна резко возрасти.

Это была паутина, это была сеть, нити которой имели различную интенсивность свечения.

— Держись подальше от ярких траекторий, — посоветовала ему Айрин. — Если, конечно, сможешь.

«Если смогу», — подумал он.

Одна из таких траекторий, раскаленная цепочка, линия голубого огня, петлей уходящая во мглу бесконечности, возникла перед самым носом корабля. Можно было пройти сквозь нее, а может, и нет. Было в ней что-то пугающее. Она казалась... чересчур плотной... Траффорд действовал быстро. Инерциальный двигатель выдал резкий боковой импульс. Маневр смог бы полностью сокрушить торговый корабль, но военные корабли строились с учетом резких боковых перегрузок. Корабль резко скрипнул, некоторое его оборудование оказалось недостаточно крепким. Сюзанна тревожно вскрикнула, огонек масс-индикатора вспыхнул ярко-синим пламенем. Она сказала потрясенно:

— Где-то близко.

— Скажи, пожалуйста, — пробормотал Траффорд, ложась на прежний курс.

— Масс-индикатор засек его.

— Это плохо.

Они прошли через светящуюся паутину, поглотившую «Вандерер», переплетение траекторий кораблей и спутников, через путаницу траекторий метеоритов, столкновение даже с самым мелким из них могло обратиться катастрофой для них.

Управляя работой двигателя Маншенна, Айрин и Бронхайм

все время тихо бормотали что-то друг другу, и только однажды Айрин громко выругалась. Их работа давала менее заметные результаты, чем у Траффорда, но была такой же тяжелой. Изобретатель Маншенн никогда, наверное, не предполагал, что с его двигателем будут работать в таком тесном объеме пространства. Еще более страшную опасность, чем та, с которой справился Траффорд, первым зафиксировал осциллограф. Это было взаимодействие огромных сил, громадного темпорального притяжения планет, биллион на биллион мегатонн, стремящихся сокрушить этого наглого непрошеного гостя.

Корабль ударило, да так, словно заводную игрушку пытались раздавить огромными лапами, которым по плечу управлять целыми мирами. Его ловко и искусно подняли, заставили выпрыгнуть из гигантской пасти, которая готова была сомкнуться за кормой, и потом корабль мягко заскользил по жерновам фабрики пространства-времени. Маленький проворный жучок, удирающий от пальцев, стремящихся его раздавить, муха, случайно избежавшая смерти от космической мухобойки.

Перед ними совсем близко был Антим. Громадный круг, обширное кольцо рассеянного света. Это была зелено-золотая поверхность, затмившая все остальное, неровная поверхность, пульсирующая с удивительной, странной медлительностью. Она была, словно амеба, протоплазма, наполненная люминесцирующими флюидами. И она была материальной. Твердая, жидккая, полужидкая, здесь было безразлично. При скорости «Вандерера» одной микросекунды было бы достаточно, чтобы, коснувшись планеты, корабль превратился в облачко металлического газа. Такой видел ее Траффорд, вспомнив первого человека, попытавшегося осуществить этот маневр и так никогда и не достигшего поверхности своей планеты. Потом он вспомнил, что Черный Барт оказался

глубоко в атмосфере, когда его корабль пересек траекторию орбитальной крепости. Похоже, «Вандереру» была уготована та же участь, ведь огромная скорость сделает и воздух твердым, как камень. А тем времени вокруг мельтешили траектории кораблей и спутников, которые в пространстве-времени надежно ограждали опекаемый ими мир.

Теперь они были уже под поверхностью, их окружила тьма, но не такая глубокая, как предполагал Траффорд. Светящиеся всполохи появлялись то тут, то там. Вновь и вновь он давал боковые толчки, есть ли в этом какой-то смысл, он сам толком не знал, но понимал, что если не сделает этого, то вообще уже никогда ничего не узнает. Потом стало еще хуже. Отблеск наружного огня заполнил рубку управления, он вырывался из самых глубин раскаленного нутра планеты. На раскаленный камень и металл смотреть было просто невозможно, так как он резал глаза. Возникло ощущение жара, невыносимого давления. Всего лишь иллюзия, но весьма неприятная и даже больше — просто ужасающая.

Потом вновь пришла темнота, а следом появился сверкающий узор огней. Это были звезды. Они проскочили. Они промчались сквозь неизведанное, сквозь самое сердце планеты, вырвались в благословенную пустоту космоса, и у них за кормой, всего по прошествии каких-то нескольких секунд, возникла обратная сторона Антрома.

Масс-индикатор оказался бесполезным, радар вообще бездействовал, и Траффорд только своим чутьем определил момент, когда они вышли за пределы поверхности планеты. Его рука метнулась к выключателю.

— Все в порядке, — сказал он, наконец. — Перекройте привод.

— Капитан, — проговорил Метзентер. — Галличеки. Один корабль. Мне кажется, где-то рядом.

— Они ждали нас?

— Нет.

— Ладно. Мистер Таллентайр — за дело. Действовать, как договорились.

— Есть, действовать, как договорились, — произнес артиллерист разочарованно.

Вначале возникло мимолетное чувство дезориентации. «Вандерер» возвратился в обычный континуум. Потом вдруг вокруг них появились звезды — незыблевые, яркие точки. А под ними расстипалась ночная сторона планеты с мерцающими огнями деревень, городов.

Сюзанна щелкнула трансивером, и из динамика вырвалось надоевшее до омерзения кудахтанье:

— «Вандерер»! «Вандерер», остановитесь!

9.

В темноте, в густой тени планеты галлический корабль был невидим. К тому же он был слишком далеко, чтобы разглядеть его силуэт на фоне звездного неба. На нем не было огней, но яркая точка на радаре «Вандерера» стала постепенно приближаться, и расстояние между кораблями медленно, но сокращалось. От яркой точки отделилась маленькая звездочка и стала двигаться по направлению к «Вандереру».

«Это, — подумал Траффорд, — должно быть, предупреждение, ракета с дистанционным взрывателем, который подорвет ее боеголовку на некотором безопасном расстоянии от противника. Но не исключено, что это боевая ракета. И если у нее хватит горючего, она обязательно догонит корабль, управляемый инерциальным двигателем, тем более

корабль, совершающий управляемый полет к поверхности планеты.

— Будьте готовы, мистер Таллентайр, — произнес Траффорд.

— Нет, — сказала Айрин. — Нет. Вы что, хотите, чтобы нас зачислили в пираты? Военные имеют право открывать предупредительный огонь.

— Откуда вы знаете, что этот выстрел предупредительный, ваша честь? —sarкастически спросил артиллерист.

— Если он взорвётся непосредственно в районе нашего пребывания, то тогда мы можем утверждать, что нет. Кажется, территориальное пространство — где-то около пяти километров.

— Он летит впереди нас, — проговорила Сюзанна, наблюдавшая за экраном радара. Вдруг все засияло ярким светом. — Взрыв на расстоянии десяти километров.

— На мой взгляд, химический, — сказал Траффорд. — Магний и кислород.

«Вандерер», остановитесь! «Вандерер», остановитесь! — Это было предупреждение.

Айрин взяла в руки микрофон.

— Мы очень сожалеем, — медленно и отчетливо сказала она, — но сделать ничего не можем. У нас вышел из строя инерциальный двигатель. Мы не в силах удержаться на орбите. Мы попытаемся приземлиться, если сумеем, конечно!

— Остановитесь! Остановитесь! Или мы откроем огонь!

— Вы объявили войну Империи?

— Нет. Но вы контрабандисты.

— На нас цвета торгового корабля Империи, — сказала она холодно, — и мы не давали повода для такого обвинения.

— Они приближаются, — воскликнула Сюзанна. — И быстро.

— Так и должно быть, — Айрин повернулась к остальным. — Я думаю, надо вынудить наших друзей нарушить закон. Они вправе пришвартоваться и провести обследование. Но они не имеют права открывать огонь, пока мы не сделаем попытки убежать. А так далеко мы не зайдем. Мы будем медленно и спокойно падать к поверхности Антима с такой скоростью, что они попросту могут догнать нас и подойти к борту прежде, чем мы войдем в верхние слои экзосферы. Пока это до них дойдет, они успеют совершить какую-нибудь ошибку. Что бы они сейчас ни начали, это только выставит нас в лучшем свете.

— Они в пределах досягаемости наших лазеров, — проговорила Сюзанна.

— Мистер Таллентайр, — сказала Айрин, — противоракетные снаряды и лазеры должны быть в боевой готовности. И приготовьте к действию антилазерную дымовую завесу. — Она надавила на переключатель на ручке микрофона, который был в ее руке. Теперь трансивер стал работать, как приемник.

— Вызываем «Вандерер»! — кудахтая голос галличика. — Вызываем «Вандерер»!

— Мы слышим вас. Можете говорить.

— «Вандерер», остановитесь, мы возьмем вас на буксир. Примите на борт наших специалистов.

— Остановимся, остановимся. Только, прежде чем ступить на борт, примите хорошую пылевую ванну, чтобы вымыть вшей из ваших перьев.

Динамик захлебнулся от гневного крика. В каждом языке существуют мерзкие и отвратительные ругательства, а если носители этого языка так эмоциональны, как галличеки, то подобные слова способны положить начало битве.

Таллентайр довольно улыбнулся и положил пальцы на спусковые курки. Из отверстий в гладких боках «Вандерера»

вырвалось густое облако пара с высокой отражательной способностью. Это был экран, который должен был защищать корабль от лазерного оружия и в то же время давать возможность лазерам действовать на коротком расстоянии, эффективно расправляясь с любой галлической ракетой, которая уйдет от противоракетных снарядов, экран, который должен был защитить корабль от любой опасности.

Но галличеки не посмеют открыть огонь. В этом Траффорд был уверен. «Вандерер» больше не падал к поверхности Антрома. Теперь он летел вниз к планете с максимальной скоростью.

Холодно и спокойно сказала Айрин в микрофон:

— «Вандерер» вызывает галлический крейсер. «Вандерер» вызывает галлический крейсер. Я буду докладывать об этих ничем не спровоцированных агрессивных действиях имперскому послу на Антроме, а также вашему посланнику. Вы намеренно напали на мой корабль, именно в тот момент, когда мы готовились принять на борт ваших офицеров.

Из динамика ответил другой голос, менее экспансивный и почти такой же холодный, как у Айрин.

— Вы лжете. Ваш двигатель в порядке. Вы пытаетесь уйти от проверки.

— Нет. Неужели вы думаете, что нам хочется стать мишенью для ваших орудий.

— Остановитесь. Если вы остановитесь, мы не станем стрелять.

— Что ты так печешься о нас, утенок (а это, как знал Траффорд, было далеко не самое ласковое выражение среди галличеков). Получил по носу, в следующий раз не лезь. — Она посмотрела на Траффорда, который озабоченно разглядывал свои приборы. — Тем более, что мы уже в экзосфере. Мы находимся в атмосфере Антрома, а значит, подчиняемся

только законам этой планеты. — Все, — сказала она просто. — Проваливай!

Слушая, Траффорд дивился ее самодовольству. Затормозить корабль, чтобы его поверхность не раскалилась от нагрева за счет атмосферного трения, было непросто. Он на полную катушку включил обратный ход. Корабль задрожал. Вибрация была такой сильной, что казалось, будто он сейчас развалится, но этого оказалось все равно недостаточно. Приборы показывали ужасающую скорость. Оставалось одно — спасательные ракеты.

Внезапное ускорение швырнуло Траффорда обратно в кресло. Из сопла вырвалась бледная струя реактивных газов. И Метзентер закричал в полный голос, чтобы хоть как-то перекрыть полный грохот:

— Они, наверное, рады. Думают, что мы взорвались.

— Мы как раз недалеки от этого, — пробормотал Траффорд.

10.

Действительно. Они были недалеки от этого. Ни инерциальный привод, ни спасательные ракеты не могли по отдельности сразу остановить корабль, а их одновременное действие было почти убийственным. Не менее убийственным было и их падение в верхних слоях атмосферы. Насосы трудились вовсю, гоняя между внутренней и внешней оболочками хладагент, но несмотря на это, температура внутри корабля резко возросла.

Для корабля маневр был тяжел — но еще тяжелее он был для его команды. Их счастье, что они были все трени-

рованы, все они знали, для чего служат в подобных случаях перегрузочные кресла, однако, некоторые из них оказались застигнутыми врасплох внезапностью и силой торможения.

Когда, наконец, Траффорд вновь взял контроль над кораблем, когда вес его тела уменьшился и стало возможным вернуться к работе, он огляделся.

С Айрин было все в порядке, и она ответила на его озабоченный, вопросительный взгляд понимающей улыбкой. Бронхейм выглядел, как всегда, вялым, но сделался бледным, как смерть. Метцентер развалился в своем кресле, лицо его посерело, и он тяжело дышал. Он открыл глаза и, прочитав вопрос на лице Траффорда, сказал:

— Небольшое потрясение. Не больше.

Таллентайр был белым, как снег, и весь дрожал, но не сводил глаз с Сюзанны, которая, казалось, была без сознания. Тонкая струйка крови бежала из уголка ее рта.

— Посмотрите, что с ней, мистер Таллентайр, — сказал Траффорд. Офицер, шатаясь, встал с кресла и подошел к девушке. Он наклонился над ней, называя шепотом ее по имени, а потом повторил во весь голос. Айрин решила взять дело в свои руки. Она взяла диагноз и обследовала тело девушки.

— Я не думаю, что имеются переломы, мистер Таллентайр. Принесите немного холодной воды...

На трансивере ожила громкоговоритель. Долгожданный человеческий голос произнес:

— Аэрокосмический контроль вызывает неизвестный корабль. Это вы, «Вандерер»? Добро пожаловать.

Звук незнакомого голоса вывел Сюзанну из забытья. Ее глаза открылись. Она протянула руку к микрофону:

— «Вандерер» — аэрокосмическому контролю. У вас есть что-нибудь для нас?

— Для вас? Мы чертовски рады вас видеть, вот и все. А

как у вас там, помочь не требуется? Сможете дотянуть до космодрома «Донегал»?

— Что мне ответить, ваша честь? — спросила девушка.

— Это уже твоя работа, Бенджамин, — сказала Айрин Траффорд.

Траффорд окинул взглядом приборы. Нельзя было сказать, что все механизмы функционировали нормально, но все же они функционировали. Инерциальный двигатель, которому досталось больше всех, держался молодцом. Скорость упала до шестисот узлов, и нагрев корабля прекратился.

— Скажите им, — произнес он, — корабль в полном порядке, и попросите дальнейших инструкций.

Сюзанна так и сделала. Голос оператора сразу стал спокойен и деловит. Диспетчер дал указание следовать по лучу в порт Донегал.

«Вандерер» летел над сельской местностью. Далеко под ним светились огни городов и деревень. Он направлялся на запад, и, когда взошло солнце, весь мир залило причудливым золотым светом, в нем открылись голубые озера, лежащие среди зеленых гор, уходящие вдаль золотые пляжи, омываемые синим, как индиго, морем. Это был мир, который поощряло опустошительное действие индустриализации, а султаны белого дыма и тумана, вырывающиеся из труб редких заводов, только делали окружающую природу еще более удивительной.

Потом показался порт Донегал — низкие серебристые строения и многоэтажный главный город, расположенный на обширном, напоминающем большую поляну, пространстве. Голос диспетчера сменился женским голосом, в котором не было и намека на безразличие и деловитость.

— Это министерство здравоохранения, «Вандерер». Мы не верили, что вы сможете пробиться. Но вы сделали это, сделали невозможное, и мы вам очень признательны. Теперь

этот мир ваш, «Вандерер». И вы можете находиться здесь столько, сколько душа пожелает.

— А мы можем остаться здесь дольше, чем вы думаете, — заметила Айрин. — Сесть-то мы сядем, но вот дадут ли нам взлететь?

11.

— Но, сэр, — сказал Таллентайр, — мы смогли бы улечься с Антром точно так же, как и прилетели. Вы же пилот Ее Императорского Величества.

— А вы будете играть соло, когда потребуется, на вашем боевом органе... — добавил Траффорд. Он сурово посмотрел на своего офицера. — Мистер Таллентайр, должен ли я напомнить вам еще раз, что вы как-никак второй помощник и что второй помощник на торговом судне выполняет обязанности навигатора. Стоит ли напоминать вам так же, что миссис Траффорд занимает должность первого помощника, что она больше не Ее Императорское Величество, и чем меньше людей в этом мире будут знать о ее прошлом, тем лучше. Как бы то ни было, вы навигатор. И пусть только на бумаге. Но у вас все равно должно быть хоть малейшее представление о том, что может делать межзвездный ускоритель и чего не может. Наш уникальный маневр сближения удался лишь потому, что после долгого путешествия мы сумели преодолеть миллионы лет темпоральной инерции такой планеты, как Эта. Но не в наших силах стартовать прямо с ее поверхности. Даже если бы мы смогли сделать это, то столкнулись бы с непреодолимыми трудностями. В мгновение ока мы бы низвергли один из основных законов

физики, гласящий, что два твердых тела не могут одновременно находиться в одном и том же месте. Так что...

— Так что же нам прикажете делать? О, я знаю, существуют намного худшие миры, нежели этот, и я счастлив, что доставил антибиотики, которые уничтожат здесь чуму. Но рано или поздно галличекам надоест ссориться между собой, и я снова смогу вернуться к своей любимой работе.

— Чертовски сожалею, что вам не досталось такой дозы галлюциногенов, как недавно нам, — сказал ему Траффорд. — Иначе вы бы не рвались бы так в бой.

— Все-таки мы наемники, сэр! — воскликнул Таллентайр. — А основная работа наемников — война.

Пока Траффорд обдумывал свой ответ, из кают-компании послышался голос Айрин:

— Пойдем, Бенджамин. Ты, наверное, забыл, что мы собираемся показать Их Превосходительству наше искусство. А когда мы вернемся, у тебя будет достаточно времени, чтобы поиграть с личным составом в инструктора.

— И не заставляйте ждать Ее Императорское Величество... — пробормотал Таллентайр.

Путешествие из космодрома в город было приятным, таким приятным, что все пассажиры в машине, возможно, исключая Айрин, жалели, что машина мчалась с такой высокой скоростью.

Вначале единственным признаком присутствия человека в этих краях были белые фермерские домики. Они напоминали корабли, плывущие над низкой зеленою возвышенностью, у каждого был свой парус и сверкающий экран солнечных батарей. А потом машина заскользила по пригороду, мимо вилл, утопающих в обширных садах, через прекрасные парки, по грациозному мосту, пересекающему ши-

рокую реку. Народу на улицах было мало, и так как машина пошла теперь медленнее, то Траффорд смог разглядеть лица колонистов, мимо которых они проезжали. Все они были равнодушными и апатичными. На всех лежала печать долгого напряжения и усталости. Конечно, многих из них спасут медикаменты с «Вандерера», но для скольких людей они прибыли слишком поздно.

Они ехали по городу, по широким проспектам, минуя стройные здания, сложенные из известняка. Это были не небоскребы, не многоквартирные муравейники. Здания были похожи на эллинские дворцы с большим количеством колонн и архитектурных излишеств.

«Это был тихий город, — подумал Траффорд, — и он останется таким, даже когда полностью восстановится его население».

Наконец, машина затормозила у здания, красной красивой железной оградой и высокими воротами, на которых была изображена сфера с крыльями и короной — герб Империи. На вершине здания развевался темно-синий флаг. Внутри ограды, перед высокой бронзовой дверью, медленно прогуливались четверо часовых, одетых в сине-золотую форму, со сверкающими, но малоэффективными штыками, венчающими стволы их лазерных винтовок. Это были гвардейцы морского корпуса Ее Императорского Величества.

— Мне никогда не нравились эти ублюдки, — пробормотала экс-императрица.

— Они тоже бывают иногда полезными, — сказал Траффорд.

Из дверей выскочил сержант, гордо прошествовал к дороге и подождал, пока один из часовых откроет перед ними ворота. Он подошел с важным видом к машине и отдал, как

полагается, честь, что по отношению к гражданским считалось верхом вежливости. Он спросил:

— Капитан Траффорд и его офицеры? — И когда Траффорд утвердительно кивнул, добавил: — Его Превосходительство ждет вас.

Траффорд вышел из машины первым, а затем помог выйти Айрин. Сержант уставился на нее и остолбенел. Траффорд почти угадал его мысли:

«Не может быть, что это императрица, но лучше быть осторожным».

Сержант снова щелкнул каблуками и козырнулся, словно в первый раз была только репетиция, а потом осторожно посмотрел на Траффорда:

«Наверное, торговый шкипер, но у этого торгаша манеры имперского офицера».

— Может быть, сэр, вы с дамами и остальными джентльменами пройдете со мной? — предложил сержант

Группа последовала за сержантом в посольство: первымишли Траффорд и Айрин, а Метзентер и Сюзанна замыкали шествие. Они шли по коридору с высоким сводчатым потолком, по паркетному полу, отшлифованному до зеркального блеска. Всюду царила атмосфера роскоши, богатства и изобилия. Чувствовалось, что послу Ее Императорского Величества живется неплохо, очень даже неплохо. Траффорд не был особенно удивлен, когда увидел одетого в белый шикарный костюм человека, сидевшего за широким, отделанным кожей письменным столом. Увидев Траффорда, тот лишь неохотно привстал, но появление Айрин придало ему больше резвости. Когда он ее увидел, на его полном лице отразились замешательство и неуверенность.

— Капитан Траффорд? — спросил он.

— Да, Ваше Превосходительство. Позвольте представить

миссис Траффорд, моего старшего офицера, мисс Белдон — кладовщика, мистера Метзентера — моего офицера связи.

Посол пробормотал что-то в ответ об удовольствии видеть всех этих господ и затем сказал:

— Прошу садиться. — Он посмотрел через стол на Траффорда. — Я надеюсь, вы понимаете, капитан, что вы поставили меня в довольно неудобное и затруднительное положение.

— Я могу представить себе, Ваше Превосходительство, как поднялись сейчас ваши акции на этой планете после того, как мы прорвали блокаду и доставили на Антим небходимые медикаменты.

— Хм-м. Да, да, конечно. Вы прорвали блокаду. Но своей дерзостью вы выставили Землю в довольно невыгодном свете. Позвольте мне сказать, молодой человек, что благодаря вашим нелегальным действиям я попал в весьма скверное положение. Да, весьма скверное. И мой военный советник сообщил мне, что вы не только рисковали своим собственным кораблем, но и очень просто могли стать причиной громадных разрушений на поверхности планеты. Но оставим эти вопросы техникам. Меня беспокоит, что вы здорово напакостили галличекам. И мне стоило немалых трудов восстановить дружественные отношения между Империей и Гегемонией.

— Мое сердце просто обливается кровью, — посочувствовала Айрин.

— Что? Что вы сказали, мадам?

— Вы прекрасно слышали меня, Ваше Превосходительство. А сейчас послушайте вот что. Мы здесь для того, чтобы подать официальную жалобу на ваших крылатых друзей. То, что они позволили себе по отношению к нашему кораблю, мирному торговому судну, находящемуся под флагом

Империи Земли, является по меньшей мере пиратством. Мы были обстреляны, и вряд ли взрывы перед носом корабля можно считать предупреждением. Мы были обстреляны, и только скорость и мастерство команды спасли нас от катастрофы. Мы были обстреляны, хотя не давали никакого повода к подобным действиям.

— Сэр, — взорвался посол. — Могу я просить вас приструнить вашего офицера?

— — Мой помощник, — произнес Траффорд мягко, — сказал то, что должен был сказать я, только в менее грубой форме.

— Итак, вы хотите подать жалобу?

— Мы имеем на это право, — ответила Айрин.

У посла явно испортилось настроение.

— Да будет вам известно, — разбушевался он, — что мне уже подали одну жалобу. Сегодня я говорил о вас с галлическим послом. — Он стал перечислять по пунктам, загибая толстые пальцы. — Первое — вы обвиняетесь в контрабанде. Второе — вы отказались остановиться, когда этого потребовали компетентные органы. Третье — вы дважды в ескорбительных выражениях высказались о команде галлических военных кораблей. Четвертое — вы обстреляли галлический корабль. — Казалось, его просто распирает от удовольствия, когда он пробормотал свои последние слова. — Это пиратство и контрабанда.

— Выбирайте выражения, — проговорила Айрин, наблюдая, как с его лица сходит самодовольная усмешка. — Они действовали не по правилам. Мы требуем очной ставки. Ваше Превосходительство, вы прекрасно понимаете, что за контрабанду мы привезли на Антим.

— Это не оправдывает вас, — телефон на его столе звякнул. Он нажал кнопку и поднял трубку. — Очень хорошо, —

а потом обратился к экипажу «Вандерера»: — Ее Превосходительство посол галличеков лично желает высказать вам свои претензии.

12.

До этого момента Траффорд никогда не встречал представителей летающей расы, но, как военный офицер, он присутствовал на инструктажных фильмах, которые были созданы для ознакомления с внешним видом всех разумных форм жизни, известных в Галактике, включая и галличеков. Но ни фильмы, ни солидография не могли дать по-настоящему полного представления об этих существах.

Первое, что почувствовали земляне, — это запах свалившихся, никогда не мытых перьев, плюс аромат птичьего помета. Посол надменно протопала по коридору, скребя по полированному полу когтями высоких, голенастых ног.

Своим обликом она напоминала земного страуса, но на концах ее крыльев имелись клешни, которыми можно было прекрасно управляться. Оперенье ее было однообразного темно-коричневого цвета, на фоне которого зловеще сверкал гигантский драгоценный камень, свисающий на золотой цепочке с длинной шеи.

Большие, блюдцеподобные глаза тоже казались зловещими. Они были расположены по разным сторонам крючковатого клюва и, не мигая, смотрели на собравшихся в комнате. Когда существо повернулось к Траффорду, тот встретил холодный, бесстрастный изучающий взгляд посла. В этом лице было мало от страуса, скорее, что-то от домашней курицы, да и выражение его казалось злобным и мстительным.

«Оно, — подумал Траффорд (он все еще не мог сказать о после — «она»), — наверное, имеет высокое звание среди своих голенастых собратьев».

Правда, под выпуклым черепом этого существа помещался мозг, сумевший построить межзвездную цивилизацию.

— Ваше Превосходительство, — подобострастно пролетал посол.

— Ваше Превосходительство, — прокудахтала ему посланница.

— Ваше Превосходительство, хочу вам представить капитана Траффорда и его офицеров.

— Ах, этих пиратов!

— Людей, прорвавших блокаду, — холодно поправил ее Траффорд. — Ведь вы признаете, что ваша блокада — незаконна.

— Пираты! — заверещала посланница. — Контрабандисты! Вы напали на «Керестрел». Вы поплатитесь за это жизнью.

— Это «Керестрел» напал на нас, — произнес Траффорд. — Мы были вынуждены применить наше противолазерное и противоракетное оружие.

— И еще говорите, что «Вандерер» — мирное торговое судно. У вас установлено вооружение легкого крейсера!

Айрин перебила ее:

— Мадам, среди подписавших договор Капелла, был и представитель вашей Гегемонии. Там в одном из пунктов четко указано право торговцев применять оборонительное оружие в любых случаях и в любом месте, где существует военное положение. Только вот определение «оборонительное оружие» звучит там довольно расплывчато.

— А я говорю — вы пираты. Маршал Фраймики назвал вас пиратами и контрабандистами. Я уже представила пре-

зиденту Антрома требование на выдачу вас, как преступников.

— И есть шанс, что нас выдадут? — спросил Траффорд.

Казалось, посланница потеряла к нему всякий интерес. Она выгнула длинную шею и стала внимательно разглядывать перья у себя на груди. Там копошилось что-то, похожее на блестящую черепашку такого же цвета, как и оперенье, в котором она свила себе гнездо. Изогнутый клов раскрылся и кинулся со скоростью разящей змеи. Раздался щелчок. Голова птицы приняла прежнее положение, по длинной шее прошла волна, и проглоченное насекомое провалилось в желудок. Посланница вновь посмотрела на Траффорда и самодовольно крикнула:

— Вот!

Первой нарушила тишину Айрин. Она повернулась к послу Земли.

— И вы еще смеете утверждать, что желаете сохранить дружбу с этими вшивыми курами!

Посол, побагровевший от злости, стал похож на индюка.

— Выбирайте выражение, девушка. С каких это пор космические бродяги стали разбираться в вопросах имперской полиции?

— А вы удивлены? — спросила она с притворным интересом. Краска сошла с ее лица, и глаза смущенно потупились. — Удивлены, да?

— Я, черт побери, просто не понимаю, — прокудахтала посланница послу. — Меня, полномочную представительницу Гегемонии, здесь, на земной территории, в вашем присутствии, оскорбляют какие-то отбросы космоса.

— Но, Ваше Превосходительство...

— Это была ошибка. Я так и скажу в Консульстве. Как можно было подумать, что мы сумеем договориться с этими

«млекопитающими»? — Слова прозвучали, как оскорбление. — Я подаю рапорт. В нем будут соответствующие выводы. — Она перевела дух. — И если начнется война — ответственность ляжет целиком на вас.

Она негодующе выскочила вон.

— Кто вы? — уныло спросил посол. — Кто вы?

— Миссис Айрин Траффорд. Старший офицер торгового судна «Вандерер». Старший офицер и хозяин.

Толстяк посмотрел на нее с сомнением.

— В моей практике мне не раз приходилось иметь дела с земными торговцами, но я не помню случая, чтобы хозяин служил помощником на собственном корабле...

— Я буду первой, — сказала она ему.

— Да, наверное. Но...

— Что — но?

— Этот портрет на стене. Ее Величество императрица Айрин. Ее лицо очень похоже на ваше, только, быть может... чуть более волевое.

— Массераши всегда немного идеализирует натуру.

— Значит, вы..?

— Я — нет. Скажем так, мистер посол, мне кое-что известно о работе имперской полиции.

— О, — произнес он. — Я понимаю. Вы — ее двойник.

— Может быть. А может, и нет. Но, на мой взгляд, галличеки не посмеют объявить войну. Они в большой зависимости от Империи, которая поставляет им различные промышленные товары, главным образом машины. А производить их сами они не могут. К тому же дай им клюнуть один раз, и они сядут тебе на шею и заключают до смерти.

Посол усмехнулся.

— Кажется, вам достался необычный старший офицер, капитан.

— Думайте, что хотите, — ответил Траффорд. — Но мои офицеры — отличные специалисты. Вот, к примеру, офицер связи, у него диплом Ринского института. Бряд ли мы бы говорили так свободно, если бы не убедились при помощи телепатии, конечно, что вы нам верите. Разумеется, посягательство на тайну чужих мыслей является нарушением институтских правил, но ничего не поделаешь, вынуждают обстоятельства.

— И вы читали мысли Ее Превосходительства? — спросил посол.

— Да, — ответил Метзентер. — Она блефовала. Она прекрасно знала; что президент никогда не согласится на нашу выдачу, и еще она знала, что ее начальство никогда не пойдет на разрыв дипломатических отношений с Империей. В таких делах, как это, они могут позволить себе только немного пообщаться. Ведь объявление войны этому миру равносильно крупному конфликту с Империей.

— Но что мне делать? — захныкал посол.

— Не позволяйте садиться вам на голову, — посоветовала Айрин. — Вспомните, чей вы представитель, а это значит, что вы во всем должны защищать нас от этой стаи подлых стервятников, только и ждущих, как бы наброситься на Антим и сожрать его.

— Мне кажется, вы и сами можете постоять за себя.

— Один корабль против целого флота? А что касается нашего прорыва, то разве применение оружия одной нацией против другой нации без объявления войны не пиратство? Мы вынуждены были защищаться.

— А, так вы все же признаете это?

— Прорывая блокаду, мы применили только антиракеты и антилазеры. Так что мы еще не пираты.

— Уверен, если бы пришлось, вы бы, не задумываясь, вступили в бой, — сказал посол с мрачным удовлетворением.

13.

Выйдя из посольства, прежде чем нанести визит президенту, они нашли тихую таверну с полутемным баром, где можно было обсудить дела за серебряными кружками темного, крепкого портера.

— Если эта тварь была типичным галличеком, — проворчала Сюзанна, — то мне чертовски обидно, что Таллентайру не довелось сыграть настоящую симфонию на своём орудийном органе. — Она задумчиво отхлебнула из своей кружки. — Дело темное, были там вши или не было, все прошло, как по нотам. Вы попросили их помыться, прежде чем перейти на наш корабль, и они озверели.

Айрин рассмеялась.

— Персонал галлических военных кораблей, подобно космонавтам других рас, фанатически чистоплотен. Они не в состоянии вынести такой шутки. А существам типа посланницы собирать паразитов со своих перьев доставляет такое же наслаждение, как нам лакомиться земляными орехами. — Она повернулась к Метзентеру. — Ну, командор, ведь вы навострили свои телепатические уши. Итак, что вы там узнали?

— Вы просто измучили вашего посла. Хороший помощник, конечно, и должен быть заносчивым, но вы вели себя чересчур высокомерно. Ну, и потом, ваша внешность. Я не сомневаюсь, что в Галактике может существовать двойник императрицы Айрин, но когда вы изображаете дьявола с тросточкой... Вы его изрядно напугали. Посол думает, что он и вправду немного загалличекился и его будущая карьера может пострадать из-за этого.

— Я просто не могу представить, как человек может загалличекиться до такой степени, — вставил Траффорд.

Ему ответила Айрин.

— Наш друг, которого мы только что покинули, один из тех, кого специально отобрали для службы в секторе Галличеков. Если память мне не изменяет, его основная специальность — орнитолог. Это может показаться странным, но по отношению к галличекам он руководствуется любовью, а не страхом.

— Да, — согласился Метзентер. — У него почти отеческая любовь к этой отвратительной старой птице.

— Значит, он любит галличеков и боится тебя, — констатировал Траффорд.

— Это с одной стороны. Сейчас я преподнесу тебе еще один приятный сюрприз. Кроме орнитологии, наш друг отлично ориентируется в космическом праве. Мораль ясна. Человек он не глупый. Я думаю, он вполне может представить себе ситуацию, в которой мы достигаем этой планеты, не нарушая законов. У меня мелькнула одна идея...

— Какая?

— Я не скажу, пока не обдумаю все как следует. Мы дадим второй раунд, а потом встретимся с президентом.

Они проследовали из таверны в президентский дворец, величественное белое здание, над которым развевался зеленый флаг с изображением золотой арфы. В воротах им не пришлось себя называть и показывать удостоверения, их сразу же узнали, и через несколько секунд перед ними вырос старый солдат, одетый в парадную зеленую форму. Айрин вознегодовала, когда офицер охраны отдал довольному Траффорду салют. Солдаты проводили их до главного входа во дворец, где их встретил человек в армейском мундире. После обмена любезностями он проводил их к президенту.

Президент Мак-Гован оказался маленьким жилистым че-

ловеком, его лицо едва было видно из-за высокого накрахмаленного стоячего воротника архаического туалета. Когда они вошли в комнату, он встал, вышел из-за стола и сердечно пожал каждому руку. Приведший их офицер пододвинул каждому кресло и подал графин и бокалы.

Когда они расселись, президент сказал:

— Мы все очень рады вам, капитан. Спасибо вам и нашим друзьям из ГЛУНР. Теперь мы покончили с эпидемией. Коль вы оказались здесь, с вами надо что-то делать.

— Зачислить их в нашу армию, — посоветовал офицер. — Мы можем использовать их корабль.

— Не торопись, Тимоти. Ты уже не сержант для набора рекрутов, и не стоит переигрывать. — Президент сжал ножку бокала узловатыми пальцами. — Согласитесь, капитан, вы поставили нас в слегка затруднительное положение. Галличеки рассвирепели, точно стая коршунов, и эта базарная торговка-посланница практически ходит за мной по пятам с тех пор, как вы приземлились. Они требуют вашей выдачи. Надо заметить, их требования невыполнимы. Но вы же не вечно будете сидеть на Антристе. А пока мы можем подыскать вам работу в армии.

— Спасибо за предложение, мистер президент, — ответила ему Айрин. — Но мы рождены для бродяжничества и риска. Нам нравится ваша планета, но мы не любим подолгу оставаться на одном месте. К тому же армия — не для настоящих мужчин. — Она взглянула на Траффорда и офицера, и в ее глазах промелькнула усмешка.

— Я понимаю, куда вы клоните, миссис Траффорд, — произнес президент. — Но я должен взвесить все последствия. Хорошо, вы взлетите с Антриста, но, как только вы покинете атмосферу и сможете включить межзвездный ускоритель, на вас накинутся все корабли галличекской орбитальной блокады. Конечно, вы сможете принять бой. Но что

потом? Ваш корабль — корабль Земли. Галличеки могут использовать ваши пиратские действия, как предлог для разрыва дипломатических отношений с земной Империей. И поступи они так — что же остается нам? Мы не законная часть Империи, хотя с тех пор, как галличеки нас обнаружили, прикрываемся ружьями Земли.

— Разве галличеки находятся не в состоянии войны? — спросила Айрин. — Я не раз уже слышала, что между их метрополией и группой колоний, провозгласивших себя автономными, не утихают конфликты?

— Это верно, миссис Траффорд. Недалеко от вашего космодрома стоят три торговых судна и два корвета с опознавательными знаками так называемой Кокрельской Федерации. Они здесь... — он вопросительно посмотрел на своего помощника.

— Где-то около года, — подсказал ему помощник. — У них беда. Они ухитрились прокрасться незамеченными, чтобы загрузиться зерном. Они хотели уже бежать, но тут галличекам ударила в голову моча, и за день до предполагаемого ухода была установлена орбитальная блокада.

— Наверное, это посланница уведомила об их прибытии, — сказал Траффорд.

— Да, возможно, она. Как раз, когда садились кокрельские корабли, у нас была крупная авария на станции Карлотти-связи. Мы соблюдали нейтралитет, — добавил он. — Но несмотря на то, что кокрели — птицы, они все же ближе к людям, чем галличеки.

— Я думал, что они относятся к той же расе, — заметил Траффорд.

— О, да, конечно. Но у кокрелей главную роль играют самцы.

— А это лучше? — холодно спросила Айрин.

— Да! — твердо произнес помощник Президента.

— Мне не хочется сейчас спорить, — сказала Айрин,

поднялась и попросила наполнить ее бокал. — Спасибо. Моя память может ошибаться, я слишком долго не интересовалась межзвездными делами, но мне помнится, Империя признала кокрелей...

— Это правда, миссис Траффорд, — ответил президент.

— На планете сейчас имеются кокрельские представители?

— Конечно.

— Уже лучше.

— Что ты надумала, Айрин? — спросил ее муж.

— Законы, законы, — пробормотала она. — Оглядываясь на историю Земли... — Она увидела замешательство на лицах президента и его помощника и сказала поспешно: — А впрочем, неважно.

— Кажется, у вас исключительный старший офицер, капитан, — воскликнул помощник президента.

— Мне все это говорят, сэр. Я и сам почти в это поверил.

— Довольно, — оборвала она их. — Теперь, мистер президент, я прошу вас организовать встречу между нами, земным послом и местным представителем кокрелей.

— Генеральным агентом, — произнес помощник президента.

— Только хватит ли у него сил повлиять на правительство, вот в чем вопрос, — сказала Айрин.

14.

Мысленно Траффорд все еще называл галлическую посланицу не иначе, как «оно», а вот кокрельский генеральный агент сразу стал «он». У него была великолепная фигура, перья крыльев и веерообразного хвоста отсве-

чивали темно-синим, перья груди казались золотыми и переливались всеми цветами радуги, больше всего они напоминали длинные праздничные ленты. Гордая голова была увенчана пышным алым гребнем, а натуральные шпоры были одеты в зловеще отсвечивающую сталь.

«Этот высокочка заносчив, — подумал Траффорд. — Но в нем нет мелочной злости самок этого рода».

Они находились в библиотеке замка земного посла: сам посол, члены экипажа, президент, его помощник и генеральный агент. Все сели, а птица осталась стоять. Стены библиотеки были заставлены книжными шкафами с тяжелыми, в кожаных переплетах, томами, которые создавали атмосферу торжественности.

Айрин обежала взглядом всех присутствующих.

— Вы представляете, сэр, во что обходится государству деятельность посольств. Стоимость этих старинных рукописей должна быть фантастически велика.

— Вы хотели бы, чтобы я заменил мою библиотеку стопкой пленок и микрофильмов? — посол смущенно хихикнул, будто сказал непристойность. — Все эти усовершенствования только умаляют величие закона, мадам.

— Да, да... Вы ведь раньше были юристом?

— И довольно неплохим, мадам, но только в определенной области. Я понял это, когда вы пожелали уточнить для меня один из пунктов космического права. Довольно туманный пункт, — добавил он зло. — Но я уверен, что такой прекрасный офицер, как вы, должен хорошо ориентироваться в таких понятиях, как законное и незаконное.

— Конечно, — сказала она весело.

Посол повернулся к президенту и генеральному агенту.

— А вы, господа, так же заинтересованы в деле торгового судна «Вандерер»?

— Да, мистер посол, — произнес президент, а генеральный агент лишь кашкнул что-то вроде «конечно».

— Так, — посол посмотрел на них пристальных взглядом. — И чего же вы хотите?

Ему ответила Айрин:

— Во-первых, Кокрельская Федерация и Гегемония находятся в состоянии войны. Во-вторых, на этой планете находятся кокрельские корабли, пойманные в ловушку орбитальной блокады. Но здесь есть одна вещь, которая меня здорово озадачила. Антим нейтрален. Как нейтральная сторона, он может дать убежище торговцам, но не военным кораблям. А два кокрельских корабля являются корветами.

Посол холодно улыбнулся:

— Я уже справлялся по этому поводу, миссис Траффорд, у Его Превосходительства. Несмотря на то, что эти корветы принадлежат правительству, официально они считаются торговыми судами, которые занимаются доставкой зерна. Их экипажи подписали стандартное соглашение. Их вооружение считается только оборонительным, — добавил он с сарказмом. — Как и ваше.

— Корабль миссис Траффорд в данный момент свободен, — вступил в разговор генеральный агент. — Я хотел бы его зафрахтовать для груза зерна на Каракаллу. Наши корабли также направляются на эту планету.

— Я не эксперт в военном деле, — сказал посол, — но мне кажется, что, покинув эту планету, у вас появится много проблем. Ваши корабли, даже корветы, несут только легкое вооружение. По своей силе они значительно уступают крейсерам блокады.

— Мы надеемся, — ответил генеральный агент, — что «Вандерер» по своей мощи не уступает хорошо вооруженным военным кораблям галличеков.

— Но «Вандерер» — нейтральный корабль. Он не может открыть огонь по кораблям какой-либо из воюющих сторон даже в порядке самообороны.

— Но, мистер посол, ведь существовали же аналогичные прецеденты.

— Разве, мадам? Я что-то не слышал.

— Не в космической войне, а на море. На Земле. В середине двадцатого столетия, — ответила Айрин.

— Вторая мировая война?

— Да.

— И что же там было? — спросил посол заинтересованно. — Давайте, выкладывайте.

— На это я наткнулась, когда изучала историю. Маленькая сноска, довольно незначительная, но она меня просто очаровала и осталась в моей памяти.

Гитлеровская война, как вы знаете, была первой войной, в которой тон задавала техника. В ней широко применялось электронное оборудование, а используемые реактивные снаряды являются предками первых космических кораблей. И наконец, было создано атомное оружие. К тому же это первая война, в которой были широко использованы воздушные силы.

Очень мало стран сумели сохранить нейтралитет, и среди них была Швеция. Шведы в то время владели гигантским морским флотом, и их суда со шведскими флагами на мачтах курсировали большими караванами, охраняемые кораблями Англии и Соединенных Штатов. Следуя национальным интересам, те часто открывали огонь по германским самолетам, которые атаковали их караваны. Но самим шведским кораблям отстреливаться было нечем. Бомбы сыпались на них, и морякам это не нравилось.

Наконец, появился умный человек, который решил эту

проблему. Конечно, шведские корабли не могли нести вооружение, которое принадлежало бы их государству, Англии или США. Но...

Тогда, как и сейчас, вполне законно хозяева и офицеры имели оружие для личной безопасности. Пусть хоть слабое — неважно. И тогда шведские корабли вооружились станковыми пулеметами, и эти пулеметы, по закону, были личной собственностью капитана и его помощника. Они отвечали за них. Так или иначе, это было частной собственностью, и правительство было здесь ни при чем.

— Хм-м. Но нельзя же, миссис Траффорд, отнести к частной собственности лазерные излучатели и ракетные установки. У нас нет таких судовладельцев.

— Есть, мистер посол. Вы можете посмотреть мои бумаги, если захотите. Вы убедитесь, что все оборудование «Вандерера», включая и вооружение, является моей собственностью, моей частной собственностью. Я могу стрелять в кого угодно, и отвечать буду за это я, а не имперское правительство.

— В таком случае галличеки объявят вас вне закона и могут привлечь к ответственности за пиратство.

— Их заявления не будут иметь законной почвы.

— В военное время редко следуют законам, — проговорил печально посол. — Я просто хочу сказать, что если бы войну выиграла гитлеровская коалиция, то там бы постарались объявить этих владельцев станковых пулеметов подлыми пиратами.

— Но эту войну галличекам не выиграть, — прокудахтал генеральный агент.

Посол посмотрел на него и с неприязнью произнес:

— Сэр, у них явное количественное превосходство.

— Но только количественное. Без этого...

— Я надеюсь, все будет в порядке, — проговорила Айрин. — Все, чего я хочу, так это найти законный путь использования вооружения для защиты «Вандерера» кокрельского конвоя.

— Вряд ли вы его найдете, — недовольно заметил посол.

— Но зато репутация правительства Империи останется чистой.

— Вы думаете, мадам? Впрочем, я согласен с вами.

— Ладно. Наконец, я хотела бы попросить вас никому не рассказывать о нашей встрече, чтобы никакие сведения не просочились к посланнице.

Генеральный агент возмущенно грохнул своими стальными шпорами по полированному полу и прошипел:

— Пусть только попробует...

— Сэр, — обиделся посол. — Я не давал вам повода для подобных подозрений. В этом деле я не более чем адвокат, наблюдатель, и сделаю все возможное, чтобы соблюсти секретность. Миссис Траффорд получит мой ответ перед самим вылетом с Антрима, и я попрошу вас, мистер президент, проследить, чтобы корабль не покинул пределы планеты до того, как будет готов ответ.

— Не важно, кто победит в этой войне, — произнес президент, — но законы всегда будут на стороне победителя.

— Он был с нами довольно искренен, сударыня, — сказал Метзентер, когда они вновь оказались на корабле. — Ему нравятся галличеки, и он не любит кокрелей, но он представитель Земли и должен блести наши интересы.

— Тебе надо будет присмотреть за погрузкой зерна, — сказала Айрин Траффорду.

— Ты — помощник, — проговорил он. — Грузы — твоя забота.

— Погрузка — да. Но только ты, мой дорогой, больше смыслишь по части фрахта.

— Мне кажется довольно странным...

— Сейчас некогда болтать о ерунде. Я намерена поговорить с нашим вторым помощником относительно применения так называемого оборонительного оружия...

15.

Шпионить довольно просто, когда шпион без риска быть обнаруженным может смешаться с людьми, за которыми он шпионит. Но, очевидно, для галлической посланницы и штата ее посольства этот путь был закрыт. Жучков, услаждавших птиц, обнаружить было достаточно просто, и для этого не требовалось большого количества инженеров-электронщиков. Эти жучки являлись членами одной из самых развитых разумных рас, и за довольно высокую цену могли продать, что угодно и кому угодно. Однако все эти платные агенты галличеков были хорошо известны секретной полиции президента, и их держали как можно дальше от источников важной информации.

Конечно, они использовали телепатию, и, по крайней мере, один телепат находился в галлическом посольстве.

Метзентер, работая рука об руку с некоторыми инженерами-биологами, создал мыслеволновый персональный радиоискатель, состоящий из живого участка кошачьего мозга. Тот находился в крошечной мензурке питательного раствора, который постоянно передавал, скорее на эмоциональном, а не на интеллектуальном уровне, сигнал стабильного голода. Это было изображение красного, кровоточащего мяса

птицы. Траффорд, который очень любил кошек, положив крошечный цилиндр в карман, был очень расстроен. Излучатель был не нужен в окрестностях космопорта и президентском дворце — два этих места и так кишили специально выведенными животными, которые использовались, как телепатические передатчики.

Теперь люди «Вандерера» стали частенько появляться в антристской военной форме, отличавшейся от имперской только пуговицами, значками и погонами. При погрузке весь груз был закамуфлирован под корабельные запасы и провиант.

Конвой набирался в условиях строгой секретности. Никто, за исключением капитанов и некоторых офицеров кораблей, не должен был знать об этой кампании и ее руководителях. В руководство входили Гьютзен, командир одного из корветов, и хозяин торговой эскадры, офицеры-артиллисты, офицеры связи и инженеры.

Этот Гьютзен был даже более значительной фигурой, чем генеральный агент. Он не был таким рослым — для своей расы он казался даже маленьким, но, как личность, он обладал большим весом. За глаза его называли не иначе, как «боевой петух». Траффорд не раз, слыша это, думал: «Я рад, что он на нашей стороне».

Ему льстило, что эти крикливые пернатые обращаются к нему с такой учтивостью. Он почувствовал невероятное облегчение, когда командование конвоем было возложено на птиц, но больше всего его радовало, что Айрин пока воздерживалась от своих нескончаемых рассуждений о законном и незаконном, о том, что можно и чего нельзя.

Этой торговой службой он уже был сыт по горло.

— Для меня было бы большой честью, — просвистел ей Гьютзен, — поднять корабль по вашей команде, капитан.

Прорывая блокаду, вы показали себя великолепным командиром...

— Это заслуга моего старшего офицера и старшего инженера, — смущенно произнес Траффорд.

— Пусть так. Но капитан важнее. Без него корабль — просто кусок мертвого металла. Мы благодарим вас. Мы еще несколько месяцев назад решили испытать судьбу — поднять свои корабли. Но вот генеральный агент — эта старая курица, представляющая кокрелей на этой планете, приказывал нам ждать и ждать. Теперь же с вашей огневой мощью...

— Генеральный агент действует в интересах вашего же правительства, — вставила Айрин, которая не могла промолчать. — К тому же тогда отпускать корабли было беспомощно.

— Но он же штатский, мадам.

— Так же, как и мы.

Начальник конвоя рассмеялся.

— Это вы-то штатские? С кораблем, который стал бы гордостью нашего флота? Но, с вашего разрешения, перейдем к делу. Осталось мало времени.. По сути, мне и моим офицерам хотелось бы знать, что потребуется от нас.

— Буду краток, — сказал Траффорд. — Мы взлетим всей эскадрой. Вы, сэр, как капитан, поведете свой «Кветзол». Мы на «Вандерере» пойдем прямо за вами, прикрывая «Сессати», «Ситанги», «Серрамара» и «Сенару». Необходимо, чтобы до начала стрельбы не были видны опознавательные знаки нашего корабля. А потом невинный нейтральный корабль, подвергшийся вероломному нападению противника, откроет ответный огонь.

Гьютзен, по-кокрельски рассмеявшись, широко раскрыл

свой щупальца, и его черный змеиный язык рванулся вперед. Он прокудахтал:

— Вы, земляне, уж очень хитры. Куда нам до вашего коварства. Могу себе представить, какой гвалт поднимут эти выскочки, когда поймут, что вместо ящерицы поймали только ее хвост.

— Теперь вам осталось только отдать приказ о начале операции. Правильно?

— Правильно, капитан. Жаль, нам не хватает переводчиков. Только вы можете говорить по-английски, а у нас в команде вообще никто не владеет вашим языком. Надеюсь, кода, разработанного нами, будет более чем достаточно.

— Ладно. Мы хотели бы отрепетировать всю операцию на представленном нам антристской армией имитаторе военных действий.

— Отлично.

Наступила пауза, в течение которой Гьютзен пересказывал содержание их беседы своим офицерам.

— А потом, капитан, после наших победоносных действий мы продолжим путь вместе, да?

— Конечно. Я думаю, ваши инженеры внесут необходимые усовершенствования в двигатели так, чтобы их управление можно было настроить на наш синхронизатор. Тогда мы сможем лететь вместе.

— Безусловно. Мы должны оставаться вместе. У этих курсораздо больше кораблей, чем мы думаем, их эскадры кружат по всему сектору. На нас могут напасть где-нибудь в другом месте. Но, я надеюсь, что этого не произойдет, — сказал он весело.

— Мы должны быть ко всему готовы, — оборвала его Айрин. — Наш корабль, как, впрочем, и ваши, капитан, — грузовое судно. И наша задача — доставить зерно из пункта

А в пункт Б с наименьшими потерями. Если нас атакуют, мы будем обороняться по мере наших сил, но, если будет возможно, мы постараемся уклониться от боя. Вы меня поняли, капитан?

Гьютзен сверкнул на нее глазами, а потом спросил Траффорда:

— Не слишком ли много вы позволяете своим подчиненным, капитан?

— Здесь все гораздо сложнее, чем вам кажется. С одной стороны, я ее начальник, а с другой — она мой хозяин.

— У нас все гораздо проще. В мире кокрелей куры только слуги.

— А на галлических мирах данная роль отведена петухам, — сказала Айрин.

— Это мы и хотим изменить.

— Я не совсем уверена, — сказала Айрин Траффорду, — что в этой грязной склоке буду защищать правых, а не виноватых.

— Это дело вкуса, моя дорогая. Пока вы твердили о законности, я подписал договор, и обратной дороги нет.

— А я полагаю, есть, — она встала перед птицей, и их глаза встретились. Они жгли друг друга испепеляющими взглядами. Просто удивительно, подумал Траффорд, что это не случилось раньше.

Он встал, втиснув свое тело между женой и шипящей птицей.

— Капитан Гьютзен! — сказал он. — Миссис Траффорд! Довольно! Нравится вам, сэр, или нет, пусть я не имею права приказывать, но я хочу, чтобы вы уяснили одно. Я командую самым вооруженным кораблем в конвойе и, значит, отдавать приказы буду я. И я хочу, чтобы вы это тоже поняли, миссис Траффорд. Может быть, вы и хозяйка судна, но находитесь

в моем подчинении, и когда мы взлетим, вам придется подчиняться моим приказам.

Наступило напряженное молчание, а потом у Гьютзена вырвался короткий щелкающий смешок.

— Ладно, капитан. Скажите ей, чтобы она шла на свой насест нести яйца.

— Ай, как бы я хотела сделать из вас цыпленка табака!

— Прекратите! — взорвался Траффорд.

— Мы вообще не взлетим, — опять начала Айрин. — Как хозяин, я могу приказать вам. Здесь, сейчас.

— Вы хотите получить иск за незаконное увольнение? — сказал Траффорд холодно.

Она опустилась в свое кресло и улыбнулась.

— Вы тоже неплохо знаете эти чертовы космические законы!

— А теперь, капитан, — сказал Гьютzen, — продолжим нашу беседу.

16.

Наконец, был назначен день и час отлета. Были предусмотрены порядок конвоя, его действия, стратегия и тактика при возможных действиях противника. В этом не возникло никаких трудностей, зато проблемы межрасовых и внутрирасовых отношений были. Некоторые кокрельские капитаны отказывались выполнять приказы чужаков, млекопитающих чужаков. А Айрин не нравилась роль второго командира.

День старта был светлым и безоблачным. Траффорд из

иллюминатора рубки управления окинул взором чистое небо, бледно-голубой свод, над которым несли неустанную службу галличеки на военных кораблях. Ему казалось, что бесчисленные бусинки глаз смотрят вниз, на зеленый мир Антрома, что нетерпеливые птички ждут — не дождутся, когда жирные червячки вылезут из своих норок.

«Но у наших червячков, — подумал Траффорд, — есть когти и зубы». Это его немного успокоило.

Его мысли вернулись к более конкретным делам. Он заметил, что на корпус «Вандерера» мастера уже нанесли слой краски, маскирующей его опознавательный знак Земли. На дальнем конце поля он увидел шесть кокрельских кораблей. На остром носу одного из них, корвета «Кветзол», мигнул яркий красный свет. Трансивер молчал, иногда динамики доносили лишь легкий треск и шорох интерференции. Портовые службы согласились махнуть рукой на обычные процедуры и, насколько было возможно, пользовались только визуальными сигналами.

То на одном, то на другом корабле мелькал красный огонь готовности. По знаку Траффорда Сюзанна включила огонь на носу «Вандерера». Отразившись от стекла и полированного металла приборов управления, яркая красная вспышка на мгновение осветила странным причудливым светом напряженные лица людей.

Айрин сказала:

— Скоро шарики пойдут вверх.

Траффорд фыркнул. Все его внимание было сосредоточено на прожекторе флагманского судна. Внезапно он исчез, и, как по команде, секундой позже включились огни остальных кораблей. Почти незаметно поднялся «Кветзол» и на некоторое время завис в нескольких дюймах над поверхностью. Под его дюзами реактивных двигателей вокруг ши-

роких лопастей посадочных опор закрутились клубы пыли. Вдруг он начал подниматься, все быстрее и быстрее, и в тот же миг, словно по команде, одновременно ушли вверх четыре корабля: «Сессати», «Сиганги», «Серрамар» и «Сенара».

На фоне неба «Кветзол» казался не больше черного пятнышка, когда Траффорд, взглянув на часы и получив от Сюзанны информацию с радара «Вандерера», привел свой инерциальный двигатель в действие. Почти мгновенно он поднялся над строениями космодрома, а потом, увеличив скорость, догнал конвой и занял свое место в строю. В это время Траффорд получил рапорт с «Кветсанга», что тот покинул планету и следует сзади.

Бронированные экраны закрыли иллюминаторы. Караван еще не покинул атмосферы и находился в территориальном космосе, но не следовало обольщаться, что галличеки будут придерживаться законов. Таллентайр был начеку за своим пультом управления и следил в оба, как, впрочем, и кокрельские артиллеристы у своих орудий..

— Сюзанна, магнитофон готов? — нарушив тишину, спросила Айрин.

— Да, сударыня.

— Отлично. Теперь, перед тем, как начнется пальба, я хочу сделать запись. Включи.

Раздался слабый щелчок.

— Я, Айрин Траффорд, девичье имя Айрин Смит, являясь законным хозяином грузового корабля «Вандерер». Все оборонительное вооружение считается моей собственностью. Я временно даю разрешению моим служащим — капитану и его офицерам — в случае незаконного нападения использовать данное вооружение для обеспечения безопасности как корабля, так и его экипажа. Все.

— Премного вам благодарен, — фыркнул Траффорд, со-

средоточив все свое внимание на управлении. Затем для большей ясности он произнес: — Я, Бенджамин Траффорд, капитан грузового корабля «Вандерер», подтверждаю, что инструкции, данные мне хозяином вышеуказанного корабля, получил. Все.

— Выключи, — приказала Айрин.

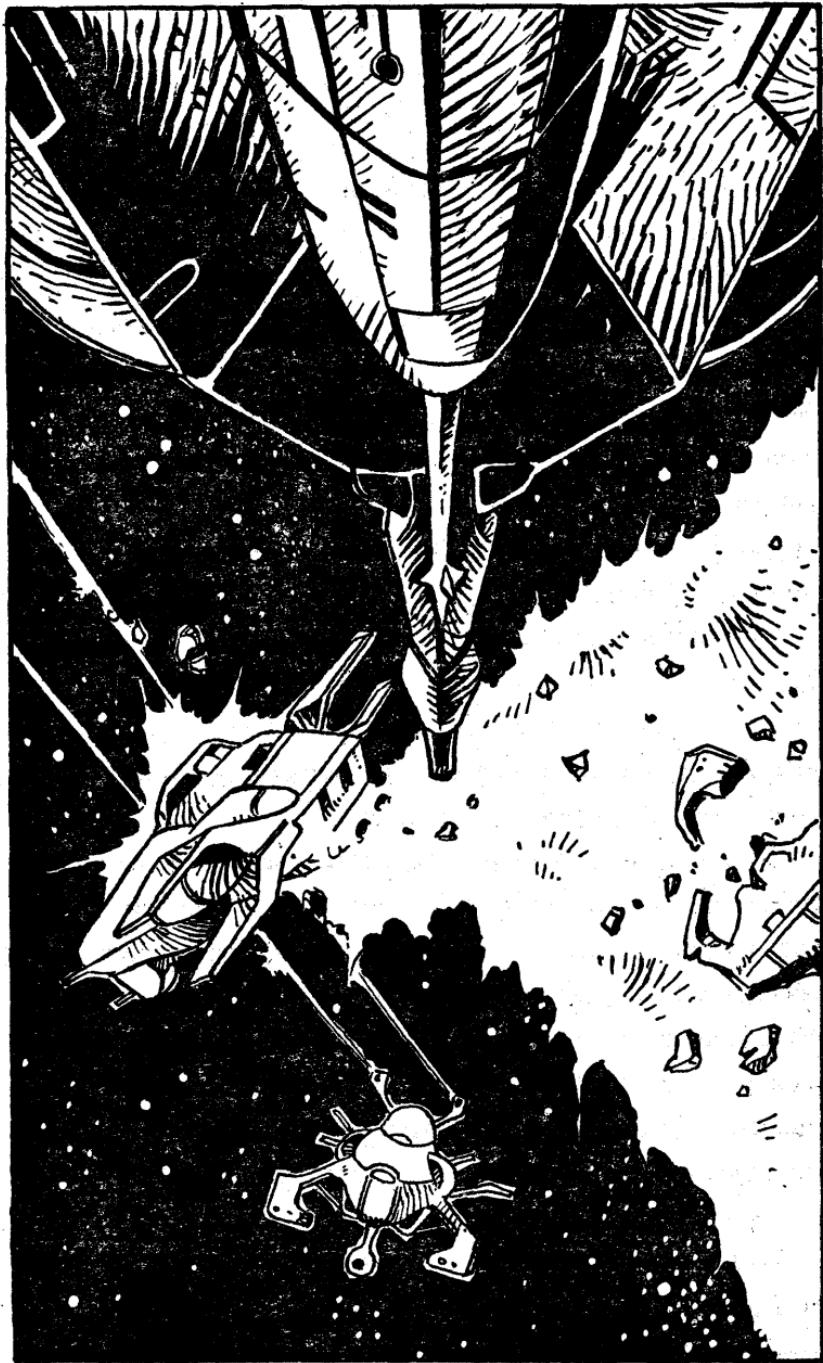
Таллентайр пробормотал, что, дескать, ему сначала надо бы увидеться с адвокатом, прежде чем жать на эти кнопки. Но Сюзанна резко оборвала его, попросив заткнуться.

Даже с закрытыми броней иллюминаторами Траффорд мог видеть всю картину окружающего его пространства. На экранах были отчетливо видны все шесть кокрельских кораблей, а сзади светился гигантский шар Антима. Он медленно, но непрестанно уменьшался, и уже можно было различить изгиб горизонта. Теперь на экране радара, словно маленькие искорки света, появились первые галлические крейсеры, корабли орбитальной блокады, которые стремились перехватить и уничтожить их караван. На экранах «Вандерера» их флотилия казалась просто группой из шести точек, шести кокрельских кораблей.

Караван медленно поднимался. Любое отклонение в движении до включения межзвездного ускорителя могло привести к катастрофе. Максимальная скорость должна была обеспечить сохранение постоянного положения кораблей. Медленно караван достиг разреженных слоев атмосферы. Теперь он казался роем летящих металлических стрел, пущенных метким стрелком в мишень, огромный круг, ограниченный двадцатью военными кораблями.

— Они ждут нас, — прошептал Метзентер.

— Совсем не обязательно, — оборвала его Айрин, а потом спросила мягко: — Ты подразумеваешь нас самих или конвой?

— Конвой в целом, — ответил телепат. — Я вижу толпу бешеных кур, заклевывающих петухов до смерти. Я думаю, они и не подозревают о нас.

— Отлично.

— Красный, зеленый, красный, сообщает капитан, — доложила Сюзанна. — Это значит: «Все оружие приведено в боевую готовность».

— Благодарю, — проговорил Траффорд.

— Корабли вышли из атмосферы. До включения двигателя Маншенна осталось совсем немного времени. Галличеки были совсем рядом, лазеры их еще не действовали, но ракеты наверняка лежали, готовые, на стартовых столах, а может, были уже запущены.

— Красный, красный, красный, — доложила Сюзанна. — «Отражаю ракетную атаку».

— Вспомните ваши обязанности, Таллентайр, — сказала Айрин.

— Я отлично помню их, сударыня. Надеюсь, наши кокрельские друзья помнят их так же хорошо.

— Они вспомнят.

На фоне черного неба ярко расцвели пышные цветы, быстро исчезающие хризантемы голубого пламени. Их породили или кинжалные удары лазерных лучей, или нашедшие свою жертву противоракетные снаряды кокрелей. Наступил критический момент, хотя бы один из этих снарядов должен был прорваться сквозь заграждения торговцев, просто обязан был угрожать «Вандереру». Тогда и только тогда корабль мог бы ввести в действие свое оружие.

— Дайте голубой, белый, голубой, — приказал Траффорд.

Вспыхнул сигнал. В тот же момент хвост «Кветзола» и четырех грузовых судов осветились вспышками ракетных

двигателей. Пять кокрельских кораблей рванулись вперед, оставив «Вандерер» без прикрытия.

— Давай, — вырвалось у Айрин.

— Даю, — эхом отозвался счастливый Таллентайр. Его руки повисли над кнопками, глаза сконцентрировались на радарном экране. Указательный палец осторожно опустился три раза, и тут же на экранах возникли три яркие вспышки. Они были так близко, что на мгновение заслонили от наблюдателя весь конвой.

Сюзанна крикнула в микрофон:

— «Вандерер» вызывает аэрокосмический контроль Антима. Нас атаковали без предупреждения. Мы вынуждены защищаться.

— Мистер Таллентайр, — приказала Айрин, — открывайте огонь.

Таллентайр выпустил первый залп реактивных снарядов, дистанционно управляемых ракет, которые хоть и не имели самонаводящих механизмов, но управляемые таким гением артиллерийского дела, как Таллентайр, шли точно в цель и были почти неуловимы для противника. Пока внимание офицера было полностью поглощено ракетами, корабль обязан был сам позаботиться о своей безопасности. Автоматически сработали противоракетные лазеры, в ход пошли противоракетные ракеты. От обороны они перешли к наступлению, но избежать этого было невозможно.

Реактивные снаряды устремились к галлическому флагману. На подходе к противнику снаряды раскрылись и выпустили целую кучу маленьких, не больше дротика, ракет, которые заполнили все окружающее пространство облаком металлических стрел. Те должны были уничтожить любые вражеские противоракеты. Таллентайр удовлетворенно

хмыкнул, увидев на экране их вспышки, а потом выпустил облако отражающего противолазерного газа. В следующий миг ракеты разлетелись в разные стороны и образовали линию, в центре которой была все та же цель, а крайние ракеты устремились к другим кораблям противника.

Кокрели сражались на совесть, но у них не было огневой моши «Вандерера», а без этого им едва хватало сил, чтобы отбивать яростные залпы галличеков. По правилам, подобные сражения должны происходить следующим образом: сначала надо было вывести из строя корабль противника с помощью дальнодействующих ракет, а уж потом, сблизившись, добивать его лазерами. Но это хорошо, когда есть превосходство в силе.

Даже сейчас галличеки превосходили их количественно. К тому же, за исключением «Вандерера», ни один из кораблей каравана не имел на борту ракет. «Кветзол» и «Кветзанг» были легко вооруженными корветами, а грузовики вообще были годны только для перевозки грузов. Пальба поутихла. Экономя боеприпасы, оба противника стреляли только короткими очередями. Лишь «Вандерер» был еще в состоянии защищаться и в то же время не прекращать атаку на блокадные корабли.

Теперь караван шел через внутренний Пояс Ван Аллена, но включить межзвездный привод было пока невозможно. Впереди, наперерез им, быстро приближаясь, летели три корабля галличеков. «Кветзол» привел в действие все свое вооружение, но это была только самооборона. Он еще мог постоять за себя, но на большее не был способен.

Траффорд оценил ситуацию.

— Синий, белый, синий! — крикнул он. — Надеюсь, они увидят.

Потянулись минуты ожидания. Наконец, на командном

корабле повторили сигнал. Траффорд отдал приказ и сразу же включил ракетные двигатели. Внезапное ускорение отбросило людей назад, впечатало в спинки кресел. «Кветзол» становился все больше и больше, пока не занял весь экран. А потом он внезапно резко ушел в сторону, это капитан использовал мощь боковых двигателей. «Вандерер» рванулся вперед и, казалось, прошел всего в каких-нибудь двух дюймах от «Кветзола». Носовые лазерные излучатели «Вандерера» были в действии, а впереди летели его реактивные снаряды. Дьявольской бело-голубой вспышкой взорвалась рядом перехваченная на лету галлическая ракета. Гротеск пальбы стал просто оглушающим.

На переднем плане, быстро увеличиваясь в размерах, возникли галлические корабли.

Для световых сигналов не было времени. Айрин без приказа Траффорда рванулась к трансиверу.

— «Вандерер» вызывает «Кветзол». Вы меня слышите?

— Отлично слышу, — ответил Гьютzen кудахтающим голосом.

— Прикройте наши фланги, «Кветзол». Сейчас мы им дадим прикурить.

— Вперед, «Вандерер», мы с вами!

Корабль тряхнуло от близкого взрыва, достаточно близкого, чтобы взрывная волна сделала его траекторию неустойчивой. Траффорд не стал исправлять курс, поскольку это не могло повлиять на исход сражения. Краем уха он услышал, как чей-то далекий голос произнес:

— Это «Ситанга»... Нет, он все еще держится... — И вдруг: — Они потеряли управление. Идут прямо на нас!

— Боковое ускорение, — испуганно вскрикнула Айрин, — максимальное боковое ускорение.

На обзорном экране Траффорд видел гибнущий грузовик, объятый пламенем. Он мчался мимо «Кветзола». Чтобы избежать столкновения, «Вандереру» надо было пропустить «Ситангу», так как сейчас он стоял как раз на его пути. Генераторы инерциального двигателя заработали на полную мощь, сообщая кораблю максимальное боковое ускорение. «Вандерер» покачнулся, его переборки заскрипели, крякнули, но выдержали. И тут, почти вплотную, мимо них прошел «Ситанга», заполнив собой весь бортовой экран. Он прошел мимо, опалив жаром огня своих реактивных двигателей рубку управления. Его экстренные двигатели были включены и неуправляемы, они выбрасывали тонны горючего, способного обеспечить не одну дюжину боевых маневров или посадок.

«По-видимому, — подумал Траффорд, — его регулятор инерциального двигателя разрушен и теперь пошел вразнос генератор. Ждать осталось недолго.» Но ему был нужен Метзентер, он хотел спросить, есть ли шанс, что на «Ситанге» кто-нибудь остался в живых.

Без приказа Таллентайр прикрыл огнем подбитый корабль, посылая вперед и вокруг него свои реактивные снаряды. Но было уже поздно. Три галлических корабля окружили его и ждали удобного момента длястыковки с «Ситангой». Совершенно неожиданно грузовой корабль взорвался — вся сила его реакторов, каждый снаряд в его магазинах превратили корабль в гигантскую сверхразрушительную бомбу. Вспышка буквально ослепила наблюдателей. Несколько секундами позже «Вандерер» промчался через пространство, где уже не существовало ничего, кроме искореженных обломков и нескольких облаченных в космические скафандры галлических. Они походили на гротескных крылатых динозавров, лопаю-

щихся и взрывающихся под лучами мощных лазерных пушек «Кветзола».

К горлу Траффорда подступила тошнота, но он, сосредоточив внимание на приборах, переборол себя и просигналил Бронхейму:

— Включайте двигатель Маншенна.

Теперь это было уже возможно.

— Дайте синий, красный, синий, — тихо сказал он Сюзанне.

— Они поняли, — сказала она после секундной заминки.

— Отлично. Выполняйте.

И в тот же миг на обзорном экране привычные звезды превратились в неправильные спирали пульсирующего света. Пронзительно взвизгнул двигатель, и корабль, как, впрочем, и другие корабли каравана, начал свое бесконечное падение в пространственно-временном континууме.

17.

Само собой разумеется, галличеки начали преследование. По пятам конвоя мчались двенадцать вражеских кораблей. Они не могли добиться синхронизации и были почти невидимы, за исключением зловещих клякс света на экране масс-индикатора. Но слышно их было прекрасно. Казалось, все диапазоны Карлотти были забиты их щелканьем и кудахтаньем. Иногда переводчик разражался в адрес землян яростными угрозами, и Траффорд, найдя частоту, удобную для связи, спросил Гьютзена, о чем идет речь. Капитан весело ответил:

— Они говорят, что перебьют нас, как мух, — сказал он и с горечью добавил: — Их сейчас вдвое больше, чем нас. Разрешите синхронизироваться и ударить.

— Нет, — Траффорд был тверд. — Это караван торговцев, а не военная эскадра. Мы уже потеряли один корабль...

— Но он унес с собой три галлических крейсера.

«Это ничего не меняет, — подумал Траффорд. — У противника явное преимущество. При прорыве израсходовано слишком много боеприпасов, и их негде пополнить. Из шести кораблей только на «Вандерере» осталось доста-точное количество снарядов. Почти половина лазерных излучателей, установленных на торговых кораблях, оказались непригодными, по чьей-то глупости большая часть запасных частей хранилась на борту «Ситанги»... А «Ситанга» стала теперь всего лишь облаком радиоактивной пыли на орбите Антима.

Рано или поздно каравану все равно придется вернуться в свое измерение. В пылу боя не было времени нацелиться на солнце Каракаллы. Они уже прошли несколько световых лет. Остановить же межзвездный ускоритель для корректирования траектории было невозможно — это был бы славный подарочек друзьям-галличекам, да еще на блюдечке с золотой каемочкой.

Они погрузились в темноту, все больше и больше удаляясь от своей цели. Они неслись в бесконечность, словно гипотетические существа, живущие внутри артиллерийского снаряда.

Нельзя было недооценивать галличеков. Они могли себе позволить ждать, сколько угодно, им было гораздо проще. По-видимому, один из кораблей-преследователей нес запасные части, ракеты и снаряды для остальных.

Что-то должно было случиться, и случиться скоро. Всё-таки караван направлялся к Каракалле, а не к туманности Андромеды.

Траффорд, уединившись с Айрин в каюте, рассуждал о делах:

— Черт побери, — воскликнул он. — Я хочу найти выход из этого положения. Я чувствую себя гораздо хуже, чем когда был пленником Реда Джеддака. Тогда я сидел в душной горячей комнате и слушал, как снаружи на снегу воют волки...

— Волки? — выпалила она.

— Да, волки. Животные с густым мехом и на четырех ногах, сейчас встречаются только в заповедниках. Они охотятся стаями... Но эти злые старые куры совсем не волчья стая...

— А ты представь, что они волки, Бенджамин, и постарайся вспомнить истории, которые ты читал о волках в детстве. Вспомни путешественников на санях, спасающихся от волчьей стаи. Что они делали?

— В старых романах, когда деваться было некуда, с саней скидывали одного из путешественников, в надежде выиграть немного времени, пока стая разрывала его на куски... Но мы не можем этого сделать.

— Не можем? Этот Гьютзен, который все время глупо рвется в бой, будет только рад слушаю пойти на дно, стреляя из всех пушек, которые мы ему оставим.

— Нет, — твердо сказал Траффорд.

— И все же подумай об этом. Это неплохая идея.

— Наверное. Но... — По привычке он скомкал и сжег свои заметки, которые делал для памяти. — Хм, я поговорю об этом с капитаном, без всякого кодирования и декодирования. Хотя в данных обстоятельствах вряд ли можно ис-

пользовать обыкновенную телефонную связь. Они боятся перехвата.

— Да, — согласилась она. — К тому же на их кораблях должны быть телепаты.

— Теперь можно подойти к другому кораблю, если у обоих работают двигатели Маншенна. Но нам нужен физический контакт — тонкий кабель с магнитным замком — обязательно должна быть синхронизация...

— Сейчас она у нас есть.

— В том-то и дело, что нет. Не так давно у нас нарушилась равномерность процесии. Время запаздывания у наших приборов бесконечно мало, но оно тем не менее есть. Оно лежит в пределах регулирования, но контакт сейчас все равно опасен. Может получиться случайная процессия. Правила запрещают это.

— Ты, Бенджамин, слишком большое значение придаешь правилам. В торговом флоте...

— Да, да. Я уже не раз слышал об этом. Так всегда делали на Лог Стар Лайн, где ты когда-то побывала. Но, моя дорогая, в армии мы получили куда больше опыта, чем во всех твоих бурных, жестоких и опасных звездных скитаниях.

— Ладно. Так что ты предлагаешь?

— Вот что. Караван синхронизируется всего на несколько минут. Галличеков мы застанем врасплох, и времени должно хватить, чтобы Гьютзен и его помощники перегрузили на борт «Вандерера» все оружие, наступательное и оборонительное. Мы соберем капитанов и офицеров и обсудим, кого отдать на съедение волкам...

Все прошло без осложнений.

На экранах появились кокрельские корабли. «Кветзол»

вынырнул в полукилометре позади «Вандерера». С земного корабля связкой ракет с электромагнитом протянули светящийся кабель. Таллентайр подвел ракету к самому шлюзу корвета. Дверь открылась, и из нее вылетели три гротескные фигуры, хлопающие в пустоте крыльями и привязанные к кораблю тонкими тросами. Они быстро преодолели разделявшее корабли расстояние. Как только они оказались в люке «Вандерера», кабель отвязали. Похоже, галличеки ничего не заподозрили. И Метзентер резюмировал:

— Они способны только болтать, а не слушать. Тем более телепатически.

Гости в шлюзе сняли свои скафандры, и Сюзанна проводила их в кают-компанию. Там им предложили напитки и закуски. Хотя они не являлись млекопитающими, но, как теплокровные и дышащие кислородом, унаследовали многие человеческие пороки.

— Мы высоко ценим ваше гостеприимство, капитан, — сказал Гьютzen, — я надеюсь, вы нас вызвали по важному делу? Только чрезвычайные обстоятельства вынуждают капитана покинуть свою команду во время военных действий.

— Все это так, капитан. — Нам срочно надо было побеседовать, — сказал Траффорд. — Вы прекрасно знаете, что сейчас мы летим в никуда. Нам необходимо вернуться в нормальное измерение и исправить траекторию. Но как это сделать?

— Как я и говорил. Все оружие в полную готовность — и в бой!

— На это у нас не хватит сил. Мы не можем принять бой, но у нас появилась идея.

— Что вы имеете в виду, капитан?

— Для начала, капитан, ответьте, каким своим кораблем вы можете пожертвовать?

— Ни одним, — ответил капитан, но потом гордо добавил: — или всеми.

— Постарайтесь реально взглянуть на вещи, Гьютзен. Здесь у вас два корвета, которые не в состоянии обеспечить безопасность торговых судов. Следовательно, их участь уже предопределена.

— Скоро имена «Кветзол» и «Кветзанг» запишут золотыми буквами в историю кокрельской армии. Мы с честью выполним доверенную нам задачу — защиту каравана.

— Я не прошу, чтобы вы приносили себя в жертву. Мы уже и так потеряли множество людей. Но я прошу пожертвовать одним кораблем и несколькими тоннами груза. — Он указал на лежащие на столе возвзвания. — Я знаю, вашим судам все равно, что возить: зерно или эти пластиковые бумажки.

— Вы говорите загадками, капитан.

— Извините. Прежде чем пойти дальше, ответьте, возможно ли разместить экипаж «Кветзанга» на других кораблях?

— Возможно. Будет немного тесновато и негде будет расправить наши крылья. Но это возможно

— Значит, так. Нам на этот раз повезло, мы смогли благополучно перевести вас на борт при синхронизации. Возможно, в следующий раз все произойдет не так гладко. У вас есть какие-нибудь предложения, как отвлечь внимание галличеков, и в особенности их телепатов.

— Есть. Песня, песня, которую мы будем передавать на всех Карлотти-частотах. Это наш национальный гимн. Он никогда не приводил в восторг этих старых кур.

— Меня тоже, — сказала Айрин.

— Ну, конечно. Вы ведь тоже курица.

— Опять за старое, — резко оборвал его Траффорд. — Давайте лучше перейдем к сути нашего разговора.

18.

Гьютзену с офицерами надо было вернуться на свой корабль, и на этот раз, несмотря на пророчества Траффорда, не возникло никаких проблем. Между двумя кораблями снова установили контакт.

— К черту все эти правила и инструкции, — выругалась Айрин. — Я отменяю эту чушь. В конце концов, мы космонавты с большим опытом и можем позволить себе рисковать. Тем более, что это оправдано. Мы можем застигнуть галличеков врасплох, но нет гарантии, что нам повезет во второй, третий и четвертый раз, когда будем переправлять людей и оборудование. А пока я вижу, физическая связь дает нам прекрасную синхронизацию..

— Она права, — согласился Гьютзен.

— Нет, — огрызнулся Траффорд.

Тем не менее он согласился поставить эксперимент. Вместе со всеми он вошел в рубку «Вандерера» и стал смотреть на тускло мерцающее веретено «Кветзолы». Таллентайр, улыбнувшись, нажал на спуск.

— Это работа как раз для артиллериста, а не для навигатора.

На фоне черноты яркой искрой мелькнула контактная ракета. Она достигла «Кветзолы» и прошла сквозь него, будто того не существовало и в помине. Таллентайр пробормотал что-то себе под нос и включил лебедку. Он держал малень-

кий снаряд почти на уровне борта «Кветзола», постоянно меняя напряжение электромагнитного поля. Потом вдруг совершенно неожиданно произошел контакт. Контуры кокрельского корабля мгновенно стали резкими и четкими.

— Удовлетворены? — спросила холодно Айрин.

— Да... Но этого не должно быть.

— Подобное можно сделать с любым кораблем нашего каравана.

— А что мы будем делать, если попадем прямо в лапы наших преследователей? Может быть, ты согласишься, что в правилах какой-то смысл все же есть?

— Пусть так. Но шансы галличеков осуществить подобную синхронизацию чрезвычайно малы.

Потом Гьютзен со своими помощниками вернулся на свой корабль и занялся техническими проблемами предстоящей акции. Но ни инженерная, ни навигационные проблемы не были столь хлопотны, как психологическая. Помощник капитана, Христа, командующий «Кветзангом», был настроен еще более воинственно, чем его начальник. Он был здорово потрясен, когда узнал, что торговец, капитан «Ситанги», погибая, унес с собой трех противников, в то время как он, капитан военного корабля кокрельской армии, постыдно бежал с поля боя. Христа не противился, узнав, что «Кветзанг» принесут в жертву ради общего блага, он только хотел, как хотел весь его экипаж, стать частью этой жертвы.

В каюте помощника капитана произошло довольно крупное объяснение. Траффорд и сопровождавший его Метзентер предпочли побыстрее ретироваться, когда увидели схлестнувшихся Гьютзена и Христу. Они стояли друг против друга, широко распахнув крылья. Глаза у них сверкали от ярости, перья вздыбились, стальные шпоры клацали по металлическому полу. Их шипение и кудахтанье было понятно и без

перевода. Стало очевидно, что за словесной перепалкой скоро последует настоящая потасовка. Затем Гьютзен повернулся к землянам.

— Он хочет умереть, — прошипел он. — Желает отдать жизнь за Федерацию. Капитан «Ситанги» был его братом, но его уволили из армии из-за отсутствия боевого духа. И вот теперь...

— Скажите ему, — попросил Траффорд, — что у землян есть старая хорошая пословица: «Тот, кто струсили сегодня, должен жить до завтрашнего боя».

— Я слышу это впервые, — сказал капитан. — Мне это выражение нравится.

Было приведено еще множество других аргументов, и наконец, инцидент был улажен. Теперь вперед выступили Траффорд с Бронхеймом. Перед ними стояла трудная задача — перевести на полное автоматическое управление все механизмы корабля, оружие и приборы, связывающие его с «Вандерером». С ним работали и техники «Кветсанга» — обиженные, сердитые. Было очевидно, что они разделяют точку зрения своего капитана и стремятся кровью искупить свой позор.

Пока шла работа, все Карлотти-диапазоны буквально заполонили бесконечным прокручиванием невыносимого для человеческих ушей национального кокрельского гимна. Этот вой, надеялся Траффорд, помешает галлическим тепепатам уловить малейший намек на готовящееся.

В это время люди и кокрели работали рука об руку. Но не все шло гладко. «Сенара» потерял своего первого помощника и двух матросов — они проигнорировали приказ, не вышли из перехода, и их выбросило из континуума. Наблюдатели сообщили, что одетые в скафандры они были вдруг

подхвачены сверхъестественной силой и вспыхнули, словно маленькие факелы. На «Серрамаре» погиб инженер, который как-то умудрился проколоть свой скафандр ножницами, которыми работал. На «Кветзанге» имел место даже небольшой мятеж, один артиллерийский офицер отказался повиноваться, тогда помощник капитана применил шпоры.

Одно было плохо — весь план строился на внезапности, а Гьютзен подозревал, что один из военных кодов кокрелей был расшифрован галличеками. Конечно, это было только подозрение, но не лишен основания. Если это было правдой, то весь план летел наスマрку. Если же нет, оставался шанс прорваться.

Наконец, все было готово. Экипаж «Кветзанга» переправили на остальные корабли каравана. Все соединительные кабели были смотаны, так что не могло быть и речи ни о какой полной синхронизации.

Айрин заметила, как Траффорд поднял бровь. Он кивнул, а потом бросил Сюзанне:

— Начали!

Она коснулась переключателя. Сверкнул световой сигнал, повторенный потом на «Кветзоле». Резко, на полуслове, оборвалась хриплая, набившая оскомину запись. Вместо нее из динамика Карлотти послышалось что-то вроде земной морзянки, но звучала она странно и непривычно. Траффорд знал, что она означает. Ведь именно он составил этот текст.

«Кветзанг» вызывает капитана. Прошу разрешения отстать от вас, чтобы исследовать расположенную в окрестности группу кораблей. Мне кажется, что это восьмая экспериментальная эскадра. Пытаюсь наладить связь».

Наступила пауза. Потом послышался еще один сигнал, по-видимому, с другого передатчика.

Но Траффорд знал, что это тот же корабль.

«Капитан — «Кветзангу». Возвращайтесь и установите контакт. Прикажите командиру восьмой экспериментальной эскадры оставаться около нас, пока мы будем корректировать траекторию».

Далее с каким-то странным раздражением:

«Кветзанг» — капитану. Я сделаю все возможное. Но установить контакт с экспериментальным кораблем довольно трудно».

«Капитан — «Кветзангу». Повторяю, установите контакт.»

Руки Айрин забегали по пульту управления «Кветзангом», а на кораблях торговцев капитаны нажали кнопки, приводящие в действие простейшие механизмы внутри огромных пластиковых баллонов, похожих на настоящие космические корабли, только несколько странной конструкции. Подобно гигантским мерцающим теням, они отделились от кораблей каравана и исчезли, выпав из полей темпоральной процессии двигателей Маншенна. Но за ними все равно можно было наблюдать на экранах масс-индикаторов, только там они казались слабыми, маленькими искорками.

«Кветзанг» отключил двигатель Маншенна, на полную мощь заработал его инерциальный двигатель, и корвет стал быстро удаляться, окруженный фальшивыми кораблями.

— Они попались на удочку, — пробормотал Траффорд, взглянув на экран масс-индикатора. — Попались, голубчики. Целый десяток. Быстро сообразили, мерзавцы, что мифическая экспериментальная эскадра с новыми сверхмощными двигателями — более лакомый кусочек, чем караван, везущий зерно...

— Мистер Таллентайр, не могли бы вы пощипать их из кормовых батарей «Кветзанга»?

— Это можно, сэр, — пальцы Таллентайра забегали по

кнопкам. — Самонаводящие снаряды зададут им работы. Пусть попрыгают, голубчики.

Экран масс-индикатора давал слишком мало. На нем были искры света кораблей, слабые пятнышки приманки, почти невидимое свечение летящих снарядов. Нельзя было требовать от Таллентайра слишком много. Он переключил управление вооружением «Кветзанг» на автоконтроль. Корабль должен был вести бессмысленный огонь, пока не иссякнут в патронниках снаряды или не порвется цепь обратной связи. Траффорд тоже переключился на автопилот корвeta, механизмы которого модернизировали так, что он теперь мог заставить беспилотный корабль совершать сложные маневры, применяя как инерциальный двигатель, так и реактор Маншенна.

Что касается приманок, то они продолжали играть свою роль. Конечно, направленный удар лазерного излучателя или ракеты разрушил бы их, но при этом их осколки не оставили бы следов на экранах радаров или масс-индикаторов. И Траффорд надеялся, что это здорово озадачит галличеков. Что ни говори, а корабль, исчезающий без следа, должен иметь в своем оборудовании что-то исключительно новое. Может быть, восьмая экспериментальная эскадра не годилась для боя, но по заметанию следов она была вне конкуренции.

Теперь можно было оставить приманку и «Кветзанг» без внимания, на произвол судьбы, но Траффорд решил присмотреть за своими питомцами.

— Мистер Метзентер, — спросил он, — сработало?

— И здорово, капитан. Голодные несушки совсем ополоумели.

— Прекрасно. Займитесь траекторией. И приготовиться всем кораблям к бою.

Сюзанна включила световой сигнал.

Выполняя приказ, корабли нырнули назад, в свое измерение. На экранах слабые туманности, неправильные пульсирующие спирали сменились материальными яркими звездами. Позади, очень далеко позади, возникло какое-то неустойчивое удивительное свечение. Это сражался обреченный, брошенный людьми «Кветзанг». Пока его спасало только то, что он руководствовался совершенно непредсказуемыми командами. И теперь галлические техники зверели над своими приборами, стараясь понять чудесное исчезновение восьмой экспериментальной эскадры. Еще немного времени, и маршал поймет, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, и повернет крейсеры назад, к покинутому каравану.

С коррекцией пока можно было не спешить, время терпело.

Взвизгнули гироскопы, и корабли медленно повернулись, выискивая единственную желтую искорку среди мириад других таких же искр, которая была солнцем Каракаллы. Навигаторы, забыв об опасности, сосредоточили все внимание на светящихся экранах, диаграммах, графиках, на мерцающих нитях экстраполированных траекторий. Связисты до боли в ушах вслушивались в щелканье и кудахтанье, доносившееся из динамиков. Артиллеристы и наблюдатели внимательно следили за двумя оставшимися крейсерами, возвратившимися в искаженное пространство-время, и ожидали момента, когда основные силы вражеского флота бросят свои безуспешные попытки найти следы исчезнувших кораблей.

Айрин, словно искусный навигатор, взялась за управление «Вандерером», пока Траффорд не напомнил о ее обя-

занностях. Таллентайр склонился над пультом, дожидаясь только удобного момента, чтобы пустить в ход свое оружие. Сюзанна занималась связью и радаром, в то время как Метзентер, с сонным, странно безмятежным лицом, пробовал свои силы на мозгах галличеков.

Он пробормотал:

— Резерв... Резерв. Я думаю, что маршал приказал двум крейсерам заняться нами, не думая о цене, пока не подойдут основные силы...

Только он проговорил это, как появились два корабля. Они выскочили очень близко в радиусе действия лазерных излучателей и, не дожидаясь появления отражательного газа, сразу открыли огонь. Но они очень спешили, поэтому смогли только обкорнать своими лазерами хвостовые рули одного из торговцев. А потом с обоих сторон в бой вступили ракеты и управляемые снаряды. Все пространство, где медленно кружили сражающиеся корабли, заполнилось раскаленными газами, через которые проносились смертоносные ракеты.

Ракеты сталкивались с антиракетами, и грозная сталь самонаводящих снарядов Таллентайра часто находила свою жертву. Галличеков было мало, но они всегда могли получить подкрепление. У кокрелей, как знал Траффорд, запасы снарядов были далеко не беспредельны, к тому же часть боеприпасов они переправили на «Кветзанг». Да еще Таллентайр безрассудно тратил ракеты, словно сам был глупой курицей.

Только Айрин работала спокойно и методично, без паники и суеты.

Даже когда корабль сотрясался от близких разрывов вражеских снарядов, она продолжала спокойным голосом говорить:

— Один градус три минуты сорок пять секунд... Три градуса семь минут семнадцать секунд...

— Проверь, — произнес Траффорд, управляя гирокопа-

ми. Он решил, пока идут необходимые приготовления, приказать Таллентайру уменьшить огонь. Надо было беречь боеприпасы, и в то же время ему очень не хотелось в это вмешиваться. Он отлично знал, что это единственный путь борьбы с ракетами — подавление фронта огня противника своими антиракетами. И конечно, только максимальной концентрацией ракет и снарядов можно было прорвать оборону галлических кораблей.

— Огонь открыли основные силы, — отзвалась Сюзанна.

«Сколько у нас времени, пока долетят их ракеты?» — спросил сам себя Траффорд. Беглый взгляд на обзорные экраны сказал ему, что теперь торговцы используют для защиты только лазеры, а на «Кветзоле» действует всего одна батарея. Огонь Таллентайра прикрывал все шесть кораблей каравана. Но надолго ли его хватит?

— Торговцы передали сигнал готовности, — доложила Сюзанна.

— Быстрее, быстрее. Поднажмем.

— Готово. Дайте сигнал готовности, Сюзанна.

— Да, уже «Кветзол» докладывает о готовности.

— Пошли.

И тут, в тот момент, когда караван проскальзывал в искривленное пространство, взорвался один из галлических крейсеров. Обзорные экраны «Вандерера» полыхнули огнем и быстро погасли. Теперь это уже не имело значения. На ремонт уйдут какие-то часы, а путь до Каракаллы займет несколько недель субъективного времени. Теперь, в безопасности, можно было снять броню с иллюминаторов.

Все были здесь: «Кветзол» и три торговца, избитые и потрепанные, но в полном порядке. Видны были и галлически — далекие искры на экране масс-индикатора. Догнать караван они уже не могли, хотя, возможно, на орбите Ка-

ракаллы их будет ждать другая эскадра. Но это маловероятно. Планета имела хорошо развитую оборону — наземные базы и вооруженные бронированные спутники, оснащенные кокрельскими военными кораблями.

Из громкоговорителя послышался радостный голос Гьютзена:

— Теперь мы прямым ходом домой. Я приказал объединить обе части хозяйствского корвета. Вы не присоединитесь к нам?

Траффорд, вопросительно подняв брови, взглянул на Айрин. Та недоуменно пожала плечами. Весело рассмеявшись, Метзентер заметил:

— Конечно, нехорошо подслушивать чужие мысли, но иногда это необходимо. Он имел в виду, что приказал всем рукам соединиться в дружеском рукопожатии.

— Тогда мы поддерживаем.

Когда Сюзанна вызвалась принести бутылки и стаканы, Телепат заметил:

— Есть одна вещь, за что я люблю этих кокрелей — их психология не чужда нашей. А вот кажется, что может быть неприятного в этих старых квохчущих курах. И, тем не менее, они мне неприятны.

20.

Краван мчался вперед, и вскоре солнце Каракаллы превратилось в туманность, рукава которой причудливо изгибались, туманность, пульсирующую, как переменная звезда, туманность, переливающуюся всеми цветами радуги. Сзади гнались галлические корабли. Чувствительный индикатор «Вандерера» показывал, что погоня состоит

из двух групп кораблей, одна шла чуть справа, а другая слева. Они были еще далеко, настолько далеко, насколько хватало чувствительности кокрельских приборов, но измерения показывали, что обе группы кораблей приближаются. Айрин экстраполировала все три траектории, и оказалось, что они пересекаются вблизи планеты, к которой они летели.

К тому же в эфире стояло удивительное молчание. Из Карлотти-динамиков не доносилось обычного безостановочного кудахтанья. Не было ответа и на запросы «Вандерера», хотя они были уже зарегистрированы координационной службой Каракаллы.

— Все правильно, это галличеки, — сказал Метзентер. — Я удивляю обычные мысли хищников, устремившихся на жирных голубей, Но...

— Что — но? — спросил Траффорд.

— Но этот сигнал исходит только от одной группы кораблей... — Он поднял руку. — Я знаю, что могу ошибиться, но попробую указать приблизительно направление... Они излучают смерть. Я слышал, имперские вооруженные силы часто балуются с подобными никчемными эффектами, но есть ли у галличеков что-нибудь подобное?

Траффорд сказал, что не знает, и добавил досадливо, что, видимо, у куриц появились свои экспериментальные эскадры.

Все шло к тому, что их могли перехватить. Инерциальный двигатель «Вандерера» работал не на полную мощь, он мог бы работать эффективнее, форсировать скорость и достичь защиты орбитальных форточек Каракаллы до прибытия врага. То же самое мог сделать и «Кветзол». Но торговые корабли шли с постоянной скоростью, ведь одно из военных правил гласит: скорость каравана должна быть скоростью

самого медленного корабля. Вряд ли Гьютзен бросит своих подопечных на произвол судьбы.

«А тем более я», — подумал Траффорд.

О создавшейся ситуации была уведомлена координационная служба. Верховный координатор сказал, что он все знает и приказал, хотя на самом деле это мог быть только совет, остановиться.

— Передай этим пустоголовым кретинам. Я бы хотел, чтобы они оказались на моем месте, — прорычал Траффорд Сюзанне. Та закодировала и передала. Через минуту пришел ответ:

«Не волнуйтесь. Остановитесь».

— Кажется, они прониклись верой в наши способности. По-моему, они переоценивают нас, — сказал Траффорд Айрин. — Это не тот случай. Возможно, «Кветзол» и справился бы со своей задачей, но у него на борту торговцы, а не военные.

— Ну, и что? — вспыхнула она.

— Ладно, ладно. Пусть торговые офицеры знают свое дело не хуже военных. Ты мне твердишь об этом все время. Но они не умеют работать. К тому же навигационное оборудование «Кветзола» сильно уступает нашему.

— В любом случае, — закончила она, — Наши пернатые друзья ждут не дождутся от нас маневра. По-моему, они сошли с ума и уже не представляют, что делают.

— Так мы остановимся? — спросил он.

— А что еще нам остается делать. Не будем же мы колесить по всей Галактике в поисках безопасной стоянки. Мы остановимся, и надеюсь, что у нас хватит антиракет для защиты. — Затем она добавила: — Я уже сказала Таллентайру, чтобы он приберег свои снаряды для обороны. Он обиделся, но сделает.

Сразу после этого на борту «Вандерера» открылось короткое совещание. Присутствовали Гьютзен и три капитана торговых судов — все, кто владел английским. Никто из них не слышал ни о каком механизме или приспособлении, блокирующем псиизлучения, хотя они и подтвердили, что галлички, женские особи их расы, дальше их продвинулись в овладении искусством телепатии. Оценив вооружение, они согласились, что их запасы чересчур скромны даже для обороны: «Кветзол» мог дать только один залп. На три других корабля приходилось всего лишь пять ракет, батареи лазерных излучателей основательно подсели, оставалось несколько баллонов противолазерного экранирующего газа.

Гьютзен хотел повторить маневр, который «Вандерер» использовал при подлете к Антруму, но капитаны торговых кораблей особого энтузиазма не показали. Планета была их домом, и они знали, что произойдет на поверхности, если случится ошибка.

— Я знаю верховного координатора Гразу, — сказал Гьютзен. — Я знаю его очень хорошо. Я служил у него, когда он был капитаном. У него есть только один недостаток. Он помешан на безопасности.

— Это очень похоже на правду, — съязвила Айрин. — Ему хорошо говорить: «Остановитесь!» Его не достанет никакая ракета.

— Но он кокрель! — вскричал Гьютзен. — Собственная безопасность для него ничего не значит. Для него важнее безопасность вверенных ему кораблей.

— Он нами не командует, и мы ему не вверены, — проговорил Траффорд.

— Следуя кокрельскому закону, это будет распространяться и на вас, — сказал Гьютзен, — пока вы перевозите грузы нашего правительства.

— Может быть, у него есть собственный флот? — спросила Айрин. — Только он должен быть достаточно велик, чтобы противостоять, по крайней мере, сорока кораблям или около того.

— Основной флот кокрелей, согласно последним полученным мною рапортам, стоит у Карракхера, сердца нашей Федерации.

— Так вы думаете, верховный координатор Гразу знает, что ему делать? — спросил Траффорд.

— Я думаю, что знает, — ответил Гьютзен. — Если он приказал: «Остановитесь», то у него были на то причины. Капитан, я птица чести и уверен, что вы не сбежите с поля боя, не бросите своих друзей в трудную минуту. Надеюсь, наше путешествие кончится благополучно.

А пока Траффорд не видел выхода из создавшегося положения. Как только конвой выйдет в нормальное измерение, он будет окружен и уничтожен всесокрушающим огнем. Против сорока вражеских кораблей орбитальным фортам придется туговато, они будут бороться сами за себя. К тому же прокладывать новый курс, рассчитывать траекторию было поздно.

Верховному координатору, — думал Траффорд, — легко твердить: «Остановитесь! Остановитесь!», но знает ли он, на что толкает караван? Может быть, знает?

— Остановитесь. Остановитесь.

Людям «Вандерера» казалось, что хронометр рубки управления отсчитывает последние часы их жизни. С чувством обреченности они выполняли повседневную работу, стараясь убить оставшееся время на мелкую, ненужную рутину. Если «Вандерер» и погибнет, то погибнет в борьбе, вымытый до зеркального блеска и с последней строчкой приказов в судовом журнале.

Теперь, когда их последнее путешествие почти закончилось, они старались стать ближе друг другу. Траффорд и Айрин, Таллентайр и Сюзанна. Траффорд, как хозяин судна, совершил церемонию бракосочетания, сделавшую второго помощника и Сюзанну мужем и женой. Время шло. Место встречи с противником, зловеще мерцавшим на экране дисплея, становилось все ближе и ближе. Последние часы тянулись долго. Для Траффорда и Айрин, как, впрочем, и для Таллентайра и Сюзанны, они были чем-то вроде медового месяца, а Бронхейм и Метзентер, которые вполне могли справиться с управлением корабля, большую часть времени проводили у приборов.

Однажды, вырвав Айрин и Траффорда из глубокого блаженного забытья, в дверь капитанской каюты вломился Бронхейм. Он был странно возбужден.

— Капитан, — сказал он, — я решился вас потревожить. Случилось нечто замечательное.

Айрин натянула пристыню до подбородка и пробурчала:

— Так расскажите нам, мистер Бронхейм. Давайте порадуемся вместе.

— Я и сам толком ничего не пойму. Но только одна из вражеских эскадр совершает какие-то странные маневры.

Траффорд кинулся за ним в рубку управления. Бронхейм указал рукой на масс-индикатор.

— Смотрите.

То, что увидел Траффорд, не имело никакого смысла. Было очевидно, что передние корабли, применяя двигатель Маншенна, ложатся на другой курс и должны будут пройти вдоль трассы каравана. Это было бессмысленно. Зачем преждевременно смыкать челюсти?

Были вызваны Сюзанна и Таллентайр. Сюзанна заняла свое место у аппаратуры связи, а ее муж — за пультом

управления вооружением. Здесь же был и Метзентер, как всегда в такие минуты, погруженный в дремоту, что говорило о его предельном напряжении.

— Теперь я улавливаю, — сказал телепат. — Кажется, это галличеки, но что-то им все время мешает. Чувствуется... какой-то подвох... Да, мешает слово. Большая хищная птица отгоняет маленькую хищную птицу от своей жертвы. Но я чувствую, большая птица вместо двух ног и пары крыльев имеет не перья, а мех и четыре ноги... Тигр в роли орла. Телепатический гипноз. Возможно...

— Но это галличеки? — не выдержала Айрин.

— Кто же еще? — мрачно сказал Траффорд. — Если бы это был флот кокрелей, то они давно бы сообщили о себе. Нет, повторяется то же самое, что было на Антиме, склока вокруг денежного приза двух маршалов, никто не хочет уступать другому. — Он повернулся к Сюзанне. — Соединись с Гьютеном. Посмотрим, что он скажет по этому поводу.

Все Карлотти-частоты были заняты карканьем и кудахтаньем, поэтому Сюзанна использовала морзянку. Она спросила:

— Что это за корабли?

Из громкоговорителя послышался ответ «Кветзола». Сюзанна быстро записала его и расшифровала. Там было сказано:

— Я не знаю.

— Это кокрели?

— Нет.

— Это галличеки?

— Я не знаю.

Даже сквозь морзянку прорывалось скрипучее кудахтанье. Несомненно, голос принадлежал галличеку.

— Маршал Фруксин вызывает «Вандерер». Маршал Фруксин вызывает «Вандерер». Сдавайтесь. Сдавайтесь. Мы сильнее вас.

Его прервал спокойный высокомерный голос:

— Боюсь, об этом не может быть и речи, старая курица. Проваливай отсюда и неси спокойно свои большие красивые яйца.

— Кто это сказал? — спросила Айрин, обернувшись к находящимся в рубке людям.

— Черт его знает, — ответил Траффорд. Но ему показалось, что он узнал акцент.

— «Вандерер», — продолжал голос. — Советую вам синхронизироваться.

— Ловушка! — воскликнула Айрин.

— Не думаю, — произнес Траффорд, а затем бросил Сьюзанне: — Вы слышали, что он сказал? Дайте сигнал.

21.

Вспыхнули сигнальные огни, и вскоре они получили ответ. Пульсация двигателя Маншенна сменилась высоким монотонным звуком. Размытые линии кокрельских кораблей стали четкими и резкими. Какое-то время Траффорд еще думал, правильно ли он поступает. Вдруг, совершенно неожиданно, заслонив звезды, появились цепочки бегущих бортовых огней. Изменяя разрешающую способность обзорных экранов, можно было разглядеть детали каждого корабля — эсминцев, крейсеров и мощных дредноутов. На ближайшем из них Траффорд увидел сверкающую эмблему имперских вооруженных сил, стилизованную вспыш-

ку света, а на ней крылатый увенчанный короной земной шар.

Из Карлотти-динамика послышался кудахтающий птичий голос.

— Что это? Кто это? Это пиратство!

— Это интервенция! — ответил холодный голос. — Интервенция, вмешательство, старая дура, хоть и немного запоздалое.

— Мы протестуем! Мы протестуем!

— Поступайте, как хотите, протестуйте, сколько угодно, но не смейте, повторяю, не смейте беспокоить кокрельский караван. Мы как бы... взяли их под свое крылышко.

— Мы подадим жалобу вашей императрице!

— Пожалуйста. А пока проваливайте. Или, если вам нравится, катитесь к черту. Любая попытка помешать нашим маневрам будет вам очень дорого стоить.

В гробовом молчании галлическая эскадра покинула флот землян.

— Кажется, моя армия тоже кое-чего стоит. Но я все еще не понимаю, как они провернули этот обман, как смогли в последний момент одурачить глупых галличеков...

— Мне кажется, я знаю, как, — сказал Метзентер. — Прежде чем оставить службу, я прослушал новый курс обучения офицеров писсвязи. По существу, он состоял из приемов телепатического гипноза, создания галлюцинаций в мозгу других телепатов. Вот здесь и применили этот прием. Пока я их прощупывал, с кораблей имперских вооруженных сил постоянно посыпали телепатический сигнал смерти. Все усилия пси-персонала были направлены на галличеков. И, по-моему, сработало неплохо.

— Вот я и говорю, — Айрин зажгла сигарету и сквозь кольца дыма посмотрела на Траффорда. — А что теперь,

экс-капитан Траффорд? Ваша превосходная армия спасла наши шкуры, но только для того, чтобы предать нас верховному суду Земли. Вам нравится быть пиратом? Я рассказывала, что во время первой мировой войны в подобном преступлении немцы обвинили капитана Фриатта. Они его расстреляли. Не спас ли нас шериф от суда Линча только затем, чтобы самому затянуть веревки на наших шеях?

— Но, кажется, — сказал Траффорд, — мы действовали вполне законно.

— Я тоже так думаю, — она заставила себя улыбнуться. — Но если дело дошло до служителей закона, кто знает, чем это кончится. Даже сейчас найдутся умные головы, которые разыщут аналогичный прецедент, о котором мы даже никогда не слышали, и останется только выпрыгнуть в люк без скафандра.

— Брось так шутить, — проговорил Траффорд.

— Это реальность, мой дорогой. Реальность.

Вновь ожила громкоговоритель.

— Приказ «Вандереру». Приказ «Вандереру». Следуйте к месту назначения. Мы будем вас сопровождать.

Траффорд взял предложенный Сюзанной микрофон.

— Благодарю вас, адмирал Кук-Виллоби. Мы выполним приказ.

Адмирал хмыкнул.

— Вы чертовски хороший парень, Траффорд. С этого знаменательного момента вы бросаете играть в пиратов и становитесь прилежными мальчиками. А будешь шуметь, мы угостим тебя так же, как и галличеков.

— Мы принимаем ваше предложение, сэр. У нас нет выбора; — в голосе Траффорда послышалась теплая нотка. — Но надо сказать, мы были поражены, приятно пора-

жены, когда вы вышли на сцену. Могу я вас спросить, что случилось?

— Не можете. Дела высшей политики не касаются младших армейских офицеров, а тем более бывших. Благодарите лучше вашу счастливую звезду. Да, я надеюсь, в вашем баре найдется что-нибудь выпить? Думаю, там найдется для меня шесть маленьких глоточеков джина?

— Буду рад угостить вас, сэр.

— Посмакуем джин и поговорим, — закончил адмирал.

Усмехаясь, Айрин взглянула на Траффорда.

— Так твой приятель не собирается вздернуть нас на рее? Очень мило. — Она поднялась со своего противоперегрузочного кресла. — Ладно, капитан Траффорд. Корабль твой, делай, что хочешь. Галличеки превосходили нас числом и вооружением, но если верить масс-индикаторам, то они уже далеко и ищут новые шеи для своих виселиц. А теперь, с вашего позволения, капитан, я пойду вздремну.

— Я могу к тебе присоединиться, — сказал Траффорд проникновенно, понимая, что на это нет времени. Слишком многое надо было еще сделать. Через несколько часов караван должен был благополучно приземлиться в космопорту Каракаллы.

22.

Это была Каракалла, мир ветров, где ураганы срывались вниз с острых пиков покрытых снегом гор, унося за собой потоки золотых листьев и малиновых цветов, и мчали их по узким улочкам городов. Ее гордый народ предпочитал всем механическим приспособлениям силы приро-

ды. Своими широкими распостертыми крыльями они покоряли любые ураганы.

Порт Кокрель казался с высоты маленьким городком, на самом деле это был город небоскребов. Они были сложены из кирпича и металлических конструкций, каждый оканчивался флюгером, изображавшим коронованного петуха. Стоял жгучий холод, но сейчас он был даже полезен после сухого, многократно обновляемого воздуха корабля.

Это был дикий, романтичный, пограничный мир. Мир, где четко соблюдались все формальности, связанные с движением торговых судов.

Они предстали перед верховным координатором Гразу, самым расфуфыренным и пышным из виденных Траффордом кокрелей. Гьютзен как-то съязвил, дескать, его начальник чем-то напоминает старую курицу. Траффорд был не согласен. Его заинтересованность в безопасности всякого вверенного ему корабля можно было только приветствовать. И хотя он тоже ненавидел женский пол, было очевидно, что он нашел в себе силы проявить учтивость по отношению к Айрин и Сюзанне, которые как-никак были членами экипажа доблестного корабля.

Начальник порта, военный, распорядился загрузить опустевшие склады боеприпасов «Вандерера». Таллентайр был просто ошарашен.

— В нашей армии я никогда не видел ничего подобного, — признался он. — Там я должен был бороться за каждую ракету. А теперь я могу взять, что угодно.

— Надеюсь, плата будет приемлемая, — сказала Айрин.

Бронхейм, пообщавшись с начальником инженерной службы, удовлетворенно сказал:

— Может быть, он и птица, но птица не с куриными мозгами.

Начальника грузовых перевозок взяла на себя Айрин. Не обошлось без стычек и обид, хотя «Вандерер» и привез всего несколько тонн зерна.

Наконец, когда все было сделано, с флагманского корабля прибыл в адмиральском катере сам Кук-Виллоби. «Инфлексибл» — массивное неповоротливое судно, практически равное по мощи орбитальному форту, само приземлиться не могло и осталось на орбите вместе с остатками своего флота.

Траффорд и Айрин чуть не поссорились. Он хотел принять адмирала со всеми военными почестями, она же сказала:

— Ты — шкипер грузового судна. И во многих отношениях превосходишь этого адмирала. Ты — если можно применить доисторическое выражение — подвластен только Богу. А адмирал — командующий девятым флотом — отвечает за свои поступки перед господами комиссионерами земного адмиралтейства.

Так или иначе, но фанфар на борту не было, хотя Траффорд со своими офицерами, надев лучшую форму, встали почетным караулом около главного люка, когда рослый, изящный Кук-Виллоби вступил на борт корабля. Увидев их, адмирал слегка улыбнулся:

— Держите корабль в строгости, капитан?

— Стараюсь, сэр.

— Конечно, Траффорд, трудно забыть армейские порядки, не так ли?

— Я, сэр, — холодно сказала Айрин, — никогда не была в имперской армии.

— Разве, сударыня? Помню, как-то я видел ваш портрет или портрет, который был очень на вас похож. Там вы были одеты в форму адмирала флота.

Траффорд поспешил проводить адмирала и его штаб в

кают-компанию. Там его сменила хлопочущая у бара Сюзанна, предложившая адмиралу рюмочку хорошего джина. Действие этого зелья сделало адмирала более разговорчивым.

— Знаете, — сказал он, — вашим людям везет, чертовски везет. Да вы и сами дьявольски изобретательны, умеете обойти закон. Но мне кажется сомнительным ваше утверждение, будто нейтральный торговый корабль может бросить свой груз и, как боевой крейсер, взяться за оружие...

— Но был же подобный инцидент, адмирал, — вмешалась Айрин.

— Это хорошо, что вы выпутались, а если бы нет? Скажите спасибо вмешательству девятого флота.

— А кому мы обязаны этим вмешательством?

— Простите, сударыня, этого сказать я вам не могу. Дела имперской политики не доступны господам офицерам торгового флота.

— А что касается офицеров девятого флота?

— Они тоже не знают, сударыня, — ответил он резко. — Все, что известно моим офицерам и о чем они будут молчать, так это, что «Вандерер», шедший с кокрельским караваном на Каракаллу, был обстрелян кораблями галлического флота. И они знают, что я приказал оказать «Вандереру» и остальным кораблям посильную помощь. Вот и все.

— Конечно, — сказал Траффорд. — Это вызовет некоторый законный интерес.

— Разумеется, капитан. Но вы должны помнить еще со времен вашей службы в армии, какое негодование вызывает у порядочных людей скверное отношение националистов Земли к другим расам, в том числе и к галличекам. Вы

должны бы знать, что вмешательство, интервенция — один из законных путей предотвращения разного рода конфликтов.

— В любом случае, спасибо вам, сэр.

— Не мне, дорогой Траффорд, и не господам комиссionерам. Хотя я лично был очень рад оказать вам эту услугу.

— Не нравится мне ваша таинственность, — проговорила Айрин.

— Извините, сударыня, но приказ есть приказ.

— Напустили туману, — пробормотала она и потом добавила громким голосом: — Что за всем этим кроется?

— Секрет, — ответил адмирал, загадочно улыбаясь.

Это было все, что он сказал.

Наконец, адмирал и его свита откланялись и, слегка покачиваясь, спустились к ожидавшему их катеру. Траффорд и Айрин проводили их до люка. А потом Траффорд заметил, что к кораблю приближается какой-то человек. В его фигуре было что-то знакомое.

— Нет, — пробормотал Траффорд. — Не может быть.

— Что? — спросила Айрин.

— Посмотри, — сказал он.

— Ты прав. Этого не может быть. Во всяком случае, здесь. Хотя разве не может быть двух одинаковых людей в этом огромном мире?

— Это невозможно, — вновь сказал Траффорд, когда человек подошел ближе, — но это так.

Смит громко распрощался с провожающими его кокрелями, а затем поднялся по трапу в люк корабля.

— Галактика тесна, не правда ли? — весело воскликнул он.

— Рад снова видеть вас у себя на борту, мистер Смит, —

проговорил Траффорд, пожимая руку гостю. — Позвольте мне проводить вас в кают-компанию.

— Спасибо, капитан. Очень хочется выпить. Мне уже порядочно надоел агног наших хозяев. Я понимаю, что эта микстура входит в ритуал гостеприимства, но у меня она вызывает только отвращение, не более.

— Я могу угостить вас джином, если, конечно, он еще остался после визита адмирала, — сказал Траффорд.

Когда они сели со стаканами в руках, Смит сказал:

— Я ждал здесь, на Каракалле, продолжения нашего знакомства. Вернее, надеялся, что оно произойдет.

— Ах, да, ГЛУНР, — сказала Айрин. — Я думаю, ваши люди удовлетворены тем, как мы выполнили первое задание. Мы доставили антибиотики на Антрим.

— Более чем удовлетворены, миссис Траффорд. Но путешествие на Антрим было только частью нашего плана. Конечно, галактическая лига по уничтожению насилия и рабства была заинтересована в доставке этого груза, но еще более мы желали другого.

— Что вы все время крутите вокруг да около? — сказала Айрин.

— Позвольте мне обрисовать вам положение. Вы знаете, что капитан Гьютзен вместе со своими кораблями попал на Антриме в блокаду галличеков. Мы знали, что этот капитан пойдет на прорыв даже с минимальными шансами на спасение. Вы, миссис Траффорд, как мы и надеялись, стали для него этим шансом.

— Продолжайте, мистер Смит.

— Насколько я мог судить о вашем характере, вы должны были использовать кокрелей и их корабли для своих целей, впрочем, так же, как использовали кокрели вас для своих. Мы также надеялись, что такая интеллигентная женщина,

особенно пользуясь нашей поддержкой, сможет найти способ обойти межзвездное право, не нарушая никаких законов, что вы и сделали, не правда ли?

— Благодарю вас, мистер Смит.

Смит откинулся в кресле, играя пустым стаканом. Поймав предупредительный взгляд Айрин, Траффорд наполнил его вновь.

— Наконец, мы все в ГЛУНР надеялись, что вы станете катализатором.

— Катализатором?

— Да. Мы вас подкинули им. О, на ваш взгляд, вы сыграли в этом деле маленькую роль. Но благодаря вам галличеки понесли гигантские убытки. Ваше путешествие в будущем даст очень важные результаты.

Нас, ГЛУНР, долгое время не удовлетворяло развитие дел в этом секторе Галактики. Это касается Антима. Конечно, конфронтация, довольно неприятная и нечестная игра, которая в любой момент может запросто перейти в открытую войну. Мы все знаем, спровоцируй галличеки настоящие военные действия, Антим сумел бы за себя постоять. Но этим галличеков не испугаешь. Что касается гражданской войны между Кокрельской Федерацией и Гегемонией галличеков, то тут ГЛУНР оставался нейтральным. Я говорю «оставался», ибо кокрели всегда демонстрировали свое уважение к межзвездному праву и правам других рас и народов Галактики, в то время как галличеки руководствовались не вполне законными принципами. Слишком много они ограбили ни в чем не повинных торговых судов и вели себя всегда грубо и нагло. А что предпринимало имперское правительство? Я вам отвечу, хотя вы, миссис Траффорд, должны это знать. Всегда одно и то же, вежливые слова в нотах протesta. И все.

Так...

— Так что, мистер Смит? — спросила спокойно Айрин.
— Мы решили подтолкнуть к действиям большой флот.
— Значит, вы признаете, что ваша подрывная организа-
ция просочилась в вооруженные силы империи?

Смит довольно улыбнулся.

— Кажется, вы забываете, сударыня, что вы сами не
более, чем наемники, работающие на эту так называемую
«подрывную» организацию. Хотя стоит добавить, что вы на-
емники особого рода...

— Продолжайте.

— Будем говорить напрямик, сударыня. Мы знаем, кто
вы сейчас и кем были раньше. О, императрица Айрин там,
на Земле, в это время сидит на своем троне, ставит на
официальных бумагах свои автографы и, насколько ей поз-
воляет Комитет, вмешивается в дела государства — и не
более. Вы же неглупый человек.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — сказала ему
Айрин.

— Не понимаете. Зато, я думаю, капитан Траффорд от-
лично все понимает. Для бывших командиров имперских
вооруженных сил, для госпожи Сюзанны вы только Айрин
Смит, или Айрин Траффорд, владелец торгового корабля,
которому пришлось стать легким крейсером. Не стоит напо-
минать, что для большинства населения Галактики очеред-
ная императрица Айрин — это императрица Айрин, но, не-
смотря на демократию, большинство населения не знает и
никогда не узнает, да и не сможет узнать, чего стоит этот
высокий титул. Господа комиссионеры адмиралтейства зна-
ют. Возможно, что не знает этого и Кук-Виллоби, но он
догадывается.

Но это знает ГЛУНР. И ГЛУНР намекнул об этом нуж-

ным людям. А об остальном вы можете догадаться сами. Будет очень неприятно, если узнают, что пользующаяся громадной популярностью эск-императрица, ушедшая с трона по зову сердца, действует довольно вульгарно и экстравагантно. А если подкрепить это фотографиями, полученными, кстати, из имперских военных кругов, фотографиями людей, ставших жертвами галлических изуверов? Вы же слушали их любимые угрозы, что они склевывают мясо с костей заключенных — так, уверяю вас, они говорят вполне серьезно.

Итак, наконец, благодаря вам мы сделали великое дело. Мы поставили имперское правительство в такое положение, которое они назвали контр-конфронтацией. И теперь корабли Земли будут в безопасности в этом секторе Галактики.

— Я стала слепым орудием в ваших играх... — пробормотала Айрин.

— Кроме того, теперь мы полностью уверены в вас и в вашем корабле.

— Спасибо и на этом, мистер Смит. Вы сказали, что путешествие с Антром на Каракаллу было главной частью плана ГЛУНР. Отлично, вы же наняли нас только на путешествие со Слициллы на Антром. Так вот, мне кажется, вам придется оплатить и путь с Антром на Каракаллу.

— Вы настоящий космоюрист, — сказал Смит. — Кстати, вам будет интересно узнать, что ГЛУНР убедило кое-кого не брать с вас бортовых пошлин и взять только номинальную плату за пополнение припасов.

— Я полагаю, мы должны быть благодарны вам за это?

— Определенно, — Смит поднялся на ноги. — Благодарю вас за гостеприимство. Мне надо идти. Меня ждут в иралианском посольстве. — Пожимая руку Траффорду, он

сказал: — Вы пробудете здесь еще две недели. Мы дадим знать, как только нужно будет выйти в космос.

Когда он ушел, Айрин сказала:

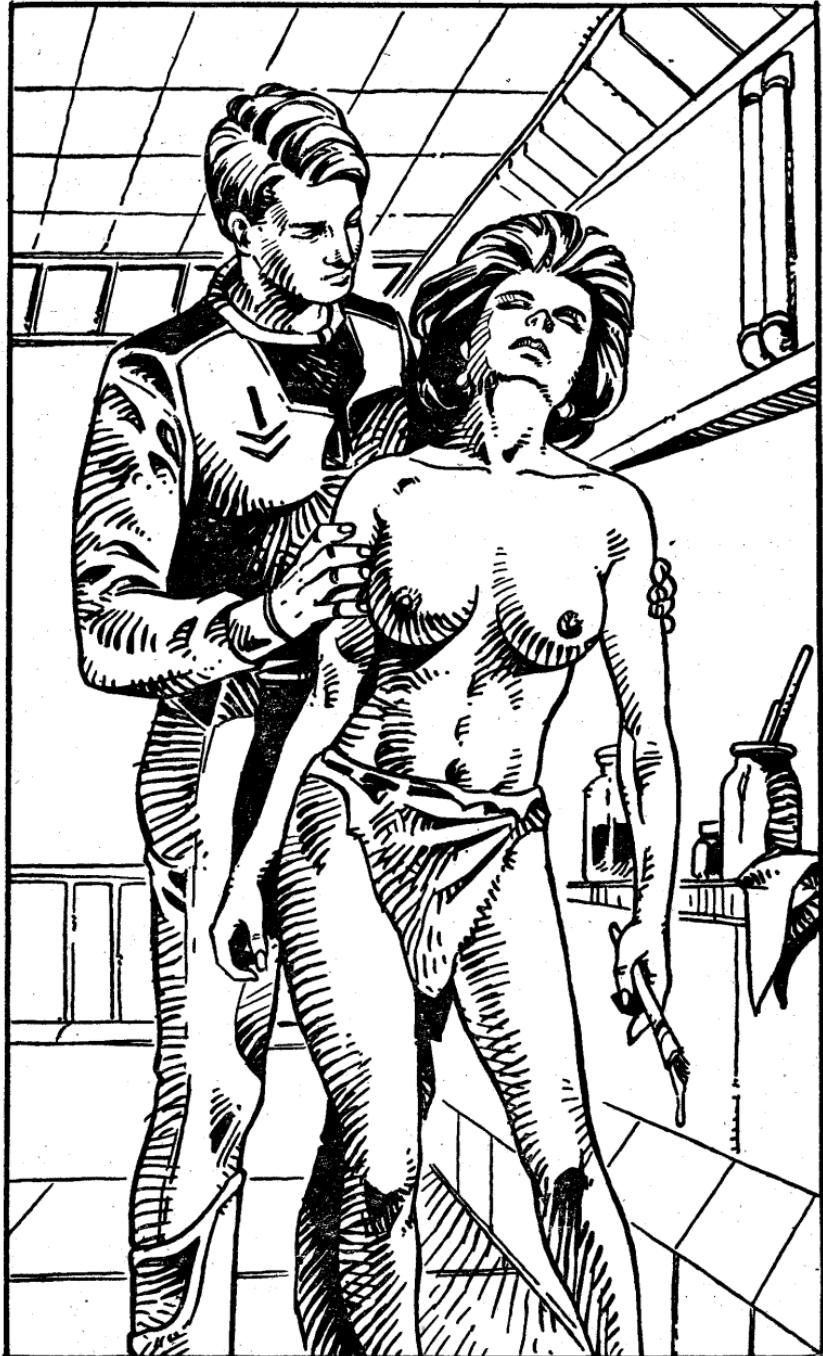
— Все вышло не так уж и скверно. Тем более, что следующий фрахт, даже если нам придется таскать для кого-нибудь каштаны из огня, будет не менее выгодным.

— Было бы куда выгоднее, — уныло пробурчал Таллентайр, — стать просто честными пиратами. По крайней мере, тогда бы мы точно знали, где мы кончим.

— Заткнись лучше, второй помощник, — сказала ему Айрин.

ДОЛГИЙ ПУТЬ

Глава 1

— Траектория, командир? — быстро спросил Карнаби.

Командор Гимс без энтузиазма посмотрел на своего штурмана. Карнаби — худой молодой блондин с подвижным лицом, работавший на вычислительной машине, имел тот бодрый и услужливый вид, который всегда так раздражал командора. Гимс медленно отвернулся и через визир стал рассматривать опаловую сферу, которая могла быть лишь планетой Кинсольвинг, и дальний эллипсоид слабо различимой Галактики.

«Ничего не происходит, — подумал он, — не стоит принимать поспешные решения». Он вернул свой корабль, его окружали проверенные люди, и остальное уже не имело значения.

— Мы должны в конце концов определить направление, — сухо проговорила Сонна.

— Или время, — пробормотал Гимс больше для себя, чем для нее.

Видя ее нетерпение, он вздохнул: ее красивый рот был скжат. Гимс хорошо знал, что Сонна, несмотря на ее пост начальника Службы Опознания Федерации, воспринимала корабли как неизбежное зло, как неудобный транспорт, необходимый, чтобы попасть из пункта А в пункт Б. Она страдала легкой клаустрофобией, хорошо скрываемой и контролируемой. Для нее маленькие искусственные планетоиды были тюрьмами, которые лучше всего как можно скорее покинуть.

— Ммм... — проворчал Гимс.

Он медленно и старательно набил трубку и закурил. Действуя машинально, он думал о том, что нужно напомнить офицеру интендантства тщательно проверить остатки продуктов. «Фарави Квест» с его гидропониками и дрожжами,

с его баками с культурами тканей и водорослей, был системой экологически замкнутого круга, способной почти неограниченно обеспечивать жизнь его экипажу, но избыток и роскошь потихоньку сходили на нет. Например, на ферме не было больше табака. А рос ли табак где-нибудь во Всеянной? И кто узнал бы его, увидев в натуральном виде? В списке «Квеста» не было ботаника.

— Командир? — Снова Карнаби.

«Молодой кретин», — без злобы подумал Гrimс и медленно ответил: — Я полагаю, что мы можем вернуться туда, где находится «Интрус», или где он находился, или где будет находиться... Во всяком случае, еще многое предстоит сделать...

— Командир?

Гrimс строго посмотрел на молодого человека. Какая муха его укусила? Ведь он штурман, не так ли? И до сих пор делал все правильно.

— А где находится «Интрус», командир?

«Поставьте солнце Макбет и Кинсольвинг на одну линию, — подумал Гrimс, — и держите этот курс пятьдесят световых лет...» — Он произнес эти слова про себя. Такая инструкция была бы хороша несколько недель назад, когда «Фаави Квест» отлетал из Потерянного Порта... Тогда она соответствовала бы показаниям хронометров корабля и его местоположению, известному экипажу. Но стрелки часов повернулись не на несколько минут, часов, дней или даже веков, а на тысячелетия. «Фаави Квест» заблудился во времени и пространстве. Гrimс смутно ощущал извилистые складки энергоматерии Галактики, стелющееся протяжение дуг и спиралей, рождение и смерть солнц и планет. Существовала ли по-прежнему Земля, колыбель человечества? Шагал ли по поверхности своей планеты человек, или первое

млекопитающее с ужасом убегало от огромных когтистых лап динозавра?

— Есть солнце Кинсольвинга, командир, — заявил Карнаби.

— Если мир, который мы покинули, действительно Кинсольвинг, — проворчал Гримс.

— Я не могу опознать Макбет, — добавил штурман.

— Но мы должны лететь куда-нибудь, — настаивала Сонна.

Капитан Далзелл, командир моряков «Квеста», вмешался в разговор. Это был маленький подвижный человек, чем-то неуловимо напоминающий терьера. Он нашел время переодеться, и теперь был в униформе цвета хаки, чистой и отлично выглаженной.

— Мы знали, командор, что Кинсольвинг обитаем...

— Но не захотели делить его, ведь мы для этого слишком деликатны, — сыронизировал Виллиамс.

Он, как Гримс и большинство остальных, был еще в тренировочных брюках, длинных и грязных, и в видавшей виды куртке — привычное сочетание повседневной одежды. Но даже в этом простом костюме, без погон и знаков различия, он все равно имел вид астронавта, тогда как капитан в униформе походил на солдата.

— Нет необходимости «делить», командор Виллиамс, — возразил Далзелл. — Мои люди хорошо обучены, и у нас на борту имеется артиллерия.

— Это верно, — согласился Хендрик.

«Слишком любит свои игрушки,» — подумал Гримс, взглянув на артиллерийского офицера, толстого, светловолосого и бородатого.

— Люди — это всего лишь люди, — прошептала Сонна.

Гримс устало, но твердо заявил:

— Оставим Друтену и Конденбергу охранять их прокля-

тую планету и пусть они живут, как хотят, Ведь это у нас корабль, а не у них.

— И корабль, — ядовито сказала ему Сонна, — сделан для того, чтобы лететь куда-нибудь. Я говорю на случай, если ты об этом забыл.

— Но куда, мистрисс? — спросил Карнаби. — Куда?

Гримс проворчал что-то неразборчивое и снова зажег свою трубку. Он повернулся к Майхью, офицеру связи.

Большой и нескладный телепат улыбнулся ему. Улыбка смягчила резкие черты лица Майхью, ставшего внезапно симпатичным.

— Я могу связаться с людьми, которых мы оставили на Кинсольвинге, хотя их лишь горстка. Но боюсь, что если бы мысли могли убивать, мы были бы уже мертвые.

— А... «Инtrус»?

— Я... я попытаюсь, командор. Но досягаемость, если «Инtrус» еще там, где мы видели его в последний раз, предельна. Снаружи... ни шепота.

— А изнутри? — спросил Гримс, указывая на визир, через который различалась далекая, светящаяся галактика Лентилла.

— Одно... одно дыхание... Там есть жизнь, командор, сознательная жизнь.

— Какого рода жизнь?

— Я... я не могу этого сказать. Эманации идут слишком издалека. Они почти неразличимы.

— Но там есть что-то, — утверждал Гримс. — Что-то или кто-то, способный связно думать. М-м-м... Мистер Даниелс?

— Да, командир?

Офицер электронной связи оторвался от приемника. Его смуглое и немного надутое лицо выражало досаду.

— Ну что, Даниелс?

— Ни малейшего чириканья, командир. Я пытался свя-

заться с постом КНТ и с Карлотти. Может быть, если я попробую еще на длинных, из главного поста...

— Сделайте это и немедленно дождите, если вам больше повезет.

Тем временем «Квест» удалялся от планеты Кинсольвинг. У корабля не было определенного направления, но, следуя этим странным курсом, он ничем не рисковал. Гrimс, по крайней мере, на это надеялся.

— Мистер Карнаби, возьмите направление на Землю. Когда мы будем там, нам нужно будет точно определить, в какое время мы попали. Немедленно поверните.

— Но, командир... Земля... Как мы сможем ее найти? У нас нет карт, и компьютер не был запрограммирован на такое путешествие. Даже угадав правильное направление по спирали, мы рискуем прожить несколько жизней, прежде чем найдем Землю.

— Мы что-нибудь придумает, — заявил Гrimс с вновь обретенной уверенностью. — А пока направьте корабль на центр Лентилла.

Он поудобнее устроился в своем кресле, с удовольствием прислушиваясь к жужжанию огромных, направленных, слегка вибрирующих гироскопов. Он почти не замечал давления, прижимавшего его тело к креслу, в то время как центробежная сила заменялась силой тяжести. Потом Галактика Лентилла слабо засветилась посередине круглого визира, и гироскопы, выполнив свою задачу, замолкли. Вместо их жужжания раздался длинный, пронзительный свист двигателя Маншенна, роторы которого теперь работали, увлекая корабль и его экипаж через кривизну континуума. Дезориентация во времени и пространстве создавала у всех присутствующих впечатление повторения этого полета. Гrimс же вдруг почувствовал себя странно одиноким. Позднее, к

своему удовлетворению, он обнаружил причины этого почти невыносимого по интенсивности ощущения. В его собственном времени было бесконечное количество вселенных, и там, на краю Галактики, грани между этими вселенными были зыбки и расплывчаты.

В этом странном Настоящем, куда его корабль, его экипаж и он были брошены «Интуром», не было иных вселенных, а если и были, никто в них не располагал другим «Фаави Квестом» и другим Гримсом. Он был один, и его корабль был единственным.

Внезапно звук, цвет и перспектива стали нормальными. Галактика Лентилла засветилась впереди, переливчатая и фантастичная. Это было началом путешествия.

— Лучше путешествовать с надеждой, — весело заявил Гримс.

— Это ты так думаешь, — проворчала Сонна.

Глава 2

Гримс, который был в Мире Конфис знатоком земной морской истории, помнил закон Олерона, знал, что он существовал еще в XX веке. Насколько было известно Гримсу, никакой космический капитан еще не пользовался этим законом, но когда-нибудь надо же было сделать это в первый раз? Что бы там ни было, он не собирался отказываться от своих обязанностей. Он принял решение, корабль летит на Землю, и так оно и будет. Тем не менее он рассчитывал, что у кого-нибудь из экипажа «Фаави Квест» возникнет идея, которая даст шанс обнаружить без помощи антенн Карлотти родную планету в несметном водовороте

звезд, окружающих летящий со скоростью во много раз превышающей скорость света старый корабль.

— Закон Олерона? — спросила Сонна, когда Гримс и она отдыхали перед началом собрания, которое должно было состояться в главном зале. — Что это такое? Объясни мне, Джон.

— Это старый закон, очень древний, и я сомневаюсь, что ты найдешь его теперь в каком-нибудь учебнике. Представь себе корабль, какой-нибудь парусник в неприятной ситуации: севший на мель, затертый льдами, и все что тебе угодно. Капитан судна, сделавший все возможное, но безрезультатно, собрал весь экипаж на палубе и заявил им: «Вот, парни, мы по самую шею в дерьме. Есть среди вас сумасшедший болван, у которого возникла роскошная мысль, как нам выпутаться?

— Я уверена, что он так не выражался бы, Джон.

— Может быть, и нет, но скорее всего, он выражался бы еще хуже. Короче, если роскошная идея у кого-нибудь возникала, о ней громко сообщалось.

— Странная манера командовать кораблем.

— Ммм... Да. Но это себя оправдывало. Например, во время Второй мировой войны, развязанной Гитлером, шведы, хотя и были нейтральными, транспортировали грузы для Англии. Их суда собирались большими караванами. Один из этих караванов эскортировал «Джервис Бей», старый корабль, вооруженный несколькими пушками и более легким оружием. Атакованный ночью немецким броненосцем, быстрым и мощно вооруженным, караван рассеялся, а «Джервис Бей» принял бой. Его выстрелы не причиняли вреда броненосцу, и тот быстро потопил его. Однако за время, в течение которого старый корабль был отправлен на дно, большинство судов каравана скрылись под покровом ночи.

— А при чем тут твой таинственный закон Олерона?

— Одно из торговых судов было шведским, оно скрылось

вместе с остальными. Потом, когда стрельба стихла, капитан решил вернуться, чтобы спасти оставшихся в живых с «Джервис Бея». Он знал, что сильно рискует. Национальные цвета нейтральной Швеции не защитили бы судно. Окажиша немецкий капитан на прежнем месте, он, скорее всего, сначала бы открыл огонь, а уж потом принялся задавать вопросы. Шведский капитан рисковал своим кораблем и жизнью экипажа, принимая на себя спасательную миссию. Тогда он собрал всех, объяснил ситуацию и поставил вопрос на голосование. Оставшиеся в живых с потопленного корабля были спасены.

— Интересно, — прошептала Сонна, взглянув на часы. — Настало время тебе идти и объяснить ситуацию своему собственному экипажу.

— Они знают столько же, сколько и я. По крайней мере, должны знать. Надеюсь, роскошная идея у кого-нибудь появится.

* * *

Все, что произошло до настоящего времени, было отмечено в судовом журнале «Фаави Квест», на его пленках и в записных книжках офицеров. Это была история, по меньшей мере сложная и совершенно неясная. Гrimс был, казалось, каким-то странным катализатором: вокруг него происходили вещи, озадачивающие и непредвиденные. Такое случалось с ним довольно часто и раньше.

Гrimса призвали из резерва флота, чтобы он руководил экспедицией, на огромную и единственную в своем роде конструкцию, иногда называемую «Кораблем Интруса», а иногда просто «Интрусом». На «Квесте» находились, кроме военного персонала, большинство резервистов флота, как Гrimс, а так-

же ученые и гражданские техники, руководимые неким доктором Друтеном. Друтен и его люди оказались агентами герцогства де Валдегрен, планеты, с которой Конфедерация хоть и не воевала, но хороших отношений не поддерживала. Валдегрен послал истребить «Адлер», чтобы поддержать Друтена и поспорить с Гrimсом о правах на «Интрус».

Появление на месте вооруженного Валдегрена и его сообщников было уже достаточно серьезным основанием для волнений, но были еще и другие осложнения. Оказалось, что корабль «Интрус» совершенно необъяснимо присутствовал как уникальная сущность во множестве измерений. Он находился на распутье Дороги Времени. Другой «Фаави Квест», ведомый другим командором Гrimсом, объявился у «Интруса» вместе с тяжело вооруженной яхтой «Вандерер», принадлежавшей экс-императрице Айрин. Экс-императрица царствовала в незнакомой обоим Гrimсам Вселенной. Был еще один капитан, сэр Доминик Фиандри на «Виндиктиве», состоявший на службе у неизвестной империи в дороге Времени, такой же хороший, как оба командира Федерации и экс-императрица.

Были флаги, требования и контртребования, мятежи, акты пиратства, захваты и под конец космический бой, в котором участвовали «Фаави Квест — II», «Виндиктив», «Вандерер» и «Адлер». Бой происходил поблизости от «Интруса», и «Интрус» устроил так, чтобы можно было столкнуть корабли. Они просто исчезли, как пламя задутой свечи. А потом Гrimс усмирил и заточил предателей, желавших завладеть кораблем. «Фаави Квест» с опозданием оказался на месте боя и кинулся на абордаж «Интруса», как если бы это было просто корабль, а не огромное и фантастическое чудо Вселенной. Гrimс и его люди смогли попасть на борт колоссальной конструкции, походившей на таинственный замок фей.

Друтен и его сообщники бежали из тюрьмы «Квеста» и тоже взошли на борт «Интура». Между группами завязалась перестрелка. А потом...

А потом чужой разум внутри «Интура», который, может быть, и был самим «Интуром», выкинул их вон. Буквально. Они оказались потерпевшими кораблекрушение на планете Кинсольвинг, причем в далеком прошлом. Этот «роковой мир» когда-то населяли люди или человекообразные обезьяны, давным-давно исчезнувшие, но оставившие как доказательство своего существования наскальные изображения.

Друтен и его люди были, возможно, их потомками.

— Вот, — закончил Гrimс, — вся моя история, и я не собираюсь от нее отказываться. — Раздался вежливый смех. — Разве я что-нибудь упустил? Что-то, что может иметь отношение к нашей неприятной ситуации? Говорите.

— Нет, командор, — раздались голоса.

Гrimс, сидящий за маленьким столиком на платформе, которая была не чем иным, как фланцем осевого вала, посмотрел сверху вниз на людей: тридцать мужчин и женщин, составляющих экипаж «Квеста». Они сидели, образуя треугольник, посреди круглого зала. Толстый и несимпатичный Виллиамс и тонкая элегантная Сонна были на вершине треугольника, остальные располагались за ними, более или менее придерживаясь рангов и должностей. Последние ряды занимали обслуживающий офицерский состав и моряки Далзелла. Соответственно — в белом и хаки.

«Как кусок пирога, — подумал Гrimс, — неначиненного».

Командор заметил, что Майхью, сидевший в третьем ряду возле своей жены Кларисс, его помощницы, открыто смеялся.

«К дьяволу этих телепатов! — без злобы подумал он. — Убрайтесь из моего мозга, Кен!»

«Я не знал, что вы поэт, командор», — ответил офицер телепатически, составляя слова в мозгу Гrimса.

— Ммм, — громко произнес Гrimс: — Ммм...

Он смотрел на поднятые к нему лица — внимательные и оживленные, как будто люди ожидали, что сейчас он вытащит для них проклятого кролика из проклятой шляпы!

«Вы знаете, что вам всегда все удается, Джон», — телепатически сказал ему Майхью.

«Мне нужна помощь, — возразил Гrimс. — Я прекрасно помню, что это Кларисс вернула нам корабль. — Потом он сказал себе: — Это мысль!»

— Мне нет необходимости напоминать вам, — громко заговорил он, — обо всем, чем мы обязаны лейтенанту Майхью и ее таланту телепата, и, особенно, таланту, с которым она переносит людей и даже такие большие конструкции, как этот корабль. Я подумал, что мы сможем попасть на Землю, будучи перенесенными туда. Что вы об этом скажете, Кларисс?

Тень прошла по ее красивому кукольному лицу.

— Сожалею, командор, но это невозможно, — ответила она.

— Почему? Вы вернули корабль неизвестно откуда и привели его к нам на Кинсольвинг.

— Я тогда действовала точно, только...

«Да, — подумал Гrimс, — действовала... но, может быть, потому, что это было вопросом жизни и смерти?»

Кларисс располагала талантом, который много значил в далеком прошлом, когда вместо науки была магия. Телепатка вела свой род от пещерного человека, художника, который с помощью своих необыкновенно живых рисунков заманивал животных в ловушки, заставляя их приближаться к засадам на расстояние полета копья. Для использования возможнос-

тей Кларисс прежде всего нужно было иметь изображение. Тогда ей удалось с помощью мужа-телепата создать изображение «Фаави Квест», им помогали все: специалисты-офицеры, начальники служб, члены других ведомств...

— Мне нужно нарисовать изображение Земли, — продолжала она. — Или, по крайней мере, ее часть, хорошо знакомую кому-нибудь. Я ведь никогда не бывала на Земле.

«А кто из нас бывал? — спросил себя Гримс. — Не так давно там была Сонна, путешествуя. А я родился там... Но в остальном экипаж составляли люди из Мира Конфайнс, францисканы, кто угодно, кроме землян.

— Вы землянин, командор, — сказала Кларисс.

— Но я не был там много лет. И у меня столько воспоминаний о разных мирах...

— Я могу помочь вам найти нужные, — вмешался Майхью.

— Ммм... Стоит того, чтобы попробовать. Мы ничего не теряем.

Вместе с тем Гримс не слишком надеялся на успех, несмотря на веру в возможности Кларисс, которые она не раз демонстрировала в прошлом.

— Командор Виллиамс, — сказал он, — подготовьте все необходимое: мольберт, краски, холст. А вы, доктор, — проверенный в действии наркотик, вызывающий галлюцинации. — Он повернулся к Майхью. — Кен, сначала я думал о Порте Вумер, но полагаю, центральная Австралийская пустыня будет лучше. Где-нибудь на полпути между Аерс-Рок и горой Ольга.

— Что тебе не нравится в твоей первой идее? — спросила Сонна.

— Многое. Если Кларисс сумеет перенести нас, мы рискуем очутиться во времени, совпадающем с военными дей-

ствиями. В таком случае, пустыня — самое что ни на есть подходящее место, кроме того, Ольга и Ромер — хорошо заметные ориентиры.

Сонна осталась настроена скептически.

Он оглядел членов экипажа. Ему не нужно было быть телепатом, чтобы отгадать их мысли. «Старому типу опять повезет!»

Он в этом был далеко не уверен.

Талант Кларисс действовал во времени так же хорошо, как и в пространстве. Гримс вспомнил забавное дело богов Конфинс и удивительную авантюру во Дворце Реноме, но...

Глава 3

Это была хорошая картина.

Окруженная членами экипажа, одетыми в безукоризненную форму, Кларисс едва держалась на ногах, разглядывая картину. Голый торс телепатки был запачкан красками, так же как и меховая юбочка — ее единственная одежда. Она оделась так для роли пещерной колдуньи и играла эту роль, приняв солидную дозу наркотика, вызывающего галлюцинации. Это было необходимо для того, чтобы прийти в состояние транса. Майхью, муж Кларисс, был рядом и теперь, когда работа была закончена, поддерживал измученную женщину, повисшую на нем. Красная краска еще капала с кисти, которую она судорожно прижимала к себе.

Но ничего не получилось. Раньше ей всегда сопутствовала удача. Кларисс вернула старых богов греческого пантеона из того далекого прошлого, когда люди верили в них,

вырвала Мефистофеля из легенды, перенесла Гrimса и его команду из «Фаави Квест П» на настоящий «Фаави Квест». Теперь же ей не удавалось транспортировать корабль из Галактики Конфинс на Землю.

Гrimс подошел ближе, и Майхью осторожно отстранил жену от картины, чтобы командир мог увидеть нарисованное.

Да, пустыня была совершенно такой, как он ее помнил: более зеленая, чем красная, покрытая растениями, которые цвели в сезон дождей. Низкое, с тяжелыми дождовыми облаками небо освещалось с запада садящимся оранжевым солнцем, на фоне которого виднелись синие вершины, синие только благодаря контрасту. На востоке, в глубине серого неба, возвышалась огромная масса Аерс-Рок.

Но...

Но так было во времена Гrimса. Сколько тысячелетий отделяли это время от настоящего? Вершина горы Ольга, пораженная эрозией... Масса красных камней, веками и веками подвергавшихся воздействию дождей и ветра... и сама скала, гранитный монолит... Что может сопротивляться Главному скульптору — Времени?

«А на что похожи Аерс-Рок и гора Ольга теперь?» — мрачно подумал Гrimс.

— Корабль идет прежним курсом, командор, — сказал Виллиамс.

— Еще не поздно вернуться в Кинсольвинг, — предложил Далzell.

Гrimс повернулся к окружающим. Он проиграл.

«Мятеж, — внезапно подумал он, — мятеж вполне возможен. Моряки будут лояльны по отношению к своему собственному офицеру скорее, чем к астронавту, каким бы ни был его ранг. Хендрик, вероятно, будет заодно с ними. А другие? Он может рассчитывать на Виллиамса, Майхью,

Кларисс, Карнаби... Да, и на Даниелса. Едва ли он может рассчитывать на поддержку всех бортовых команд из-за Межзвездного закона. Закон торгового воздушного флота давал экипажу этого особого корабля право создавать собственные законы, если в этом возникнет необходимость.

Далзелл собирался что-то сказать, и некоторые повернулись к нему в ожидании, но Гrimс опередил его. Он заговорил громким, сильным голосом, больше для того, чтобы привлечь внимание окружающих, чем потому, что у него было что сказать.

— Это, разумеется, лишь первая попытка. Будут другие. Самая большая неприятность в том, что мы еще не знаем, где в точности во времени и пространстве мы находимся. Но в одном мы можем быть уверены: Земля, ожидающая нас, существует.

«А как ты можешь быть в этом уверен?» — раздался насмешливый голос в его мозгу.

— Существует Земля, которая нас ожидает, — твердо повторил Гrimс. — Единственное, что необходимо выяснить, это в какой период истории она вступила. Возможно, мы увидим античную Грецию во всей ее славе. Гомер...

— Гомер? — спросил Виллиамс. — Это еще кто такой?

Гrimс вздохнул и посмотрел на экипаж корабля.

«Какого дьявола нужно этому зануде Карнаби?»

— Командор, — спросил навигатор, — помните, вы мне говорили о птицах, которые использовались в автоматических направляющих системах неземных судов на Тарпе?

— Не совсем автоматических, — ответил Гrimс. — Птицы использовались, как компас.

Карнаби повернулся к Майхью.

— Вы должны знать, обладают ли люди инстинктом ориентации почтовых голубей

— Да. Но не все.

«Если и есть хоть один землянин в зале, — насмешливо подумал Гримс, — то это — я. Очень приятно.»

«Нужно будет, чтобы вы дали себя загипнотизировать», — сказал голос в его голове. Это был голос Майхью.

«А кто будет заниматься кораблем, Кен?»

«Сонна, Вилли Виллиамс, Кларисс и я. Мы справимся.»

«А Далзелл и его большие мальчики-грубияны? А Хендрик?»

«Я слежу за ними, Джон. Они не смогут приподнести нам сюрприз.»

«А закон этики вашего знаменитого Института Рин?»

«Я подумаю об этом, когда попаду в Институт Рин.»

Гримс прервал телепатическое совещание и заговорил громким голосом:

— Мистер Карнаби, возможно, предложил решение нашей проблемы. Я знаком с вашими досье, знаю все о вас и знаю, что я — единственный человек на борту, родившийся на Земле. Моментами, в прошлом, я был горд своим чувством ориентации. Возможно, я действительно обладаю инстинктом почтового голубя. От всего сердца надеюсь на это... Что бы там ни было, я должен оставить... техническую сторону в руках людей, вполне способных управлять кораблем.

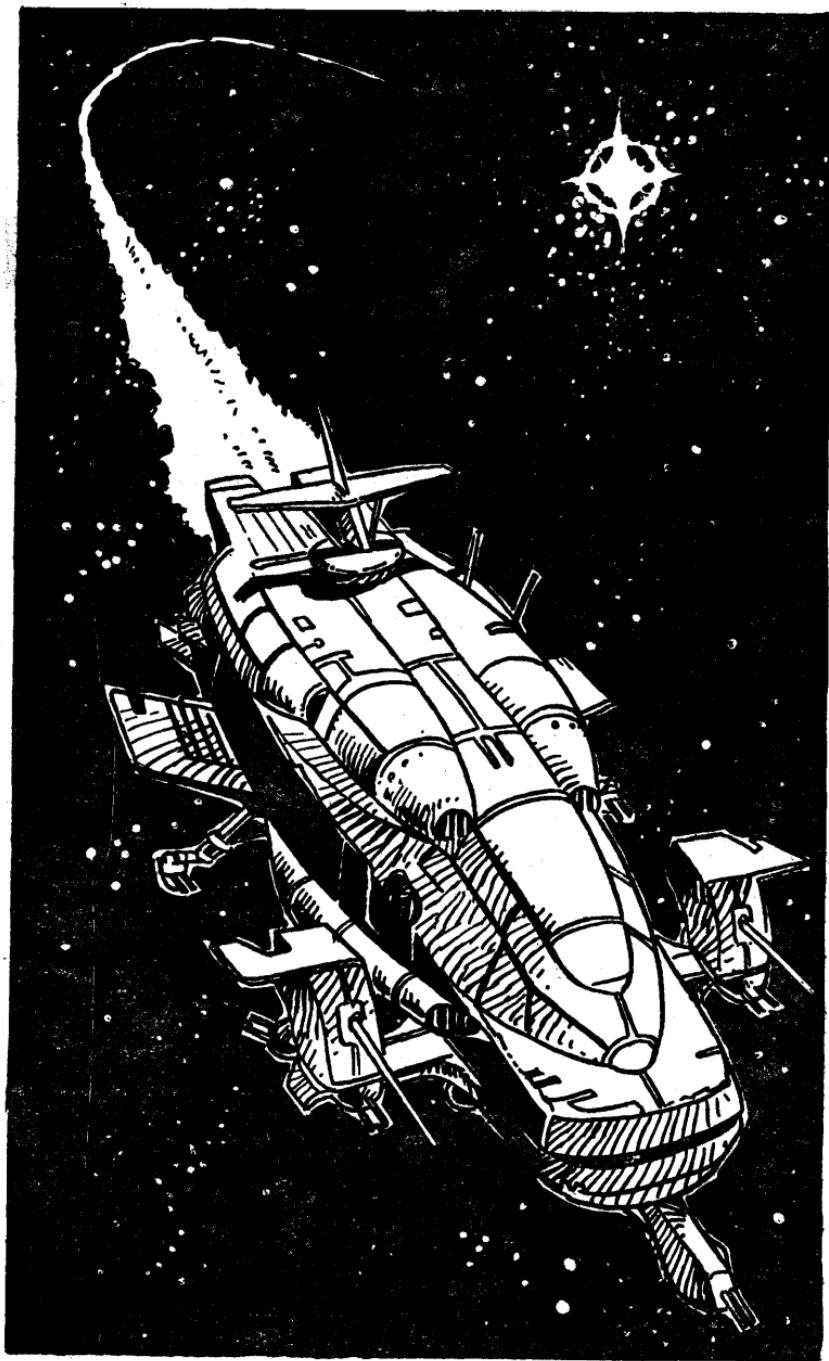
«Майхью, — подумал он, — этот проклятый капитан Далзелл обязательно заговорит о возвращении на Кинсольвинг, хотя Хендрик, похоже, согласен со мной.»

«Скажите об этом громко, Джон», — так же мысленно отозвался Майхью.

— Однако, — продолжал командор, — среди нас есть люди, думающие, что мы должны вернуться на Кинсольвинг. Я предлагаю принять решение голосованием. Всех, кто думает, что мы должны вернуться, прошу поднять руки.

Только Далзелл и его люди голосовали за возвращение.

— А те, кто согласен продолжать путь на Землю?

Моряки оказались в меньшинстве, в этом не было сомнения, и Гrimс подумал, какого странного зайца он вытащил из шляпы из этот раз.

Глава 4

Гrimс был неважным объектом для гипнотизирования. Для него всегда очень много значили слова ушедших поэтов: «Я хозяин своей судьбы, капитан моего ума». И в продолжении долгих лет он действительно был капитаном...

Кроме того, Гrimсу предстояло подвергнуться не просто гипнозу. Телепат должен был проникнуть в его мозг, работать изнутри. Психическое обольщение или психическое изнасилование. Каким бы ни было название, объекту эксперимента легче от этого не становилось.

По счастью, Гrimс и Майхью были друзьями, старыми друзьями. По счастью, Гrimс полностью доверял своему офицеру психической коммуникации. Тем не менее предстоящий опыт восторга у командора не вызывал.

Гrimс сел на свое место в командном посту, откуда он мог управлять абсолютно всем кораблем, наблюдая за всеми его системами. Обычно в этом не было необходимости: офицеры всех служб прекрасно знали свое дело.

— Главное, — объяснил Майхью, — чтобы Гrimс как никогда чувствовал себя единым целым с «Фаави Квест», отождествил себя с кораблем, стал просто человеческим мозгом в металлическом корпусе.

Итак, Гrimс сел на место пилота перед пультом управления. Позади пульта лицом к командору стоял Майхью. Рядом сидели Сонна, Виллиамс и Карнаби. Майхью требо-

вал, чтобы при эксперименте не присутствовал ни один член экипажа. Даже жена командора, его помощник и навигатор, на его взгляд, могли только помешать. Но Гримс настаивал:

— Если дело повернется плохо, рядом, по крайней мере, будут люди, способные немедленно взять управление кораблем в свои руки.

Майхью дал ему маленький стакан с бесцветной жидкостью.

— Выпей это, Джон.

— Что за гадость, Кен? — с подозрением спросил Гримс. — Это вызывает галлюцинации? Какой-нибудь новый подарок врага?

— Нет, — со смехом ответил Майхью. — Просто успокаивающее. Вы слишком напряжены.

— Пью до дна!

Гримс одним махом осушил стакан и сморщился.

— Можно было, по крайней мере, положить туда хоть кубик льда или дольку лимона. Я очень люблю джин, но не сухой и теплый.

— Учитывается его действие, а не вкус. Вас это немного усыпило, не так ли? Вы ведь очень мало спали все это время и устали, очень устали. Почему не согласиться с этим? Да, вы устали...

Голос телепата понемногу менялся. Сначала приветливый, естественный, теперь он становился все более и более настойчивым.

«Я не должен был пить этот большой стакан чистого джина», — думал Гримс. Он упрямо представлял себе кружку кофе, очень горячего и очень крепкого, но потом прогнал этот образ. Он ведь здесь по собственному желанию, тем не менее необходимость подчиниться чужому влиянию вызывала в нем бурный протест.

— Вы устали, вы очень устали... Расслабьтесь. Смотрите

на свое тело, дайте каждому мускулу, каждой мышце расслабиться... расслабиться...

«Да, — подумал Гримс, — скоро он прикажет мне поднять правую руку, и я не смогу этого сделать. Все правильно. Но мне слишком противно ощущать, что кто-то скребется внутри моего мозга, как старая курица...»

— Расслабьтесь, освободитесь... Представьте себе ваше тело, часть за частью... вашу правую ногу... — В мозгу Гримса возникло изображение его ноги в мельчайших подробностях: кости, сухожилия и мускулы, несколько волосатая кожа, пальцы и ногти. В конце концов он даже почувствовал плотность кожи хорошо начищенного башмака.

Гримс с неприязнью подумал:

«Для детального рассматривания можно было найти более красивые ноги», — и позволил себе перевести взгляд на ноги Сонны: длинные и стройные. Но это ничего не изменило, его собственная далеко не элегантная нога засела занозой в его мозгу.

— Вы больше не чувствуете свою ногу, Джон. Вы не можете пошевелить ногой... Кому может принадлежать эта нога? Как она выглядит?

И... и это не было больше человеческой ногой. Это была чешуйчатая лапа с когтями, скребущими деревянный настил.

Гримс больше не находился на борту «Фаави Квест», он был на одном из примитивных паровых суденышек Тарпа — мира контрабандистов Конфинс. Он с отвращением и жалостью смотрел на живой компас. Птица-путешественник с грубо обрезанными крыльями, в тесной упряжи, соединенной с вертикальным валом руля, направляла судно к месту назначения, к прибрежному городу, где находилось когда-то гнездо; в котором был высажен несчастный птенец. Иллюзия была фантастически сильной: резкий свист двигателя Ман-

шенно стих, не чувствовалась вибрация, превратившаяся в ритмичные вздохи древнего парового котла.

А потом...

Гримс больше не смотрел на птицу. Он был «птицей». Он чувствовал твердую и холодную поверхность палубы под ногами и боль от впивавшихся в тело ремней упряжи. Внезапно что-то изменилось. Как будто где-то рядом вдруг появился гигантский магнит фантастической мощности, притягивавший со страшной силой все атомы его тела, ставшие в одно мгновение точно железными. Хуже всего было то, что магнит находился не прямо перед ним. Боль вызывала у него крик. Непонятные силы скрутили его тело. Позже он узнал, что его крик был криком птицы.

Он подумал, протестуя: «Ведь я человек и землянин!»

Обрывки наполовину забытых стихов пришли ему в голову: «Земляне, составляйте свои орбиты, чтобы войти... войти... Зеленые холмы Земли... Зеленые холмы, хорошо видимые на фоне темной зелени, полет белых голубей... крылья которых машут, машут...» Он слышал шум от взмахов бесконечного количества крыльев... Крылья... полет диких гусей далеко в безоблачном небе. Крылья... и перелет его корабля в снежной буре над морем, покрытым пеной...

Снежная буря, вихри, белые хлопья, светящиеся во мраке, хлопья снега, превращающиеся в звезды, мириадами сверкающие в темноте ночи.

Снежная буря, безумный водоворот звезд и сквозь это...

Гнездо, дом...

Гримс снова почувствовал, как вырываются кости и нервы из его измученного тела. Ультрамощное магнитное поле было впереди на линии полета — нужно было что-то делать. Он был — и знал это — птицей, огромной металлической птицей. Его руки легли на пульт управления.

Виллиамс и Карнаби стояли рядом в напряженном ожидании, готовые принять управление кораблем. Многое могло скверно повернуться, создать положение опасное и даже катастрофическое. Например, если бы модификация траектории была произведена во время работы двигателя.

Но Гrimс, превращенный в перелетную птицу, оставался тем не менее астронавтом.

Его опытная рука остановила роторы двигателя Маншенна. Наступила невесомость, сопровождаемая неприятными ощущениями, появившимися, когда гироскопы «Квеста» зажужжали и засвистели, заставляя корабль лечь на новый курс.

Боль, терзавшая Гrimса, утихла, но не исчезла совсем, только теперь эта боль была ему почти приятна.

Он пустил в ход инерциальный двигатель и двигатель Маншенна.

Гrimс услышал доносившийся точно издалека голос Виллиамса:

— Черт бы его побрал! Мне кажется, что этому старому подонку опять повезло.

Гrimс улыбнулся. Он знал, что в устах Виллиамса слова «старый подонок» звучали как комплимент.

Глава 5

Старый «Квест» мчался к родной Земле. Только корабль и его командир Гrimс были уроженцами Земли, но все люди, в каком бы из миров Галактики они ни родились, говорили о Земле как о своей родной планете.

Итак, корабль мчался к родной Земле сквозь континуум, время от времени меняя курс, чтобы избежать столкновения

с каким-нибудь солнцем или планетой. Капитан направил корабль, и ему больше нечего было особенно делать. «Когда звезда перед ним окажется Солнцем, он немедленно это почувствует», — заверил его Майхью.

— Но как? — спросил у него Гrimс.

— Скорее всего, вы почувствуете силу псевдо-магнитного поля, — ответил Майхью. — Мне трудно объяснить, используя язык, который могут понять нетелепаты.

Сонна с горечью заметила, что путешествовать лучше с надеждой, чем надеяться на случайность. Гrimс, признанный авторитет Мира Конфинс по историческим путешествиям на Земле, заговорил о Христофоре Колумбе. Колумб знал наверняка, что острова, после многих недель плавания показавшиеся на горизонте, были Восточной Индией. Однако он ошибался.

— Колумб, — возразил Майхью, — не путешествовал, пользуясь инстинктом.

— Откуда вы это знаете? — спросил у него Гrimс. — В конце концов, если бы он продолжил свое плавание, он вернулся бы к исходному пункту.

— Ну, довольно, — вмешалась Сонна. — Суэцкий и Панамский каналы в его время еще не существовали. Даже я это знаю.

— Он мог обогнуть мыс Горн, — сказал ей муж, — такие, как Магеллан и Дрейк, сделали это несколько позже.

«Тем не менее, — подумал Гrimс, — у меня определенно есть что-то общее с Колумбом. Адмирал, увлекая свою жалкую эскадру все дальше и дальше в Западное Неизвестное, подвергался опасности мятежа. А как в настоящее время обстоят дела на борту «Фаави Квеста»?

Майхью ответил на безмолвный вопрос.

— Неплохо, Джон. Большинство доверяет вам. Ну, ко-

нечно, — со смехом добавил он, — они вас не знают так хорошо, как я.

— Или я, — прошептала Сонна.

Гримс проворчал:

— Вы объединились против меня. Чтобы уравнять шансы, здесь должен быть Вилли Виллиамс.

— Это совершенно безупречный астронавт, — заявила Сонна. — В его глазах проверка корпуса корабля гораздо важнее, чем выпивка и светская беседа со своим капитаном перед обедом.

— И он совершенно прав, — ответил Гримс. — Но, несмотря ни на что, я хотел бы, чтобы он был около меня. Он мой первый помощник, так же как ты продолжаешь быть моим офицером разведки.

— Но я вовсе не «твой» офицер разведки, Джон. У меня диплом Космографической Службы Федерации, а не Морской Конфедерации Мира Конфинс.

— И ни Федерации, ни Конфедерации еще не существует... и не будет существовать еще несколько миллионов лет. Но я хотел бы, чтобы ты была внимательна, так же как и Кен.

— Мне нечего сообщить, командор, — сказала Сонна. — Толпа довольна и хорошо накормлена. Последний урожай экзотических фруктов, полученный биохимиками, вызвал восторг всего экипажа и повара. Даже Хендрик казался удовлетворенным. Он что-то делает в контрольной цепи вооружения, надеясь, что сможет сыграть симфонию со всем своим оркестром, пользуясь лишь мизинцем левой руки.

— Я знаю и принимаю меры предосторожности, чтобы это не пошло дальше. А отважный капитан моряков?

— Его команда и он монополизировали гимнастический зал. Я не удивлюсь, если они скоро начнут носить черные пояса поверх униформы.

— Ммм... Я бы очень хотел, чтобы некоторые другие с таким же энтузиазмом заботились о своей физической форме. А вы, Кен, что можете сообщить?

— Я... шпионил, — смущенно признался телепат. — Я знаю, что это необходимо, но мне это не нравится. Насколько я смог выяснить, моральный дух на корабле очень высок. После всего, что было... Ведь, если вспомнить, Кинсольвинг не был райской планетой... Кроме того, мы все же куда-то летим. Но...

— Но — что?

— Хендрик несчастлив.

— Мое сердце обливается кровью.

— Дайте мне закончить. Хендрик несчастлив. Вот почему он запирается со своими игрушками и играет в своем углу.

— Он, вероятно, сердится, что ему не дали поиграть с его артиллерией против планеты Кинсольвинг.

— Это лишь одна из причин. Он особенно сердится потому, что его дорогие новые друзья не общаются с ним.

— Вы имеете в виду Далзелла и моряков?

— Да.

— Интересно. А они? Что они думают?

— Я не знаю, Джон.

— Как это вы не знаете? Только не говорите мне, что ваша совесть взяла верх и вы молчите из соображений морали, Кен!

— Нет, это не так. Но Далзелл и его люди не астронавты. Они моряки. Солдаты.

— И что же?

— Вы слышали о технике Ордоноски?

— Нет.

— А я — да, — сказала Сонна. — Если бы я осталась работать в Службе Осведомления, я прошла бы тесты. Ве-

роятно, результаты были бы не слишком хороши, — с удовлетворением добавила она.

— Я этого не думаю, Сонна, — сказал Майхью. — Обычно это случается с людьми, чей интеллект не слишком высок. Это только доказывает, что солдату нет необходимости быть таким уж умным. Глупый, но дисциплинированный делает то, что ему говорят, и никогда добровольно не...

— Это также и моя философия, — прошептал Гrimс. — Но этот Ордоносчи и его техника...

— Методика тренировки, которая делает ум непроницаемым для зондирования телепата — это почти спровоцированная шизофрения. Часть разума излучает, если можно так сказать, скверные стихи и довольно мощно, чтобы замаскировать секреты остальной части разума. Употребление этой техники было предложено, чтобы создать иммунитет у военного персонала против всякого постороннего вмешательства. Несмотря на долгие тренировки, это не всегда удается, особенно с людьми, самостоятельно мыслящими.

— Очень вовремя ты нам об этом рассказываешь! Значит, что думают солдафоны, — неизвестно?

— Да, Джон. Защита Далзелла сразу же сработала, как только он почувствовал попытку проникновения в его разум. И у его людей тоже. Они не говорят больше с Хендриком, они не делятся с ним своими секретами. Итак...

— Итак, мы просто поместим микрофон в помещение моряков, — вмешалась Сонна.

— Ах, вот как? Мы сделаем это? — сказал Гrimс. — Мы посмеем? Может быть, попросить бравого Даниелса попрятать микрофоны по всему этому проклятому кораблю? Да, я, разумеется, мог бы... Но я вижу также, что из этого может получиться!

— Я не королева электроники, — сказала Сонна, — но

я уверена, что смогла бы сделать два или три микрофона из того, что есть у меня под рукой, и установить их так, чтобы никто ничего не заметил.

— Очень хорошо, — наконец сказал Гrimс. — Ты можешь попробовать... Если поклянешься мне, что не будешь рисковать. Но я совершенно не удивлюсь, если окажется, что один из наших моряков кое-что знает о подслушивающих устройствах.

Гrimс оказался прав, и это его действительно не удивило.

Глава 6

Возьмите приемник-передатчик размером с обручальное кольцо и поместите его в такое место, где он не будет замечен, но откуда он может передавать нормальный негромкий разговор, даже шепот, и вы получите очень эффективный «доносчик». Возьмите записывающее устройство и вы готовы. Однако при наличии капрала из моряков, прослушавшего курс по электронике и получившего приказ от своего офицера бдительно следить за местами подслушивания, вы недолго будете обеспечены информацией.

Сонна, принимавшая участие в ежедневном обходе вместе с Гrimсом и Виллиамсом, сумела разместить два подслушивающих устройства. Одно — среди цветов и фруктов — радости и гордости столовой моряков, другое — в проходе аэрационной кабины Далзелла. Два магнитофона, запертые в картотеке Гrimса, завершали ансамбль.

Гrimс, Сонна, Майхью и Виллиамс с чувством вины слушали записи их первого и единственного дня прослушивания.

— Эй, парни! — донесся мужской голос. — Подложили новую драгоценность на старую колючку!

— Как ты ее нашел, капрал? — другой голос.

— Легко, — первый голос. — Эта проклятая штуковина фонит, как бешеная. Капитан ожидал подобных штучек. Что ж, он не ошибся.

— Нужно признать, — другой голос, — он мало что пропускает. Я могу его видеть? Спасибо. Скажи, а ведь это очень красивая штучка. Хотелось бы знать, чья она?

— Тебе это надо? — другой голос. — Конечно же, этой проклятой ведьмы из Федерации...

— Будь осторожен, — другой голос. — Она не какая-нибудь «экс», она по-прежнему командир разведки.

— И что же? — первый голос. — А? Прежде всего мы — корпус моряков Конфедерации...

— Мы — бич Вселенной, — раздались многие голоса, — и мы гордо носим имя моряков Конфедерации...

— Закройте пасти, банда болванов, — первый голос, — дайте мне закончить. Во-первых, мы действительно моряки Конфедерации. Во-вторых, Федерация будет существовать не раньше чем через миллиард лет.

— Конфедерации, капрал, тоже еще нет, — другой голос.

— Но мы тут, не так ли? — первый голос. — Дайте мне это устройство, Тиммс, я отнесу его капитану... Вот кто сведет с тобой счеты, мерзкая...

Больше на пленке ничего не было, кроме каких-то скрипов. Другой магнитофон повторил сначала какие-то слабые звуки, потом послышался звон стекла и шум льющейся жидкости. Удовлетворенный вздох, почти неслышное бормотание и, наконец, сухой звук решительного удара кулаком по металлу, покрытому пластиком. Затем раздался мягкий стук и голос капитана:

— Входите, входите! А, это вы, капрал!

— Да, мой капитан. Я нашел вот это в нашей столовой.

— Действует? — голос капитана.

— Теперь нет, капитан, — голос капрала.

— Я считал командора офицером, джентльменом, и вот... — голос капитана. — Какое разочарование. Сперва этот проклятый дипломированный лектор, гадающий на кофейной гуще, а теперь еще и это.

— Осторожнее, мой капитан, — голос капрала.

— Вы хотите сказать... — голос капитана.

Потом он пробормотал еще раз что-то относительно лектора и кофейной гущи.

— Но мы совсем не продвинулись вперед, — мрачно заметил Гримс.

«И что мы можем сказать? — подумал он. — Раньше, в добное старое время парусных кораблей, моряки были самыми верными и достойными доверия людьми на корабле. Расположенные между ютом и кают-компанией, они представляли собой силу полиции на борту, всегда готовые подавить бунт».

Командор позволил себе слегка улыбнуться, он помнил, что некий капрал Черчилл находился среди мятежников «Вунти».

— Чего ты улыбаешься? — спросила Сонна.

— Ничего, — ответил он, — совсем ничего, миссис Блайг. Запись продолжала звучать.

— Да, мой капитан, — голос капрала.

— Вы не могли сказать мне об этом раньше? — голос капитана.

Потом слышны были только стук и царапанье. Видимо, они продолжали поиски. Скоро все окончательно стихло: капрал, видимо, располагал какими-то чувствительными приборами.

Сонна вздохнула.

— В сущности... Это была неплохая попытка.

— Во всяком случае, попытка, — проворчал ее муж.

— И я вам советую больше не делать этого, — закончил Виллиамс. — Фактически будет лучше, если вы, миссис, не пойдете с нами во время обхода, особенно в каюты моряков. Эти подонки способны устроить вам ловушку только из неприязни. Какой-нибудь трюк, который будет выглядеть совершенно безобидным. Существует старое правило. Никогда не услышишь ничего хорошего, подслушивая за дверью! Мы только что убедились в этом.

— Мы узнали, — вмешался Майхью, — что наши солдафоны не так уж хитры, как они думают. Если бы они были такими, они не дали бы нам понять, что нашли микрофоны.

Глава 7

Все ближе к Земле мчался старый «Квест», прорезая кривизну континуума. Двигатель Маншенна работал, как часы. Мимо проносились желтые, белые, голубые, красноватые, карликовые и гигантские звезды. Корабль летел, как ядро из пушки, в снежной буре звездного водоворота. Он пролетал мимо многих планетных систем и ни на одной, насколько можно было судить, не было цивилизации, развившейся до применения космической техники.

— Жизнь существует, — говорил Майхью, — на большинстве этих планет, и на некоторых из них — разумная жизнь. Однако уровень встречающихся цивилизаций, если их можно так назвать, крайне низок: я не столкнулся ни с одним обученным телепатом.

Даниелс, офицер электронной связи, был менее категори-

ричен, чем его психонический соперник, хотя было очевидно, что на планетах, мимо которых они пролетали, никто не употреблял системы коммуникации Карлотти или эквивалентной ей. Гrimс решил, что нужно приостановить продвижение «Квеста» до того времени, когда удастся уловить сигналы КНТ. Между тем Майхью утверждал, что такое решение будет потерей времени.

«Итак, мы первые, — подумал Гrimс. — Первое специальное судно...»

Он процитировал про себя древние стихи:

«Мы были первыми, которые проникли

В это молчаливое море...»

Ему вдруг вспомнилась судьба старого моряка из Колериджа.

«Будёт лучше поостеречься альбатросов», — сказал он себе.

«Квест» мчался по-прежнему, и командор понял, что скоро его путешествие подойдет к концу. Он необъяснимым образом чувствовал, что Земля приближается. Это не будет ни ближайшее солнце, ни следующее, ни даже третье. Он не мог бы сказать, откуда это ему известно, но уверенность не покидала его.

Тем не менее ему хотелось бы полагаться на нечто большее, чем интуиция. Он попросил Карнаби быть постоянно в полной готовности.

— Поищите девять планет, — сказал Гrimс штурману, — или, возможно, десять.

— Десять, командор? Я считал, что в Солнечной системе всего лишь девять планет.

— Действительно... в наше время так оно и было. Но вспомните о поясе астероидов между орбитами Марса и Юпитера. Когда-то там была планета. Может быть, мы увидим ее.

— Хорошо, командор, девять планет, может быть, десять. Есть какие-нибудь подробности?

— Вы никогда не бывали на Земле, не так ли, Карнаби?

— Нет, командор.

— Как вам должно быть известно, шестая планета или, может быть, седьмая, это чудо Вселенной. Естественно, Сатурн не единственный газовый гигант, но кольца делают его самым эффектным.

— Значит, планета окружена кольцами. А сама Земля? Нужно искать что-то специальное?

— Да. Спутник. Очень большой. Можно сказать, планета-сестра, Луна.

— Значит, будет легко сориентироваться, командор. Но есть небольшая неприятность. В памяти корабля нет ни одной карты Земли.

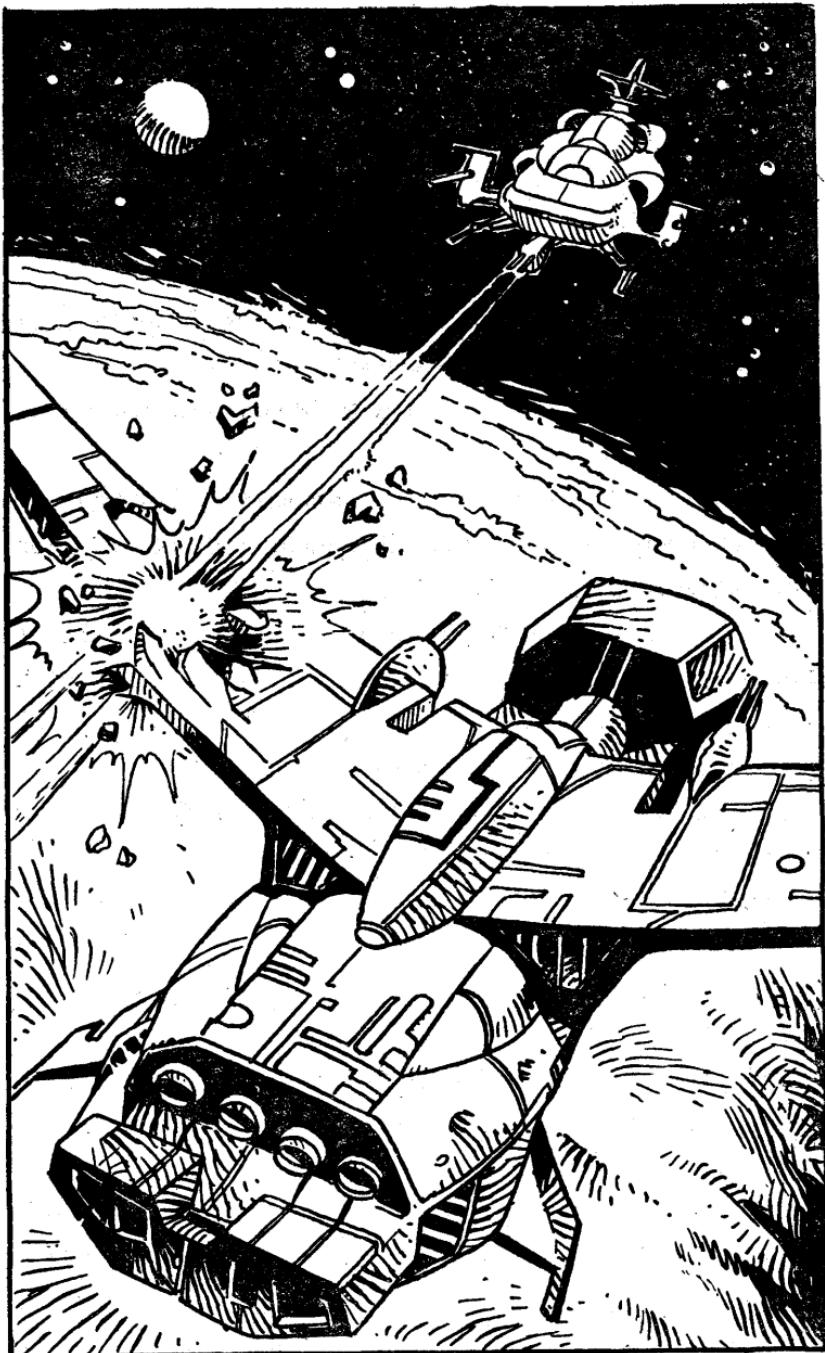
— Мы ведь не знали, что отправимся сюда, не так ли? Мне кажется, мы должны хотя бы приблизительно нарисовать несколько карт. Насколько они нам понадобятся, зависит от того, до какой степени мы находимся в прошлом...

— Эффект эрозии не должен быть до такой степени значительным, командор.

Гримс вздохнул. Карнаби был хорошим астронавтом, превосходным навигатором, он имел диплом, был подготовлен для того, чтобы вести корабль в космосе, но не более того. К чему навигатору было знать про катаклизмы, во время которых образуются горы, непредсказуемо меняется климат, разливаются и исчезают моря, перемещаются континенты...

— Может быть, мы узнаем Землю по карте, которую я рисую, — сказал он. — Жаль, если у меня ничего не получится.

Но Земля все же оказалась очень узнаваемой.

Глава 8

Первым они увидели Сатурн. Огромная планета была еще красивей, чем ее помнил Гrimс. Почти весь экипаж любовался фантастическим зрелищем, когда Даниелс с помощью аппарата КНТ уловил радиосигналы, испускаемые с одной из планет.

Гrimс, Сонна и Майхью покинули командный пункт и спустились в помещение, где находились приемники и передатчики. Гrimс встал позади радиоинженера, который, нагнувшись над своими аппаратами, занимался их настройкой и внимательно слушал странные бормотания в усилителе. Можно было назвать это музыкой: в них было нечто вроде постоянного ритма. Это также могло быть словами, могло быть сообщением, докладом, метеорологической сводкой. Одно было верным: эти слова произносил не человек.

Гrimс повернулся к Сонне.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Что я могу понять? — удивилась она.

— Но ведь ты лингвист...

— Это язык, который я никогда раньше не слышала.

— Ммм...

«Вероятно, я очень многое хотел от своей жены», — подумал Гrimс и обратился к Даниелсу:

— Вы можете определить параметры?

— Я попытаюсь... 177 относительно... 180... 185... Проклятие, все время меняется.

Командор засмеялся.

— Относительно — это правильное слово. Вы знаете, что мы находимся на орбите Сатурна, и придерживаемся относительного положения относительно поверхности планеты...

Гримс достал из кармана трубку и поиграл ей. Очень хотелось набить ее и закурить, но табак теперь был на очень строгом учете. Он представил себе расположение планет. Корабль находился на солнечной стороне Сатурна. С другой стороны, почти по прямой линии, были Марс и Земля. Радиопередача с Земли? На нечеловеческом языке? В конце концов, существовали же доисторические цивилизации? Например, цивилизации динозавров? Сейчас мысль о возвращении на Землю вовсе не казалась ему разумной.

А Марс? На этой планете были обнаружены некоторые предметы, якобы подвергшиеся обработке. Эрозированные, подвергшиеся разрушению остатки, которые могли быть не чем иным, как частью метеоритов, в течение тысячелетий разбитых естественными силами. Было еще то, что называли Венерой Большого Сырта: кусок сплава, похожего на бронзу, более или менее напоминающий фигурку женщины. Знаменитый Колосс Эблица, огромный монолит, вылепленный ветром Пустоты, был похож на мужчину гораздо больше.

— Кен, — сказал Гримс тоном легкого упрека. — Даниэлс уловил что-то. А вы? Что скажете вы?

Телепат покраснел.

— Я вам уже сказал, командор, что существует жизнь, жизнь разумная, человеческая, около Солнца в направлении нашего движения.

— Этот... этот шум не человеческий, — заявила Сонна.

— Да, — согласился Майхью.

Выражение его лица изменилось. Гримсу не надо было спрашивать, что он делает... Майхью мобилизовал все свои силы. Он телепатически связался с Кларисс, оставшейся на командном пункте, и дал ей указания, привел в рабочее состояние свой психонический усилитель, плававший в специальной жидкости в мозге собаки.

Вскоре три мозга — мужской, женский и собачий — стали функционировать, как один мощный приемник вместе с антеннами корабля, чувствительными к малейшему шепоту. Псионические передачи и прием было возможно осуществить сквозь световые годы: Майхью и его команде ничего не стоило улавливать сигналы на расстоянии световых минут.

Майхью прошептал еле слышным голосом:

— Да, есть... шепот. Я... я в настоящий момент его не понимаю. Я был, простите за употребление нашего жаргона, Даниелс, настроен на псионическое излучение с Земли. И улавливал весьма примитивные эмоции... ненависть, страх, зависть, жажды и голод. Вы понимаете? Но есть другое. Не слабее. Это более... цивилизованно. Более... интеллектуально, как сказать? Да... Вот. Я раз присутствовал на шахматном турнире. Все мастера мира Конфинас собрались там, были и другие миры. Я не должен был шпионить, но я это сделал — не мог удержаться. Это было... неотразимо! Улавливать работу этих холодных разумов, играть их партию вместе с ними...

— Шахматы, — сказал Гримс, — игра очень древняя.

— Если я сказал о шахматах, то лишь по аналогии.

— Нам остается лишь устроить показательный турнир, — сухо проговорила Сонна. — В сущности, Кен, вы хотите сказать, что в этой Солнечной системе существует высокоразвитая цивилизация, это так?

— Да.

— И она может быть на Земле?

— Я... Я так не думаю. Образы, которые я улавливаю, видимые образы... смутны... размыты... Мне кажется, это — человекообразные, но не люди. И еще... у меня постоянно возникает образ мира практически пустынного. Мира в агонии.

— Марс? — прошептал Гримс, а потом решительно повторил: — Марс.

«Возвращение на Землю может подождать, — подумал он. — На родной планете ученые появятся еще не скоро. На Марсе, если верить Майхью, а не было никаких оснований ему не верить, в знаниях и ученых недостатка не будет. Ученые сверхчеловеческой цивилизации будут иметь гораздо больше возможностей помочь экипажу «Квеста», чем волшебники или жрецы древних богов».

— Мы отправляемся на Марс, — сказал он. — Марсиане, может быть, и не люди, но они должны больше походить на нас, чем земные дикии каменного века.

— Ты надеешься на это, — иронически проговорила Сонна.

— Я это знаю, — уверенно проговорил он.

— Ну, а я, — прошептал Майхью, — я этого не знаю...

Глава 9

Если есть опыт и осторожность, то способы преодоления межзвездных расстояний могут быть использованы в границах планетной системы. Гримс никогда не сомневался в опыте и хладнокровии своих офицеров. Итак, через день «Квест» оказался на орбите Марса, красной умирающей планеты.

Глядя через визир на командном посту на Марс, Гримс задавал себе вопрос, не произошло ли новое перемещение во времени. Планета казалась ему такой, какой он видел ее в последний раз... сколько лет тому назад? Он видел города, ирригационные каналы, окаймленные широкими полосами зелени, ледяной купол Северного Полюса. На месте были два маленьких спутника, врачающихся вокруг планеты.

— Они знают, что мы здесь, — заявил Майхью.

— Они? Кто это они? — проворчал командор. — Хотел бы я узнать о них поподробнее!

— Я... я еще ничего толком не выяснил.

— Это не будет иметь никакого значения, — заявил Виллиамс, — как только они скажут, что мы можем чувствовать себя, как дома, плевать на пол и выкинуть наружу кота.

— Ммм, — проворчал Гримс, сжав зубами пустую трубку. — Ммм... Но, Боже мой, что случилось или еще только должно случиться с этими людьми? Города, каналы... когда человек пришел на Марс, от всего этого не осталось и следа.

— А не окажемся ли мы причиной гибели их цивилизации? — предположила Сонна.

— Ну, нет. Мы не так плохи!

— Говори о себе, — возразила она, выразительно поглядев на Хендрика, застывшего возле боевого орудия.

Гримс громко рассмеялся.

— Я просто не верю, что один корабль, простой легко вооруженный вспомогательный крейсер может уничтожить цветущую цивилизацию.

Он жестом указал на электронный телескоп. Карнаби удалось поймать изображение одного из городов, и теперь они, казалось, планировали едва ли не в сотне метров от самого высокого дома.

— Посмотрите сюда. Люди, построившие эти здания, должны быть более или менее похожи на нас.

Здания выглядели высокими и стройными, их конструкции не могли быть созданы на планете со слабо развитой цивилизацией. Стекло и камень, сверкающие полосы металла, сочетаясь, слагались в гармонию, в которой не было ничего нечеловеческого, а если и было, то не становилось от этого менее прекрасным. Контактная сеть с блестящими проводами, висящими между башнями, мосты, зеленеющие

парки с яркими пятнами — голубыми, желтыми, оранжевыми, — которые были, скорее всего, массивами цветов, изумрудная зелень садов и бриллиантовые струи фонтанов, окрашенные в голубой цвет...

— Антенны Карлотти, — внезапно сказал Даниэлс. — Странно, что мы не получили сигнала, когда летели, используя двигатель Маншенна...

Да, антенны Карлотти или что-то очень похожее на них. На самых высоких башнях виднелись сверкающие металлом вышки, но вместо того чтобы двигаться, они оставались неподвижными.

— Это может быть религиозным символом, — предположил Гrimс, — в итоге из этого получится крест, звезды, серп и молот, и я не знаю, что еще. И вообще, почему не лента Мебиуса?

Майхью вдруг начал говорить странным, безжизненным голосом:

— У них есть телепаты. Телепат. Он проник в мой мозг. Существует проблема языка, вы понимаете. Но его послание ясно.

— Что он сказал? — закричал Гrimс.

— Они... они не хотят нас. Не знают, что делать с нами. Мы для них обуза, не вовремя появившаяся.

Большие уши Гrimса покраснели. Он проворчал:

— Хорошо, согласен, мы для них обуза. Но тем не менее мы имеем право поговорить с ними, попросить о помощи?

— Что... что я им должен сказать, командор?

— Конечно, правду! Мы потерпели кораблекрушение во времений.

— Я попытаюсь, — скептически сказал Майхью.

На командном пункте наступила тишина, в то время как Гrimс и его офицеры смотрели на Майхью и Кларисс. Те-

лепаты сидели с закрытыми глазами, неподвижные и молчаливые, держась за руки. У обоих были отсутствующие лица. Губы Кларисс двигались.

— Это ни к чему не привело, — наконец сказал Майхью. — Они не хотят иметь с нами ничего общего. Они мне говорят... как бы это перевести? Они мне говорят, что мы достаточно большие и достаточно уродливые, чтобы выпутываться самим.

— Попробуйте их уговорить, — настаивал Гrimс. — Скажите им, что в их интересах позволить нам приземлиться. Должны существовать знания, которыми они не располагают и которые мы сможем им передать?.. Так же как, мы надеемся, они тоже нас чему-нибудь обучат.

Наступило новое молчание, довольно продолжительное. Наконец Майхью проговорил:

— Они твердят: «Уходите прочь и оставьте нас в покое».

Гrimс знал, что в молодости его часто называли упрямцем, а в последнее время — упрямым старым бродягой. Он был действительно упрям. Он был готов висеть в марсианском небе неожиданным искусственным спутником до тех пор, пока марсиане не согласятся с ним заговорить. Должен же среди них быть хоть кто-нибудь, достаточно любопытный, чтобы ему захотелось выяснить, откуда явились незваные гости и кто они?

— Они говорят: «Уходите вон», — продолжал Майхью.

— Ммм, — проворчал Гrimс.

— Они говорят: «Уходите отсюда, или мы силой заставим вас сделать это».

— Это блеф, — решил Гrimс, — скажите им, что я хочу поговорить с начальством, с каким-нибудь ответственным лицом.

— Уходите прочь, — прошептала Кларисс. — Убирайтесь, убирайтесь. Послание все время одно и то же: «Убирайтесь вон!»

- Скажите им...
- Смотрите! — крикнул Виллиамс.
- К ним приближался корабль.
- Его не обнаруживает радар. Его не обнаруживает радар, — простонал Карнаби.

Корабль казался огромным, но это могла быть всего лишь иллюзия, поскольку определить расстояние не представлялось возможным. Это была странная конструкция с грандиозными крыльями. Никакого вооружения не было видно.

- Как птица, — прошептал кто-то.
- «Итак, они наконец решились заметить нас», — с удовлетворением подумал Гримс. Потом он вспомнил о решительном Хендрике и оглянулся, но было уже поздно, и приказ «Не стреляйте» так и не прозвучал.

Смертоносный лазерный луч, сверкнув, ударили по крылу марсианского летательного аппарата. Тот дернулся, видимо, потеряв управление и, как мертвый лист, стал падать вращаясь на далекую поверхность планеты. Сломанное крыло последовало за ним.

«Моим арбалетом
Я убиваю альбатросов...»

- Но сейчас было не время вспоминать старинную поэзию.
- Майхью прошептал:

- Они рассердились...
- Гримс отдал приказ:
- Максимальное ускорение! — Его отбросило в глубь сиденья. — Включить двигатель Маншенна!

Он не знал, какие виды оружия были в распоряжении марсиан, и не собирался проверять их на себе.

Гироскопы начали ритмично трещать и свистеть, когда ускорение достигло максимума. Контуры планет и солнца стали расплывчатыми и цвета превратились в радугу, когда

«Квест» устремился по курсу, прорезая континуум. Яркая вспышка на том месте, где только что был корабль, была весьма зрелищной, но совершенно безопасной. Ответная атака? Совершенно очевидно — выстрел. Умышленный или случайный? Но Хендрик-то стрелял умышленно...

— Я спас корабль, — сказал Хендрик. — Я спас корабль.

— Достаточно, мистер Хендрик, — сухо бросил Гrimс. — После того как мы уточним курс, я вам кое-что скажу.

— Хендрик спас корабль, — заявил Далзелл громким шепотом.

«Я бы с удовольствием повесил вам обоим на шеи по альбатросу, грязные подонки», — сердито подумал Гrimс. Но вслух он ничего не сказал.

Глава 10

Хендрик был упрям и неисправим. Он заявил:

— Но, командор, атака — лучшая защита.

И Гrimс понял, что ему будет практически невозможно наказать артиллериста. В сложившихся ненормальных условиях было невозможно сохранить дисциплину. Права капитана пока еще признавались экипажем, но надолго ли? Скорее всего, до первого серьезного конфликта. На кого действительно он может рассчитывать? Конечно, Сонна, а также Виллиамс, Майхью и Кларисс, на Карнаби... Безусловно, не на капитана Далзелла и его моряков. Вероятно, и не на Дэвиса с его помощниками-механиками. Может быть, на радиотехника Даниелса?..

Чтобы сохранить порядок на корабле, командр должен продолжать действовать, продолжать метафорически вытас-

кивать зайцев из метафорической шляпы. Он был в положении человека, вынужденного бежать, чтобы не упасть. Ну что ж, он и побежал! От Галактики Конфинс до Солнечной системы, от Сатурна к Марсу и от Марса к Земле.

Не было никаких сомнений в том, что мир под ним — родная планета. Изображение континентов, видимых сквозь тучи, совпадало с нарисованным Гримсом по памяти. С точки зрения геологии ясно, что «Фаави Квест» оказался в относительно недавнем прошлом Земли: шапки льда на полюсе казались несколько большими, чем на карте Гримса, но чрезмерного обледенения не было, уровень моря, может быть, был иным, и горы — немного выше, но это была Земля.

Карнаби по приказу Гримса поместил корабль на экваториальную орбиту, на меридиан, который более или менее разделял надвое грушевидный материк Африки. Потом, пользуясь инерциальным двигателем, он стал спускаться, держа курс на север. Средиземное море с итальянским ботинком, ударом ноги откинувшим деформированный футбольный мяч — Сицилию, тонуло в скоплении туч. Там, внизу, вероятно, началась осень, может быть, не лучшее время года для приземления. Но в этом полушарии у них было больше шансов найти цивилизацию. Строительство пирамид? Слава Греции или величие Рима? Майхью, легко читающий мысли Гримса, позволил себе улыбнуться.

— Нет, Джон, еще нет пирамид и нет Акрополя. Но существуют города.

— И корабли, — сказал Гримс. — Должны существовать корабли. Я надеюсь, что сейчас еще можно найти в море...

— А где, к дьяволу, ты хочешь еще найти корабли, если не в море? — воскликнула Сонна.

— В порту, стоящие на рейде, — ответил ей Гримс. — Ожидавшие конца зимы. В те времена люди зависели от времени года.

Она сказала что-то нелюбезное о деревянных судах и железных людях.

Гримс, отдававший распоряжения навигатору, ничего не ответил. Корабль все снижался и снижался. Со всевозможными предосторожностями Гримс определил угол, по которому корабль опускался, направляясь на восточную сторону Средиземного моря, в воображаемый пункт, примерно на полпути между Кипром и Палестиной. Тир и Сидон уже существовали. Финикийцы, были ли они пионерами в племени навигаторов?

Ниже, все ниже. Корабль теперь находился в атмосфере и опускался сквозь ее плотные слои, но медленно, очень медленно.

«Фарави Квест» задрожать и заскрипел, когда воздух вокруг него стал плотнее и воздушные потоки ударили по нему. Корабль был способен противостоять и более сильным ударам. Сквозь перистые облака он пошел быстрее. Белые кучевые облака простирались теперь внизу, сливаясь с белизной горных вершин, еще ниже лежали темные долины. Несколько минут спустя все вокруг заполнил перламутровый туман, мешающий что-либо видеть.

Внезапно тучи разошлись и стало видно море. Даже с этой высоты были видны белые гребешки волн на голубом фоне. И... И что это за темное пятно?

Гримс приостановил спуск корабля и передал управление Карнаби. Виллиамс уже настроил большой телескоп, и на экране появилось изображение. Да, это действительно был корабль: тяжелый, широкий, с одной мачтой в середине низкой палубы. Весла, по шесть с каждой стороны, били по воде. Судно плыло, равномерно покачиваясь.

— Так держать, — сказал Гримс Карнаби, а потом Виллиамсу: — Продолжайте наблюдать, пока я не вернусь.

Было бесполезно отдавать другие распоряжения. Гrimс учел, что одинокое судно заметило их и приготовилось к нападению. Лично он собирался на одном из катеров поближе познакомиться с судном, взяв с собой только Сонну и Майхью. Катер можно было использовать и как подводную лодку. В сущности, «Квест» был разведывательным кораблем, и на борту его было все необходимое для исследования недавно открытых планет. С катера Гrimс сможет незаметно наблюдать за судном. Даже если его увидят горсточка моряков, какое это будет иметь значение? Катер покажется им морским чудовищем и только пополнит уже, вероятно, длинный список морских чудес.

Гrimс покинул командный пункт в сопровождении Сонны и Майхью.

Море сильно волновалось. Гrimс повел катер на глубину и сразу же почувствовал сжатие пояса безопасности. Он улыбнулся: на глубине более двух метров море было спокойным. Послышался скрип насосов. В течение секунды иллюминаторы рубки управления были затенены пеной, быстро сменившейся зеленоватой водой. Мощная качка сменилась легким покачиванием.

Гrimс поднял перископ. Зажегся экран, показывая белые гребешки волн и, наконец, приземистый корпус суденышка.

— Я предпочитаю находиться внизу, а не наверху, — подумал Гrimс. Он направил катер ближе к судну. Его сострадание быстро сменилось раздражением. Этот капитан, видимо, не знал элементарных правил навигации. Возможно, мореплавание еще только начало развиваться, но тем не менее должно было уже пройти несколько тысячелетий с тех пор, как первые люди плавали по морю на плотах, пирогах, выдолбленных из стволов деревьев. Гrimс пробормотал что-то о людях, неспособных заставить пластиковых уток плавать в ванне.

— И что он такого плохого сделал, этот капитан. Или, вернее, пытается сделать? — спросила Сонна, которая, не будучи телепатом, обладала интуицией.

— Ничего он не делает, вот в чем дело, — проворчал Гимс.

— Согласна, ты — эксперт. А что он должен делать?

— Он в трудном положении.

— Хорошо заметное помрачнение ума, — сыронизировала она.

— Дай мне сказать. Он в трудном положении. Если ему не удастся держать нос своего корабля прямо на ветер, то он будет опрокинут...

— Дорогой мой, я не моряк, но тем не менее способна понять его действия.

— Да, да, но есть возможность добиться этого, не мучая гребцов. Я считал, что это способ такой же старый, как и сама посудина, но, вероятно, ошибся. В конце концов, нужно, чтобы кто-нибудь изобрел его.

— И что это за таинственный способ?

— Естественно, плавающий якорь.

— Разве море здесь недостаточно глубоко, чтобы якорь закрепить?

Гимс вздохнул.

— Плавающий якорь — это не то, что ты думаешь. Это не кусок железа или, что более вероятно в эту эпоху, кусок камня. В идеале — это конус из ткани, похожий на парашют. При помощи длинного каната он крепится сзади корабля. Он должен быть полностью потоплен, желательно, на три, четыре метра в глубину, чтобы на него не влиял ветер. Такой якорь позволит судну сохранять правильное положение. Если нет конуса, можно использовать, что угодно: деревянную панель, парус, поверхность которого достаточно велика, чтобы служить якорем, — он нахмурил брови, глядя в перис-

коп. — И вот этот глупец дохнет на своем кормовом весле, в то время как его экипаж дохнет от изнеможения на веслах. Ради богов Конфинса, мне больно смотреть на корабль в таком тяжелом положении! Если бы я только мог объяснить этому болвану, что ему нужно делать!

— Вы это можете, Джон, — прошептал Майхью.

Гримс расхохотался.

— Согласен, согласен, этот капитан не единственный тутица здесь. Я забыл, что вы можете так же хорошо передавать, как и получать телепатемы. Вы считаете, что можно передать ему послание?

— Я как раз пытаюсь сделать это... Я в его разуме. И это мне не очень нравится. Естественно, он в ужасе. Это не просто страх перед тем, что может случиться, но также и суеверный ужас... Он не принес нужной жертвы перед отплытием в море и знает это. Вино, которое он вылил на жертвенник, было дешевым и низкого качества, почти что уксус... А коза, которую он зарезал, была больна и никуда не годилась.

— Ммм... если уж надо что-то сделать, то надо делать это хорошо или не делать совсем. А вы можете добраться до него, Кен?

— Я пытаюсь. Он «чувствует» что-то. Он резонирует, если можно так сказать. Он думает, что морской бог ответил на его молитвы. Но суеверие... Это ужасно...

— Наплевать! Это характерно для его эпохи. Будьте морским богом! Ткните его в зад своим трезубцем и заставьте сделать что-нибудь!

Майхью криво улыбнулся.

— Мне это не нравится, но единственная возможность им помочь... — Он начал шептать, шептать мысли, которые старался передать: — «Послушай и ты будешь спасен... послушай и ты будешь спасен...»

— Хорошо, — одобрил его Гrimс. — Так и продолжайте. Как только вам удастся связаться с ним, «скажите» ему. Вы слышали мои объяснения относительно техники плавающего якоря? Конечно, конуса нет, но подойдет и что-нибудь другое. Безразлично, что.

Наступило долгое молчание, наконец нарушенное телепатом.

— Это трудно, Джон, объяснить что-либо о современном мореплавании примитивному дикарю.

— Современное мореплавание? — возмутился Гrimс. — Это относится к давним временам начала морских путешествий!

— Может быть, мысль о жертвоприношении...
— Множество аварий, — со смехом проговорил Гrimс. — Жаль, что у них нет справочника Ллойда, чтобы подсчитать это! Ой! Вас услышали, Кен! Да. И с каждой стороны втянули весло...

Он весело поглядывал в перископ. Таким образом примитивному капитану пришлось обнаружить в себе черты гениальности, и Гrimс, знаменитый адмирал Тарпы, нес за это ответственность.

Сонна уничтожающе посмотрела на него, когда он фальшиво запел морскую песню древних времен.

Да, вот они поднимаются на палубу, волоча что-то.
«Не сюда, стадо коров!»

Капитан, видимо, все-таки знал, что делает, его тяжелое судно, без сомнения, будет лучше держаться на воде и наберет меньше воды, если он отдаст плавающий якорь против ветра. Но что происходит на корме? Бунт? Казалось, там начиналась драка.

«А, наконец!» — подумал Гrimс и пробормотал: — Недостаточно большой.

Матросы подняли сверток и бросили его за борт.

«А где, к дьяволу, канат, удерживающий якорь?»

Потом, как раз перед тем как пена снова осела на перископ, Гримс и его команьоны увидели, что в выброшенном свертке был человек.

Глава 11

Можно было сделать только одну вещь, и Гримс ее сделал, но он не должен был торопиться. Одномачтовое судно между тем медленно продвигалось против ветра, удаляясь от маленькой черной фигурки, барактающейся в воде. Перископ был бесполезен под дождем, и заработал радар катера.

На экране были видны две точки: большая и малая. Расстояние между двумя ними увеличивалось. Гримс направил катер к малой. Несмотря на сложность задачи, это ему удалось. Внезапно катер завибрировал, и Гримс догадался, в чем дело: тонущий человек хватается за соломинку — а стержень перископа был намного солиднее.

Гримс начал всплытие... Шум мотора стал оглушительным, и маленький катер тяжело накренился на поверхности, когда волны захлестнула его, но быстро выпрямился. Был ли человек еще там? Перископ был направлен так, чтобы видеть верх катера. На экране показался мокрый человек, вцепившийся в стержень.

— Мы должны его впустить, — сказал Гримс.

— Я лично полагаю, что ты хочешь сказать «вы».

Сонна отстегнула пояс и встала, за ней последовал Майхью.

— Будьте осторожны, — бросил Гримс.

— Можешь на нас рассчитывать.

Верхняя панель отодвинулась, и струя свежего воздуха проникла в каюту. После недель спретого воздуха и искусственной аэрации это было, как искристое вино после теплой воды. Гrimс с восторгом глубоко вздохнул и посмотрел, как Сонна и Майхью поднимаются по лестнице. Он уловил голос Сонны, едва слышимый в завывании ветра и шуме дождя.

— Ничего не бойтесь, никто вам не сделает зла...

Он подумал, что несчастное человеческое существо в полубессознательном состоянии поймет этот тон, если не слова. Потом Майхью сказал:

— Он в ужасе...

— Вы тоже были бы в ужасе. Помогите же мне, Кен! Влезьте ему в голову или не знаю куда, успокойте его...

— Я стараюсь, Сонна.

— Так вот, постараитесь получше! Он сейчас выломает перископ, — проворчала она, а потом продолжила более мягким успокаивающим тоном: — Вам больше нечего бояться... Расслабьтесь. Мы вас...

Ей ответил другой голос, пронзительный, бессвязный...

Гrimсу показалось, что он разобрал слова...

— Да, это так... держитесь за меня... Дайте мне руку, Кен, или мы все свалимся за борт. Да..., это так... Держитесь за меня. Осторожно... осторожно... сюда.

Сонна показалась в люке, ступила на лестницу и стала медленно спускаться, поддерживая дрожащего от изнеможения и страха человека. Майхью помогал ей.

Вдвоем им удалось заставить его спуститься. Человек в мокрой одежде повалился на пол, сжалвшись в комок. Повернувшись в кресле, Grimс посмотрел на него. Это был, безусловно, семит, как и следовало ожидать в этой части света. Спасенного парализовал ужас, что было неудивительно. Ух-

ватившись руками за бороду, он поднял глаза на своих спасителей и попытался заговорить, однако ему это не удалось.

— Я начинаю немного понимать его мысли, Джон, — сказал Майхью, — но очень мало. Он принимает нас за ангелов или я не знаю, за что...

— Ммм...

Гримс повернулся к пульту управления и закрыл панелью люк. Катер сильно качало. Он снова погрузился на высоту перископа. Шторм почти закончился, дождь стал меньше, и маленький космический катер был отчетливо виден с корабля на поверхности моря.

Да, он по-прежнему был тут и его легко можно было видеть сквозь сетку дождя. Судно плыло теперь гораздо увереннее. Капитан больше не нуждался в плавучем якоре.

— Я... я знаю кое-что, — странным голосом прошептал Майхью.

— Что это такое, Кен? Да говорите же!

— Он ехал пассажиром на том корабле. Он проповедник, ехал в... Нинивию. Его имя...

— Мне кажется, нет необходимости говорить мне это, — проворчал Гримс и подумал: — «Ну, у нас теперь есть зацепка во времени. Когда мы вернемся на корабль с его машинами памяти, мы сможем определить время, в которое попали».

Глава 12

— И так? — сердито спросил Гримс. — Что вы обнаружили? У нас нет времени. Сонна настаивает, чтобы этот наш друг был высажен на пустынный берег, и не позднее, чем через три дня после его спасения.

— Мы должны уважать Писание, — сказала твердо Сонна.

— Писание? Какое писание? Ведь я надеялся, спасая его, что мы сможем уточнить время, в котором находимся. И что мы имеем? Что наша машина памяти, наша фантастическая, электронная и энциклопедическая может нам сказать? Только то, что существование этого человека только легенда, немного аллегорическая, и что Большая Рыба, символизирующая Дагон или не знаю, что другое, — вымысел. Что может случиться, если мы будем держать на борту «Квеста» его три дня, три недели и три месяца? Или три года?

— Мы не должны моделировать Историю, — заявила Сонна.

— Историю всегда искаjали.

— Да, но не тогда, когда она реальна.

— Во всем существует начало.

Но Гримс знал, что все были против него. Практически ни один член экипажа не был верующим, но у каждого было Святое Писание. И тут, под мощным влиянием успокаивающего из медпункта корабля, у них было живое доказательство того, что Библия — это не просто мифология.

— Лучше придерживаться текстов Библии, — сказал Виллиамс.

— Это будет самым разумным, — добавил Карнаби.

Гримс вглядывался в лица окружающих его старших офицеров и понимал, что все они за то, чтобы возвратить утопающего на Землю. Он не мог удержать иронической улыбки. Таким образом, этот несчастный был, если можно так сказать, двойником Жонаса, сперва выброшенного за борт моряками, а теперь — астронавтами. Ему было жаль беднягу. Новые попытки Сонны и Майхью могли бы дать важные сведения.

— Значит, мы его отпустим, — сказал Гримс. — Но все же вы должны были что-нибудь обнаружить, Кен?

— Со временем мы можем вам обещать разрешить любую задачу, самую трудную, — сказал телепат, — но у нас не было времени... Как объяснить вам это, командор? Представьте себе что вы пытаетесь кого-нибудь допросить, кто говорит с вами на одном языке, но что этот человек так напуган, что он безостановочно вопит, ничего не говоря. Да, конечно, мы можем читать мысли, употребляя обычный жаргон, но это помогает лишь тогда, когда мысли более или менее связные. А у него они совсем бессвязные.

— Итак, он по-прежнему в ужасе?

— О да! Попробуйте встать на его место. Он находится в брюхе гигантской рыбы. Он имеет право быть напуганным.

— Ни за что на свете! Он был лучше ухожен и обслужен, чем пассажир самого роскошного самолета. Специально приготовленные блюда подавали наши самые очаровательные девушки.

— Которых он считает за гарпий, ожидающих возможности вонзить в него свои крашеные ногти, чтобы унести в ад...

— А вы не можете войти в его разум, Кларисс, и успокоить его?

— Я прошу вас поверить, что мы все время пытаемся сделать это. И нам бы со временем это удалось, но трех дней для этого недостаточно.

— И эти три дня уже почти прошли, — сказала Сонна, взглянув на часы.

Гримс вздохнул, встал и поднялся на командный пункт. Он посмотрел в обзорный экран, но «Фаави Квест» находился над облаками, откуда ничего не было видно, кроме волнующегося моря с гребнями белой пены.

Тем временем Карнаби нарисовал карту и с гордостью показал ее Гrimсу.

— Мы находимся здесь, — заявил он, ткнув кончиком карандаша в маленькую точку, обведенную кружком, — а тут есть город.

Гrimс взял карандаш.

— А тут мы приземлимся: здесь есть хорошо защищенная небольшая бухта. Оттуда до города не больше трех дней ходьбы. И я предполагаю, что это Нинивия.

Гrimс посмотрел на компас, измеряющий расстояние.

— Ммм... Я начинаю думать, что если я с наступлением ночи поведу катер, чтобы высадить нашего пассажира в указанном месте, это избавит от усталости всех.

Сонна воскликнула:

— Тогда Всевышний прикажет рыбе выбросить Иону на берег. Слова Всевышнего, обращенные к Ионе, во второй раз были такими: «Встань! Пойдешь в Нинивию, большой город, и передай им весть, которую я тебе скажу». Иона встал и, следуя приказу, пошел в Нинивию. Нинивия была большим городом, понадобилось три дня, чтобы дойти туда.

— Катер готов, Виллиамс? — спросил Гrimс.

— Да, командор.

— Ну, тогда покончим с этим!

* * *

Гrimс сам pilotировал маленький катер, вывел его в нике из корабля перед тем как коснуться воды и посадил примерно в пятистах метрах от берега. Он отказался от мысли приземлиться прямо на берегу: может быть, это против Писания. Катер сильно качало. Гrimс не удивился, услышав, что кого-то тошнит в каюте позади него. Ему стало

жалко спасенного — скорее всего, это был он: сочетание моря со страхом вызывало у несчастного тошноту. Гримс попытался игнорировать запах и звуки и сконцентрировал все свое внимание на том, чтобы привести катер точно к намеченному пункту. Воздушная разведка показала, что о рифах беспокоиться не стоит, но это не улучшило состояния пассажиров катера, которых сильно укачало. Гримс поднял катер над морем на случай, если за земле окажутся нежелательные наблюдатели, пролетел мимо подводных скал и наметил как цель одинокую пальму. Миновав отмель, он выключил инерциальный двигатель и осторожно посадил катер. Повернувшись, он увидел, что Майхью и Сонна все еще поддерживают чужеземца. Он, бедный, полумертвый от страха и тошноты, был в плачевном состоянии, но его несчастья почти кончились или только начинались.

— Мы его выпустим, Джон? — спросила Сонна.

— Да, если ты уверена, что это согласуется с Библией.

— Должно быть... — холодно сказала она.

Люк открылся, короткая лестница удлинилась. Сонна и Майхью повели человека, похожего на ком грязных тряпок, к люку.

Казалось, он совершенно неспособен пройти пешком сорок километров, но тем не менее ему придется уважать сценарий.

Ощущив под ногами благословенную землю, окруженный знакомым пейзажем, он очень быстро пришел в себя. Он упал и принялся целовать землю. Потом наконец выпрямился, сел и уставился на пальцы, с которыхсыпался золотой песок. Его бородатое лицо осветила радостная улыбка, которая исчезла, как только он поднял глаза и увидел над головой самолет-амфибию. Человек быстро отвернулся, чтобы посмотреть на землю, на дюны, на пальмовые рощи и на

синеватое очертание гор на горизонте, шатаясь он поднялся на ноги и пошел в глубь страны с завидной настойчивостью, подальше от проклятого моря и его обитателей.

— Еще один удовлетворенный клиент, — прошептал Гrimс.

Сонна и Майхью вернулись на борт, люк был закрыт, катер взлетел и направился к далекому «Фаави Квест».

Глава 13

Вернувшись на корабль, Гrimс, Сонна и Майхью направились прямо к Гrimсу, который пригласил еще Кларисс и Виллиамса. Естественно, Кларисс не надо было спрашивать о том, что произошло: она была в постоянной телепатической связи со своим мужем. И немного времени понадобилось, чтобы ввести Виллиамса в курс дела. Потом...

— У меня намерение завтра утром на рассвете приземлиться, — заявил Гrimс.

— Будет ли это разумным? — спросила Сонна. — Я уже говорила и повторяю еще раз, мы не должны вмешиваться в Историю.

— Разве мы собираемся это сделать? — возразил ее муж. — Последний эпизод, мне кажется, доказывает, что мы составляем часть Истории.

— Оставьте Историю в покое, командор, — вмешался Виллиамс. — Я вам скажу вот что: если экипаж не получит в скором времени какого-нибудь занятия, то мы получим мятеж.

— Это так серьезно, Вилли?

— Очень серьезно. В течение дня мы висели над маленьким клочком пустого моря, ничего не видя, кроме воды и

облаков. Это еще хуже, чем быть на орбите. Вопрос в том, что мы оказались так близко от Земли и вместе с тем далеко.

— Кен?

— Я должен был известить вас, Джон, но думал, что вы знаете. К тому же, я довел до минимума свои исследования. И нет необходимости быть телепатом, чтобы почувствовать мрачную атмосферу, сгущающуюся на корабле. И незачем читать мысли, чтобы догадаться, о чем они думают: «Он и его дружки спускаются на поверхность, когда им хочется, а мы?»

Гримс грустно улыбнулся.

— Я знаю, знаю. Вот почему я решил приземлиться.

— Я продолжаю настаивать на том, что это рискованно, — заявила Сонна.

— Почему?

— Это очевидно. Там, внизу, мы имеем примитивную, на уровне каменного века, цивилизацию. У нас же — корабль, набитый до отказа техникой нашего времени. Что из этого может получиться?

— Ничего особенного, — заверил ее Гримс, — если я доставлю на место свое старое такси с обычной ловкостью.

Сонна подождала, пока все перестали смеяться, и холодно добавила:

— Ты меня хорошо понял?

— Да, и я повторяю: ничего особенного. Только элементарная техника будет иметь значение для этих людей. Все, что выше их понимания, — это магия.

— А разве этого мало?

— Нет. Вспомни земную мифологию, полную легенд о богах, сошедших со звезд на Землю. Весьма возможно, что некоторые легенды, даже большинство, базируются на реальности. И возможно, мы участвуем в создании какой-то части мифологии. Вполне возможно. Нет, это действительно так!

— Иона, — прошептал Майхью.

— Да.

— Но откуда ты можешь знать, — упрямно настаивала Сонна, — что наш Иона был «тот» Иона? В сущности, это должно быть очень распространенное имя в те времена. Настоящий Иона, может быть, был спасен из морской могилы два или три века тому назад. Или, может быть, это еще только случится лет через сто.

— А! Прошу тебя, не пытайся искать совпадения...

— Но совпадения существуют! Я продолжаю думать, что наладив контакт с людьми этой эпохи, мы рискуем повлиять на ход Истории.

— И тогда? Возможно, мы никогда не родимся. И не только не вернемся в наше собственное время, но просто исчезнем. Нас никогда не было.

Гримс играл со своей старой трубкой, сожалея, что ее нечем наполнить. А что, не растет ли табак в бассейне Средиземного моря? Стоило поискать.

— Послушай меня, Сонна. Наше исчезновение невозможно. С каждой секундой времени бесконечные нити вселенной протягиваются в будущее. Некоторые, может быть, более реальные, чем другие. Возможно, многие. Все они реальны для живущих людей. И мы есть или обязательно будем рождены. Что бы там ни было, я почти уверен, что мы не исказим Историю. Ведь нельзя получить паровой двигатель раньше эпохи паровых двигателей.

— Как это?

— Паровая машина — это очень древнее изобретение. Понадобились века для того, чтобы кто-то додумался до нее. Когда была изобретена первая примитивная паровая турбина, не было потребности в механической энергии. Так же как у здешних дикарей не будет потребности в нашей космической технике. Завтра мы приземлимся.

— Это будет самым благоразумным, Джон, — сказал Майхью. — До настоящего времени весь экипаж еще за вас, но недовольство налицо. Я сказал «весь экипаж»? Да, за исключением этих проклятых моряков. Я не знаю, о чем они думают, но пока они в меньшинстве и не способны овладеть кораблем.

— Вы сказали, до настоящего времени.

— Да. До настоящего времени. Как только вы позволите им покинуть на некоторое время эту железную гробницу, экипаж будет лояльным. Если же вы будете держать людей взаперти, все может случиться.

— Тем не менее мне не нравится мысль о приземлении, — настаивала Сонна. — Я считаю, что у нас будут неприятности.

— Что бы мы ни делали, у нас будут неприятности, — возразил ей Гrimс. — Мы сможем вернуться на Марс... и дать растереть себя в порошок. Мы сможем носиться по Вселенной и умереть от старости до того, как найдем другую обитаемую планету. А Земля ведь наша родина... и мыозвращаемся к себе.

— Ты — капитан, — пробормотала она.

Глава 14

Острова Греции...

Эти слова, обрывок строчки наполовину забытых стихов, были для Гrimса чем-то вроде магии. Воспоминания об удивительной, особенной области, названной своими обитателями Спартой, с ее античной культурой, волновали капитана. Ему хотелось бы знать, какова настоящая Спарта.

Он мог бы приземлиться в Египте или в Палестине, в Италии или Испании, в Карфагене, но он решил приземлиться в Греции. Он был неспособен вспомнить земную географию даже с помощью телепатов, но это не имело никакого значения. Очертания города были достаточно узнаваемы, даже если Гримс и не мог в точности знать, где были или будут Спарта и Афины. Он рассчитывал на приборы, чтобы с их помощью выбрать нужное место для приземления: плоское, между морем и горами, возле небольшого источника воды. Преимущества посадки на восходе солнца были очевидны. Лучи света, почти горизонтальные, обнаруживали все неровности посадочной площадки.

Медленно и старательно Гримс вел корабль все ниже и ниже, в спокойном и свежем воздухе раннего утра. Приблизившись к поверхности Земли, Гримс заметил струйки голубого дыма, поднимающегося почти вертикально, немного к северу от предполагаемого места посадки. Костры в поле? Огни в городе? Карнаби увеличил изображение на экране и ясно разглядел несколько домов среди зелени.

А жители? Они, безусловно, должны были услышать необыкновенный грохот в небе без туч! Они, безусловно, должны были увидеть корабль — огромную темную глыбу, падающую с неба.

«Это происшествие или другое, похожее, дало тему античным драматургам Греции: «Боги в полете», — эта мысль заставила Гримса улыбнуться. Тем не менее, и это было любопытно, полет богов был действительно популярен в греческом театре.

Да, там были люди. И они вышли, и они не жались пугливо в тень. Они стояли так, перед своими домами, подняв головы вверх. Гримсу хотелось произвести на зрителей наиболее сильное впечатление, но он удержался: внезапный

поток пламени, сверкающий и ослепляющий, рисковал спровоцировать панику. Просто удивительно, что ее не было до сих пор.

Не отрываясь от пульта управления, Гимс спросил:

— Что они о нас думают, Кен?

— Естественно, они принимают нас за богов. Они боятся, и это нормально, но решили не показывать своего страха.

Майхью рассмеялся.

— Я восхищен их отношением к богам вообще и, в частности, к нам. Мы для них — сверхлюди, но не нечто сверхъестественное. Их божества просто большие, чем нормальные люди, мужчины и женщины, вот и все...

— Или меньше, — сказал Гимс, — или меньше...

Ему пришла в голову мысль, что он сам будет считаться у аборигенов богом. Что-то вроде Иисуса, может быть... Такая перспектива привела его в хорошее настроение. Он не будет жаловаться. В конце концов, разве он не командир? Они должны отдавать ему должное.

Он посмеялся про себя, а потом сосредоточился на пилотировании. Его внимание привлекла огромная кварцевая скала на юге, длинная черная тень от которой падала на траву, скорее коричневую, чем зеленую. Радар сообщил, что почва достаточно плотна, чтобы выдержать огромный вес корабля. Поверхность не была совершенно ровной, но система приземления действовала автоматически.

Потом на экране появилась хорошо видимая площадка, трава которой казалась скорее желтой, чем коричневой или зеленой. Была ли то трава или тысячи маленьких цветов? Это не имело значения. Гимс чуть развернул корабль, он был почти на земле. Высота упала с десятка метров до одного, потом менее метра. В течение долгих секунд корабль опускался, грохоча двигателями. Гимс ощутил мягкое сотрясе-

ние, почти незаметное колебание, и огромные телескопические амортизаторы поглотили удар. Непрерывный грохот сменился слабым шелестом. Да, корабль устойчиво сел на три ноги и элерон.

— Выключить двигатель, — приказал Гимс.

* * *

— Мы пойдем к ним? — спросил Виллиамс. — Или они пусть придут к нам?

Гимс озадаченно хмыкнул.

Он посмотрел на экран большого телескопа, направленного на городок. Люди большого роста и пропорционального сложения носили легкую одежду или были наги. У мужчин и женщин преобладали светлые волосы, но иногда встречались и темные. Все взрослые мужчины были бородаты. Люди с любопытством разглядывали блестящую башню, упавшую с неба.

Даже собаки, твари с длинной шерстью, похожие на волков, пристально взирали на корабль.

Гимс с некоторой завистью посмотрел на этих людей — предков эллинов, которые позднее (через сколько времени?) заселят эту страну, и прозаически сказал:

— Что, если впустить немного свежего воздуха в нашу консервную банку?

— К вашим услугам, командор! — весело откликнулся Виллиамс.

Он связался с машинным отделением. Через несколько секунд вентиляторы перестали перегонять отработанный воздух внутри корабля и стали втягивать наружный воздух. Кто-то чихнул. Запах сосен был очень силен и смешивался с неизвестным пряным ароматом.

В городке жизнь была ключом. Люди входили в свои дома и снова выходили. Начал образовываться небольшой кортеж. Мужчина более высокого роста, чем остальные, надел на себя грубые кожаные латы и прицепил короткий меч с широким лезвием, блестящим, как золото, в лучах утреннего солнца — может, то была бронза? Полдюжины других мужчин, тоже в латах, вооруженные копьями с кремневыми наконечниками, выстроились следом. К ним присоединился лохматый великан, такой же большой, как вождь, но намного шире его в плечах и очень мускулистый, небрежно обернутый в звериную шкуру, длинная шерсть которой смешивалась с волосами, густо покрывавшими его тело. Он был вооружен большой грубо обтесанной палицей. За ними шли музыканты, играющие на чем-то, напоминающем волынку, и трое барабанщиков, несущих через плечо инструменты, сделанные из выдолбленных деревянных пней, обтянутых кожей, их палки были из костей, сверкающих белизной.

Кто-то на командном пункте включил микрофон, направленный наружу. Стали слышны пронзительные звуки волынок и грохот барабанов.

Обращаясь к тем членам экипажа, которые считали себя шотландцами, Гри姆с заметил, что музыка мало изменилась за прошедшие века.

— Вы совершенно уверены, что это Греция, командор? — спросил Виллиамс.

— Я не вижу юбок, — сказал Карнаби, которого, казалось больше интересовали женщины, замыкавшие шествие, чем мужчины. — Они даже не носят кожаного передника, как шотландцы.

Вместе с офицерами Гри姆с смотрел на экран. Обитатели города медленно приближались к кораблю, ведомые боль-

шим мужчиной в латах и великаном в звериной шкуре. Позади них шли музыканты, потом копьеносцы, и в конце кортежа женщины, совершенно голые, идущие с естественной грацией людей, с детства привыкших носить тяжести на голове. И эти женщины были нагружены... большими кувшинами и корзинками. Одна из них несла маленькое животное, козленка или ягненка.

— Жертва? — спросил Гримс у Майхью.

— Нет, командор. Не обязательно. Эти их соображения... неясные. Я слышу их мысли, но среди них нет никого, способного принимать телепатемы. Жертва? Я сказал бы, скорее — предложение мира.

— Забавная реакция для примитивного племени...

— Не настолько. Они должны еще увязать наше появление с их собственными представлениями о богах. Как я только что сказал, их боги скорее сверхчеловеческие, чем сверхъестественные.

— И, вероятно, я поступлю правильно, если спущусь и встречу этих... предлагающих мир?

— Я считаю, что да.

Гримс подумал о том, что неплохо бы переодеться в парадную форму с треуголкой и шпагой для церемонии. Но едва ли эти люди сумеют оценить такое великолепие. К тому же, температура воздуха за бортом корабля была уже 25 градусов и не переставала повышаться. Он решил, что шорт и рубашки будет достаточно, а его самая красивая фуражка с золотым лавровым листом на околыше, которую не портило время, довершила наряд. Не в Греции ли было придумано, чтобы лавровый венок считался знаком доблести?

— Очень хорошо, — сказал он Виллиамсу. — Пусть откроют заднюю шлюзовую камеру и спустят лестницу.

Потом обратился к Хендрику:

— Подготовьте легкую артиллерию, чтобы контролировать пространство вокруг корабля. И я вас предупреждаю: ни одного неверного или поспешного жеста! Стрелять лишь только по моему приказу.

Затем он повернулся к Далзеллу:

— Я хочу иметь охрану, капитан. Вы сами и шестеро ваших лучших людей, самых верных. Да, наденьте вашу парадную фуражку при обычной тропической форме.

— А оружие? — спросил Далзелл и как бы с сомнением добавил: — Командор.

— Ммм... только парализующее.

— Я бы посоветовал пистолеты. Пуля в шестнадцать миллиметров бьет насмерть.

— Только парализующее, — твердо повторил Гrimс. — Если оно будет недостаточно действенно, мистер Хендрик сможет наделать много шума своими игрушками для вашего удовольствия.

Капитан ничего не ответил, небрежно поклонился и большими шагами вышел из командного пункта.

«Еще один неудовлетворенный клиент», — подумал Гrimс. Но недовольство моряков мало его интересовало.

Он спустился к себе в каюту за фуражкой, посмотрел, как переодевается Сонна, заменяя короткую юбку брюками со стрелками. Он ничего не сказал, догадываясь, что такова была ее реакция на наготу чужеземных женщин. Как большинство женатых мужчин, он уже давно перестал ждать от своей жены логических поступков.

— Готова? — спросил он.

— Готова, — ответила она.

Он последовал за ней к парадной шлюзовой камере.

Глава 15

Гримс медленно спускался по лестнице, согласуя свои шаги с теперь уже недалекими ударами барабанов. Уши болели от пронзительного визга волынок. Позади шел Далзелл со своими моряками. Все шестеро были очень высоки, тусклая расцветка их униформы компенсировалась сверканием ярко начищенных знаков отличия на груди.

Сонна шла справа. Майхью — слева. Позади них выстроились Далзелл и его подчиненные. Появление их из корабля испугало процессию: барабанщики пропустили несколько ударов, волынщики прекратили пронзительный визг волынок. Но двое в начале процессии продолжали невозмутимо идти вперед. Первый, видимо, вождь, шел, подняв свой сверкающий меч, второй — косматый гигант, небрежно несший на плече огромную палицу, не отставал от него. После некоторого колебания другие тоже стали приближаться, но в их поведении не чувствовалось уверенности вождя.

Гримс не шевелился. Он надеялся на парализаторы в руках моряков.

Менее чем в двух метрах от астронавтов человек в латах остановился. Великан сделал еще один шаг, потом отступил, чтобы встать рядом. Барабаны и волынки, к счастью, совсем смолкли. Копьеносцы и женщины, несущие дары, сгруппировались немного сзади.

Гримс невозмутимо посмотрел на человека в латах, сохранив выражение лица, как позднее сказала ему Сонна, достойное адмирала Хлонброцера. Туземцы уставились на него.

«Мне что, попросить его проводить меня к вождю? — спросил себя Гримс. — Но ведь вождь-то — он. Безусловно».

Грубые латы не могли скрыть великолепных пропорций

его тела. Шлем и бронзовый меч явно доказывали высокое положение.

Внезапно вождь взмахнул рукой с мечом, и Сонна издала слабый крик. Далзелл немедленно отдал приказ своим морякам.

— Нет, — быстро прошептал Майхью, — спокойнее, капитан, — а потом обратился к Гrimсу: — Все идет хорошо, командор!

Вождь переложил меч в левую руку и опустил его острием вниз, к земле. Правая рука, пустая и открытая, поднялась в приветственном жесте. Гrimс ответил, поднеся руку к фуражке.

«А теперь? — спросил он себя. — Я должен принять решение...»

— Пока еще нет, — вслух ответил его мыслям Майхью. — Сначала они хотят узнать, что мы им дадим.

— Нет, это немного позднее. Мы должны доказать наше превосходство, и это будет нетрудно сделать, — сказал Гrimс, уверенный в могуществе своего оружия и в том, что огромный корабль произвел сильное впечатление на туземцев. — Фактически, это ведь и так видно.

— Я не знаю, — сказала Сонна, — я не знаю...

Она с восхищением рассматривала красивую фигуру вождя. Потом Гrimс обнаружил, что она смотрит уже не на вождя, а на великана рядом с ним.

— Ммм... — недовольно промычал он.

Вождь туземцев что-то сказал на своем языке. У него был важный, музыкальный голос, и слова произносились в определенном ритме. Майхью шепнул:

— Я подслушал его мысли по мере того, как он говорил. Наш борец должен побороться с их борцом.

Гrimс посмотрел на тяжелый бронзовый меч. Даже теперь, когда владелец держал его в левой руке, опустив вниз, он казался грозным.

— А мы можем выбирать оружие? Я могу выбрать то, которое захочу?

— Вы должны бороться не с вождем, а с Гераклом. Вот он, с палицей. И мне кажется, это должен быть поединок без оружия.

Гримс почувствовал некоторое облегчение. У вождя был человек, который будет бороться вместо него. А то, что достаточно хорошо для вождя, достаточно хорошо и для командира космического корабля. Но... Но сможет ли он приказать кому-нибудь помериться силами с этой волосатой горой мускулов? Вождь банды дикарей имел возможности, утраченные простыми командирами космических кораблей...

Далзелл подошел и обратился к начальнику.

— Мне кажется, я понял, командор. Вам нужен борец, который разбил бы морду этому Гераклу, или как его там. Конечно, если вы не предпочтете заняться им сами.

— Я не чемпион по боксу или кетчу, капитан.

— Я не сомневался в этом. Но все мои люди специализировались в единоборствах. Я могу спросить, не найдется ли доброволец?

— Я прошу вас об этом, капитан.

Добровольцем оказался моряк Титанов. Он быстро разделся и остался в одних трусиках. Без одежды он мог бы сойти за близнеца Геракла. Лохматый великан свирепо улыбнулся, и Титанов ответил ему тем же. Они были похожи на двух псов, показывающих друг другу зубы. Геракл отдал свою палицу одному из копьеносцев, скинул звериную шкуру и отбросил ее огромной ногой. Шкуру подобрала одна из девушек и с восторгом прижала к груди. Гигант напряг свои мускулы, и они заиграли, перекатываясь, как большие змеи... Он два раза кулаками ударил себя в грудь, откинув назад голову и завыл, как волк.

Тем временем вождь уверенно отдавал приказания. Его люди образовали нечто вроде круга, метров десяти в диаметре, в центре которого встал борец.

Геракл засмеялся и поднял правую руку: она была толще бедра нормального человека. Он сжал кулак. Ему не нужна была тяжелая палица. Кулака было достаточно.

Вождь повернулся к Гrimсу. Он ничего не сказал, но его бородатое лицо было достаточно выразительно: «Твой человек готов?»

— Да, — ответил Гrimс.

Он надеялся, что моряку удастся победить противника.

Вождь взял меч в правую руку, поднял его и резко опустил. Барабанщики судорожно забили в барабаны. Волынки издали короткий пронзительный вой.

— Идите, Титанов, идите! — приказал Далзелл.

— Иди, иди! — закричали моряки.

Титанов пошел. Он шел медленно, собравшись, слегка сгорбив широкие плечи. Он дошел до круга, и люди потеснились, чтобы дать ему пройти. Какая-то женщина на секунду задержала его, чтобы с любопытством ощупать материю его трусиков. Несмотря на кажущуюся массивность, Титанов двигался исключительно легко. Руки были свободно опущены, ладони — открыты. Но это ни о чем не говорило: удар карата был более опасен, чем просто удар кулаком. Он наконец оказался рядом с Гераклом, который внезапно взмахнул кулаком и ударил, как молотом. Если бы он попал по голове моряка, его мозги вывалились бы на траву.

Но кулак прошел мимо. Титанов очень легко, с грацией балетного танцора, уклонился... и со страшной силой ударили Геракла ногой в живот. Геракл завопил, упал плашмя на землю, обхватив руками живот. Плечи гиганта затряслись, и его стоянило.

Гrimс услышал, как Далзелл отдал приказ своим моря-

кам приготовиться к бою и понял, что капитан боится, как бы удар ниже пояса не вызвал нежелательной реакции у местных жителей. Он схватил Сонну за руку с намерением толкнуть ее к лестнице при первом признаке опасности.

Майхью тихо рассмеялся.

— Не беспокойтесь, Джон. Для них это правильная борьба. Они принимают решение.

— Будет лучше, если мне не придется демонстрировать им нашу силу на их собственной шкуре.

— Вам не придется.

Женщины окружили Титанова. Одна из них неведомо откуда достала зеленый венок и возложила победителю на голову. По всей видимости, побежденный борец не был популярен.

— Титанов! — проворчал Далзелл, а потом громко закричал: — Титанов!

— Мой капитан? — наконец ответил моряк.

— Одевайтесь! Немедленно!

— Хорошо, мой капитан.

Титанову наконец удалось вырваться из кольца почитательниц. Им пришлось его отпустить, и он медленно направился к кораблю. Казалось, его совершенно не смущало то, что он потерял свои трусики.

Глава 16

— **А** теперь? — спросил Гримс у Майхью.

Он с сожалением посмотрел на Геракла, стонавшего, скрючившись на траве.

— Может быть, я должен вызвать врача? Что можно сделать для этого бедного малого?

— Нет, не надо. Я вам этого не советую. Мне кажется, что захарка или колдунья не замедлит появиться, чтобы заняться им.

— А что говорит вождь?

— Он приказывает женщинам предложить нам свои подарки.

— Да? И что же я должен сделать?

— Вы должны приветливо принять их. Скажите им что-нибудь приятное, улыбнитесь.

— Ммм... Я полагаю, что смогу сделать это. А я что-нибудь должен дать им?

— Только вождю, Джон. Мне кажется, что его зовут Гектор.

— А что доставит ему удовольствие?

— Он более или менее надеется, что вы подарите ему что-нибудь из оружия.

— Никаких разговоров об огнестрельном оружии, — твердо сказал Гримс.

Он оказался в затруднительном положении. В любое другое время при контакте вокруг него была бы толпа специалистов, способных дать разумный совет. А тут в его распоряжении не было даже простого этнолингвиста. Впрочем, ему еще повезло: он располагал двумя превосходными телепатами: их талант помогал ему, насколько возможно, переступать языковой барьер.

— Отдай ему свою парадную шпагу, — предложила Сонна. — Я никогда не любила этот древний нож!

— Нет!

— Если я осмелюсь сделать вам предложение, — вмешался Далзелл, — то мой сержант-пиротехник иногда развлекается изготовлением довольно забавных арбалетов.

— Спасибо, капитан. Это отлично решает проблему.

Далзелл сказал несколько слов в браслет-передатчик, а потом сообщил Гrimсу:

— Арбалет будет здесь через пять секунд, командор.

— Отлично!

Вождь медленно приближался, церемонно размахивая сверкающим мечом. Позади него выстроились в цепочку женщины с сосудами и корзинками. Они шли с удивительной грацией, среди них были блондинки и несколько брюнеток, все с прекрасной золотистой кожей, блестевшей на солнце. Гrimс и остальные мужчины не могли скрыть своего восхищения.

— Бойтесь данайцев, дары приносящих, — сухо процитировала Сонна.

— Да? — сказал Гrimс, — очень забавно.

— Но достаточно проверено, мой дорогой.

Теперь вождь держался настороженно, сбоку от процессии женщин. Первая в ряду, скульптурная блондинка, медленно приблизилась к Гrimсу, двумя руками сняла с головы амфору и, легко упав на колени, поставила сосуд у ног командора. Потом женщина встала, поклонилась и ушла.

— Ты даже не поблагодарил ее, — ядовито сказала Сонна. — Но, без сомнения, тебе было не до хороших манер.

— Я полагаю, что в этом сосуде масло, — сказал Майхью, — оливковое масло.

К Гrimсу по очереди подходили другие женщины. По мере того как каждая ставила свое подношение, он машинально улыбался и бормотал:

— Спасибо... спасибо.. спасибо...

Некоторые корзины содержали зерно, в других были фрукты.

«В остальных кувшинах, — подумал он, — должно быть, вино или пиво».

— Командор! Командор!

Это прибежал сержант-пиротехник.

— Арбалет, командор!

— Да? Спасибо!

Гримс взял оружие, тяжелое, но не слишком, и принялся с любопытством и восхищением его рассматривать. В обойме, достаточно широкой, мог поместиться довольно большой металлический кубик. Несмотря на сложную конструкцию, арбалет никогда не смог бы быть скорострельнее современного оружия, но тем не менее он был оружием, полезным, мощным и действенным.

Вождь подошел к Гримсу и нагнулся, разглядывая арбалет. В его глазах читалась преждевременная радость и жадность.

— Не продемонстрируете ли вы арбалет, сержант? — спросил Гримс, возвращая арбалет моряку.

Сержант, ворча от напряжения, двумя руками натягивал тетиву, пока не послышался сухой щелчок. Потом из сумки на пояссе он вытащил металлический кубик и зарядил арбалет. Затем, положив его на плечо, замер в ожидании.

— Куда стрелять, командор? — спросил сержант.

Вождь догадался о смысле, даже не понимая языка. Он широко улыбнулся и пальцем указал на несчастного Геракла. Побежденному борцу удалось сесть, и старая морщинистая женщина поднесла к его губам какое-то питье в сосуде.

Сержант был способен выстрелить в него, но Гримс за протестовал.

— Нет! Категорически нет!

— Я могу выбить из рук старухи кувшин, командор...

— Не может быть и речи! Стреляйте туда!

Он указал на небольшую скалу из белого камня, метрах в двухстах отсюда.

- Это может испортить кубик, командор.
- Будет очень жаль! Цельтесь, стреляйте!
- К вашим услугам, командор, — недовольно пробурчал сержант.

Натянутая тетива щелкнула, мелодично зазвенев. Маленький кусочек металла засверкал на солнце, летя к скале. Он ударил, и внезапно поднялось облачко пыли. Когда пыль улеглась, можно было видеть расколотую на две части скалу: удача сопутствовала выстрелу, кубик попал в скрытый дефект скалы.

Вождь воскликнул нечто явно одобрительное. Он положил свой меч на землю и протянул обе руки к новой игрушке. Любовно взяв арбалет, он почти без усилий натянул тетиву. Гrimс осторожно, насколько это было возможно, переместился, чтобы встать между вождем и тем, кого тот мог избрать своей жертвой. Сержант дал ему металлический кубик.

Стадо овец паслось на траве возле корабля. Вождь опять улыбнулся, показав все свои отличные зубы, и старательно прицелился в черного барана, идущего во главе стада. Ему сначала было трудно понять принцип действия оружия, но потом наконец он выстрелил.

Это опять был счастливый выстрел, кубик попал несчастному животному прямо в голову между рогами.

«Что же я делаю?» — спросил себя Гrimс, почувствовав угрызения совести. Потом он решил, что лук уже, безусловно, должен существовать, и появление арбалета в этом мире, даже на несколько тысячелетий раньше, едва ли изменит историю.

- Клиент доволен, — с гордостью заявил Далзелл.
- Ммм, — отозвался Гrimс.

Глава 17

После обмена подарками — несколько ножей, два молотка и одна пила за корзины с продуктами, сосуды с маслом, пивом и молоком — туземцы вернулись в город. Гrimс подумал, не следует ли проводить их, но Майхью посоветовал ему не делать этого.

— Они не станут протестовать, Джон, они слишком учтивы по природе. Но праздник назначен на этот вечер, и они должны подготовиться к нему.

— Какой праздник? — спросил Гrimс.

— А ты рассчитывал получить пригласительную карточку? — спросила Сонна.

— Нет, без сомнений... Итак, будет праздник, если я правильно вас понял, Кен?

— Да, в нашу честь.

— Тогда эти продукты могут оказаться нам полезны. Капитан Далzell, пожалуйста, прикажите отнести эти подарки к биохимику и попросите его вместе с врачами выяснить, сможем ли мы пробовать здешние вина и другие продукты без вреда для себя.

— Хорошо, командор.

— И еще, капитан..

— Командор?

— Не будет никакого, я повторяю, никакого братания с туземцами. Я отдаю такой же приказ Виллиамсу для всех астронавтов на борту, женщин и мужчин.

— Понятно, командор.

Гrimс обратил внимание на выражение лиц моряков Далzелла. Если бы взгляды могли убивать, он не прожил бы и

секунды. Титанов казался еще более обозленным, чем его товарищи.

— А как с... этим праздником сегодня вечером? — спросил капитан.

— Увидим позднее, я вас предупрежу.

Гримс услышал, как один из солдат пробормотал:

— Опять пирушка только для начальства...

* * *

Вернувшись на борт корабля, Гримс пригласил в свою каюту Виллиамса, Майхью и Кларисс.

— Мы знаем, где находимся, — сказал он им, — но по-прежнему не знаем, в каком времени.

— Сейчас, очевидно, идет бронзовый век? — спросил Виллиамс. — Меч этого вождя похож на бронзовый.

— Слишком приблизительно, — заявила Сонна. — Другими словами, это не пятнадцать дней или три недели.

Гримс сердито заворчал. Его жена, как всегда, была права. Эпоха бронзы, последовавшая за каменным веком, продолжалась долго. Но когда она, в сущности, началась? Он ничего не знал и сомневался чтобы кто-нибудь на борту знал об этом. Машины памяти на корабле были переполнены информацией обо всем, что можно себе представить, за исключением древней истории Земли.

— Судя по всему, — сказала Сонна, — мы в начале бронзового века.

— Как вы вычислили это? — спросил Виллиамс.

— Предметы из металла так редки, что они полагаются только вождям. Вождь здесь имеет бронзовый меч, а наконечники копий у его солдат — кремневые.

— Возможно, — согласился Гrimс. — Это возможно. С другой стороны, может быть, это какое-нибудь отсталое и очень бедное поселение. Так же как и в наше время, не все имеют возможность добыть себе современное оружие.

— Существует очень мало планет, которые этого не могут! — воскликнула Сонна. — Пушки раньше масла — это всегда было одним из принципов человечества. Так было всегда; еще задолго до того как этот сумасшедший немецкий диктатор — как там его звали? — Гитлер, кажется, выдумал эту фразу.

— Значит, мы можем предположить, — сказал Гrimс, — что предметы из бронзы редки и дороги.

— Ты можешь предполагать все, что тебе угодно, мне же кажется, что это очевидно, — заметила Сонна.

— Ммм!.. Две тысячи лет до рождества Христова? Три тысячи лет? Я перечитывал греческую историю когда-то, но немногое смог извлечь из нее. К тому же мне никогда не удавалось запомнить даты. Если я правильно помню, эта земля была колонизована различными народами, некоторые пришли из-за моря, другие — по суще. Наши друзья из городка похожи на кочевников, но у них должны быть лошади, а мы их не видели.

— Случается, что лошади дохнут, — сказала Сонна. — Возможно, в прошлом эпидемия унесла всех лошадей, так что люди были вынуждены остаться на месте и обосноваться здесь.

— Но у них должен быть скот, — настаивал Гrimс.

— А козы и бараны.

— И фиги, — добавил Виллиамс. — А также маленькие груши.

— Откуда вы это знаете?

— Я посмотрел в корзины, когда моряки принесли их на борт.

— Надеюсь, что вы только посмотрели! — сказала Соня.

— Я был вынужден сделать это, — признался Виллиамс. — У меня нет ни малейшего желания подхватить болезнь. И все же я надеюсь, что местная кухня будет признана пригодной для наших людей.

— Да, я тоже надеюсь на это, — сказал Гримс. — Сегодня вечером состоится праздник. Кен, вы имеете представление о том, что нас ожидает?

— У них есть мангалы, — ответил телепат. — Они уже начали бить баранов и коз.

— У меня начинает течь слюна, — сказал Виллиамс.

— Я очень сожалею, Вилли, — сказал ему Гримс, — но вы не будете в числе приглашенных.

— Ну что вы! Будьте великодушным!

— Я очень сожалею об этом. Но совершенно необходимо, чтобы кто-нибудь охранял корабль. Я считаю, что небольшой отряд должен оставаться на борту. Вы будете командовать в мое отсутствие, с вами останется Хендрик, который в случае необходимости сможет устроить демонстрацию силы, и офицер-механик или его помощник. И, конечно, все те люди, которые, вы считаете, будут вам необходимы.

— Кстати, о механиках. Их шеф хотел осуществить полную ревизию инерциального двигателя. Он считает, что не следует улетать до тех пор, пока он не будет уверен, что все идет, как по маслу.

— Увидим, как сегодня вечером пойдут дела. Если все будет спокойно, он сможет заняться этим завтра. А пока предупредите о собрании всего экипажа в шестнадцать часов.

Экипаж «Фарави Квест» нервничал, когда около шестнадцати часов все собирались в главном зале. Корабль окружал нетронутый мир, чистый, купающийся в солнечных лучах. А внутри был все тот же бесцветный, мрачный интерьер и затхлый воздух, смешивавшийся с запахом сосен, проникающим сквозь систему аэрации.

Гримс, поднявшись на высокую платформу, сразу привлек всеобщее внимание.

Он открыл собрание и заявил:

— Вы все наверняка будете довольны, узнав, что образцы пищи и алкоголя, принесенные на борт, определены как безвредные для человеческого организма. Тем не менее необходимо, чтобы каждому был сделан антибиотический укол, чтобы сохранить здоровье во время пребывания в этом мире. Это также уменьшит риск заражения от туземцев, особенно после нашего долгого пребывания в космосе, когда мы, если можно так сказать, стали стерильны. Конечно, я имею в виду всевозможные инфекции, — добавил он с иронической усмешкой.

Как вы уже знаете, сегодня вечером в городке организуется праздник. Мне дали понять, что это делается в нашу честь, и за исключением небольшого отряда для охраны корабля — список людей будет вывешен на доске объявлений мистером Виллиамсом — мы все будем там присутствовать. Капитан Далzell проследит, чтобы его люди были одеты в костюмы моряков. Личное оружие будет только у старших офицеров, но моряки остальных чинов могут сохранить парализующие дубинки. Вместе с тем, ни в коем случае оружие не должно быть применено, за исключением случая чрезвычайной провокации.

Все присутствующие на празднике должны вести себя корректно. Помните, что вы послы. Воздержитесь от чрезмерного употребления алкоголя, и если будете пить, не забывайте про антиалкогольные пилюли, которые будут выданы всем. Не приставайте к женщинам. Что касается вас, леди, старайтесь избегать слишком тесного контакта с мужчинами. И не забывайте, что даже вне корабля вы должны соблюдать дисциплину. Это все.

Он услышал, как кто-то пробормотал:

— С таким занудой-наблюдателем это будет еще тот проклятый праздничек, заверяю тебя!

Глава 18

Солнце село, и серебристый серп луны, появившийся в слабом свете заката, завис над вершинами гор на востоке, когда пришло приглашение к празднику.

Небольшая процессия вышла из городка: шесть мужчин, несущих сосновые факелы, четыре барабанщика и двое играющих на волынках, все были одеты в бараньи шкуры, защищающие от вечерней прохлады. Туземцы с музыкой обошли вокруг корабля.

— Можно сказать, это почти серенада, — сыронизировал Гримс.

— Я понимаю их мысли, — сказал ему Майхью. — Это традиционная мелодия, Джон. Ее исполнение означает примерно вот что: «Приходи к нам, это праздник...»

— Лучше бы они сыграли это на пишущей машинке, — вмешалась Сонна.

— Мы можем привести наших больших блондинов и кра-

сивых брюнетов? — громко сказал Гримс, встал и взял свою форменную, более скромную, фуражку. Он был одет в комплект номер три: тунику и шорты цвета хаки, толстый черный свитер и черные ботинки. Это была одежда, регламентированная для экскурсий по Земле при температуре ниже тропической. Кроме того, на материю не оставалось пятен, что было удобно в случае таких праздников.

Прежде чем выйти из своей каюты, Гримс сказал своему заместителю:

— Я не ожидаю никаких неприятностей, Вилли, но если они будут, мы позовем вас на помощь.

— Я буду все время слушать, командор. Хорошенько развлекайтесь.

Гримс открыл шествие к задней шлюзовой камере в сопровождении Сонны, Майхью и Кларисс. Остальные уже собрались — астронавты и моряки Далзелла посторонились, чтобы дать Гримсу возможность первому спуститься по трапу.

Когда он поставил ногу на землю, к ним приблизились люди с факелами. Отсалютовав, они повернулись и с музыкантами по бокам направились в городок. Гримс и его спутники последовали за ними, далее двигалась большая группа мужчин и женщин под предводительством Карнаби и, наконец, капитан Далзелл и его моряки.

В наступающей темноте идти было нелегко: вспышки факелов больше мешали, чем помогали. По счастью, большинство камней удавалось обойти. Тем не менее Гримс поздравил себя с тем, что надел прочные ботинки.

Таким образом они шли под звуки варварской музыки к темному скоплению домов, между которыми пылали костры. Ветер доносил до них аромат жареного мяса. Гримс обнаружил, что облизывается. Никто не мог бы сказать, что на

борту корабля кто-нибудь умирал от голода, но в течение нескольких недель искусственно культивированные продукты теряли свой вкус и свойственные им качества.

Внезапно барабаны и волынки смолкли. Но музыка все же была. Это в городе пели песню, в которой в определенном ритме и последовательности сливались мужские и женские голоса.

— Что это такое? — спросил Гrimс у Майхью.

— Это... это приветственный гимн.

Телепат споткнулся о камень и упал бы, если бы его не поддержала Кларисс.

— Гимн предназначается богам.

— Богам? — спросил Гrimс.

— Я вам повторяю, что эти люди смотрят на богов, как на старших братьев. Мощных, но не всесильных, к тому же имеющих множество человеческих слабостей.

— Что касается последнего, то по отношению к нам — это истинная правда.

Они подходили к городку. Низкие дома выглядели черными силуэтами на фоне костров, которые, как показалось Гrimсу, были расположены на каком-то возвышении. Пение усилилось. Гrimс увидел огромную, колеблющуюся в ослепляющем свете тень, приближающуюся к нему. Носители факелов и музыканты расступились, чтобы пропустить вновь прибывшего. Это был вождь Гектор. В одной руке он держал свой меч и арбалет, в другой — гигантскую кружку. Вождь протянул кружку Гrimсу, которому пришлось взять ее двумя руками.

— Пейте! — шепнул ему Майхью, — пейте до дна.

Гrimс поднес кружку к губам, попробовал и решил, что надо с этим поскорее покончить. Он очень любил пиво — а это было пиво, — но запах и вкус этого напитка оставляли

желать лучшего. В кружке, кроме того, плавали какие-то хлопья.

Гримс собрал все свое мужество и стал глотать.

— Уф! — выдохнул он, быстро осушив кружку. В напитке явно присутствовал алкоголь.

Теперь вождь вел их к месту, где уже начался праздник, проклятый праздник, по мнению Гримса. На городской площади было по крайней мере пять больших костров. Два пылали для освещения, остальные были горящими углами, над которыми потрескивали насаженные на вертела туши, и каждая капля жира, падающая на угли, превращалась в фонтан искр. Старухи занимались кухней, а молодые женщины танцевали, приветствуя экипаж корабля. Три красотки, совершенно голые, окружили Гримса, и одна из них повесила ему на шею венок из немногого увядших цветов,

— И кому ты отдашь яблоко? — прощептала Сонна.

Три грации были очень красивыми девушками с позолоченной солнцем кожей. Блондинка, которая надела на него венок, обвила стройными, но мускулистыми руками его шею и, встав на цыпочки, подставила ему свое лицо. Он колебался лишь секунду, прежде чем поцеловать ее в губы, перепачканные жиром. «Она уже попробовала жареного барашка», — подумал Гримс.

— Довольно, — проворчала Сонна.

Гримс заставил себя снять прохладные руки со своей шеи, взял блондинку за плечи и, развернув, оттолкнул. Он не удержался и дружески шлепнул ее по ягодицам. Она вскрикнула от радости.

Горожане проводили на место возле большого костра Гримса и его группу, Карнаби с астронавтами, Далзелла и его моряков. Они разместились на траве, приятно обогреваемые огнем костра. Туземцы принесли им питье. Гримс с

опаской попробовал, на этот раз в сосуде оказалось вино, немного слабое, но не такое противное, как пиво. Им подали грубый хлеб, нарезанный тонкими пластинами, огромный кусок жареного мяса, приправленного луком и чесноком. Все это происходило под грохот барабанов и пронзительные звуки волынок.

Многие танцевали.

Группа девушек вертелась вокруг какого-то колосса с венком из зеленых листьев на голове, который глупо смеялся, пытаясь их поймать. Гrimс сперва подумал, что это — Геракл, и был доволен, что побежденный борец так быстро поправился. Геракл? Нет. Это был Титанов, моряк.

Он толкнул локтем Сонну.

— Ты видишь?

— И что же? — спросила она.

— Он... он становится туземцем. — И подумал: — «Я должен остановить это.»

Гrimс почувствовал, что его мысли путаются. Он поискал в карманах антиалкогольные пилюли и проглотил две.

С трудом он встал и подошел к Далзеллу, развалившемуся на траве в компании двух девушек. Одна из них кормила его кусками мяса, который разрывала своими прекрасными зубами, а другая подносила к его губам кружку.

— Капитан!

— Командор...

— Ваш человек, борец...

— Какой человек? Где?

— Там...

Но когда Гrimс хотел пальцем указать на место, он обнаружил, что Титанов исчез вместе с девушками. Недалеко от Далзелла лежала кучка одежды и парализующая дубинка.

— Что вы об этом скажете, капитан?

— Это от костров так жарко, командор. Мне тоже хочется раздеться.

— Но...

Было действительно жарко, и не хотелось оставаться заключенным в эти плотные одежды... Гимс стал расстегивать пуговицы своей туники, когда пронзительный звук волынки привлек его внимание. Он повернулся и пришел в ужас, хотя необъяснимым образом в то же время находил совершенно естественным то, что увидел. Мимо него прошла, пританцовывая, женщина из его экипажа. Он вспомнил ее имя: Мегги Макферсон. На ней были лишь ботинки и пилотка, надетая наоборот, она играла на одной из туземных волынок так хорошо, как только можно играть на подобном инструменте. Он даже узнал мелодию — традиционную «Скотленд зе Брав». С Мегги вместе танцевали три другие женщины, квартет молодых механиков, с полдюжины туземцев и двое детей.

Гимс протянул руку, чтобы задержать ее.

— Мисс Макферсон?

Музыка оборвалась звуком, похожим на крик зарезанной свиньи.

— Мисс Макферсон, что это значит?

— Что, командор?

— Вы... вы неприлично одеты.

— У меня моя пилотка, командор.

— Играй нам, Мегги! — крикнул один из механиков.

— Джон!

Это был напряженный голос Майхью.

— Что такое, Кен?

Гимс не расслышал ответ телепата в пронзительном вопле волынки.

— Говорите громче!

— Это вино, Джон! — заорал Майхью. — Это не то, которое мы анализировали. Там есть еще что-то. Грибы, содержащие галлюциногены, я полагаю.

— Возможно! — пробормотал Гримс.

Что бы там ни было, наркотик превратил праздник в настоящую оргию. Картина, освещенная пламенем костров, могла бы быть написана Иеронимом Босхом. А вместе с тем, если Гримс и чувствовал возмущение, то только потому, что ему казалось, он должен быть возмущен.

— А что, Кларисс, вы можете контролировать людей?

— У нас уже достаточно трудностей, чтобы контролировать самих себя... Карнаби еще более или менее владеет собой, и Брэнда Колес... Но за исключением их... Нужно сделать что-нибудь, Джон. Наше оружие валяется повсюду и может кому угодно попасть в руки.

— А где, к дьяволу, Сонна? — Гримс огляделся вокруг, но ее не увидел. Вместе с Майхью он вернулся туда, где оставил ее. Ее кофточка лежала на траве, тут же валялся пояс с пистолетом, и рядом — шкура с чем-то блестящим, металлическим.

Стальной арбалет...

Гримс сказал себе, что он должен думать обо всем экипаже, а не об одной женщине, даже если она — его жена. Кроме того, он прекрасно знал, что в случае необходимости Сонна способна защититься. Прежде всего он должен положить конец этой... этой вакханалии, а потом уж разберется во всем.

Он поднес к губам свой браслет-передатчик.

— Командор вызывает «Квест». Командор вызывает Виллиамса. Вы меня слышите? Отвечайте.

Ему ответил женский голос, и Гримс вспомнил, что это Макоби, офицер-помощник, занимающийся электронными коммуникациями, она осталась на борту.

— Говорит «Квест», командор. Билл, я хочу сказать Виллиамс, сейчас подойдет.

— Виллиамс, командор. Что-то неладно?

— Больше того. Прежде всего скажите Хендрику приготовиться оросить городок «морфи Д». Но чтобы он не открывал огонь до моего приказа. Мы постараемся как можно скорее убраться отсюда. Пришлите кого-нибудь из корабля нам навстречу с респираторами. Понятно? Повторите.

— Понял, командор. Хендрик должен зарядить свои пистолеты, но не должен стрелять до вашего распоряжения.

— Точно. Мы скоро вернемся. Конец связи.

Появилась Кларисс вместе с Карнаби и Брендой Колес. Они казались в более или менее нормальном состоянии, но были несколько мрачны. А потом, к удивлению и большому облегчению Гrimса, прибежала Сонна. Ее длинные грациозные ноги казались неприлично голыми под черным свитером.

— Этот... этот грубян! — задыхалась она.

— Оставь, бежим скорее отсюда.

— Но... моя одежда...

— Пошли, я тебе говорю.

Гrimс схватил жену за руку и повлек в сторону корабля.

Позади них кто-то вопил, как злобное животное. Что-то просвистело между Сонной и Гrimсом, почти задев их.

«Стреляет Гектор, — понял Гrimс, — из арбалета».

Потом последовал второй выстрел, металлический кубик едва не задел их, потом третий...

— Ложись! — закричал Гrimс и быстро заговорил в свой передатчик. — Командор — «Квесту». Откройте огонь!

С башенки на вершине корабля вырвалось бледное пламя, а потом, через некоторое время, послышалась бесконечная

серия детонаций. Снаряды из пушек Хендрика просвистели над ними, и почти немедленно послышался грохот разрывов.

Гримс представил себе, как тяжелый газ спускается на городок, обволакивая дома.

Внезапно пение и дикие крики с барабанным боем стихли. Но одна волынка продолжала визжать: Мегти Макферсон? Это могла быть только она. Еще долгие минуты она сопротивлялась воздействию газа, пронзительная жалоба ее волынки смешивалась с шумом начавшего падать дождя.

В конце концов, Мегти пришлось вдохнуть газ, и наступила полнейшая тишина.

Глава 19

Виллиамс прилетел на одном из мощных рабочих катеров. Он включил прожектор, Гримс и остальные встали, размахивая руками, чтобы привлечь его внимание. Виллиамс осторожно посадил тяжелый летательный аппарат в метре или двух от группы и спросил:

— Черт побери, что же такое произошло?

Гримсу трудно было говорить, он чувствовал, что его охватывает сон, более глубокий, чем тот, который мог бы вызвать избыток алкоголя. Ценой сверхчеловеческого усилия он заставил себя рассказать все по порядку и закончил:

— Дела стали совершенно... недопустимыми. Осталась только одна возможность: усыпить всех...

— А вы уверены, что сами не глотнули газа, командор? У вас такой вид...

— Это... наркотик.

— Вы, значит, думаете, что вас одурманили?

— Думаю? Я знаю, что нас одурманили, — с горечью ответил Гrimс, немного приходя в себя.

Он отчетливо помнил вкус и запах этого так называемого пива, его консистенцию. По счастью, оно ему не понравилось, и он выпил лишь одну кружку. Скорее всего, туземцы действительно использовали грибы. Это казалось логичным.

— А сейчас что будем делать, командор?

Гrimс собрался с мыслями и отдал приказ. Он и остальные надели противогазы и поднялись на борт рабочего катера. Виллиамс включил двигатели и медленно полетел на небольшом расстоянии от земли к городку. Двигатели производили страшный шум, но их никто не слышал: «морфи Д» действовал по крайней мере шесть часов. На городской площади еще горели костры, правда, там оставались лишь угли, которые в ярком свете прожектора казались просто серым пеплом. Гrimс нагнулся и пристально посмотрел перед собой: он вдруг понял, что снаряды могли упасть в горящие угли, и ему стало страшно. К счастью, этого не случилось. Спящие находились в безопасности.

Виллиамс поставил свой катер на узкой уличке, выходящей на площадь. Гrimс спрыгнул на землю, и все последовали его примеру. Моросящий дождик затуманил его очки, и он сомневался, что сможет отличить даже при помощи сильного фонаря, который дал ему Виллиамс, членов своего экипажа от туземцев. Нагота анонимна.

Первой он обнаружил Мегги Макферсон. Здесь нельзя было ошибиться. Она по-прежнему прижимала к сердцу во-лынку. Инструмент был похож на маленького антропоида-монстра, которому она давала грудь. Форменная пилотка невероятным образом держалась на голове, прикрывая рыжие кудри. Она была в сапогах, и Гrimс засмеялся, что было нелегко сделать в противогазе. Если и остальные будут с

таким уважением относиться к своей униформе, как молодая шотландка, их будет не так трудно разыскать.

И задача оказалась не слишком трудной, но достаточно хлопотливой. Все члены экипажа «Квеста» были обуты в сапоги, но, когда на городок опустился усыпляющий газ, многие занимались такими вещами, что в конце концов Виллиамс пробормотал:

— Надо было захватить с собой камеру... Какой бы фантастический фильм получился. Дюжина людей в четырех позициях...

— Закрой свой рот и работай, — проворчал Гrimс. — Все очень скверно и без твоих насмешек!

Виллиамс знал, скольких надо искать, и вел счет подобранным. Именно Виллиамс объявил, что не хватает Титанова, и, кроме того, додумался, где того надо искать. Наконец; моряка нашли в одном из домов. С тела гиганта понадобилось снять не меньше шести беспорядочно валявшихся девушек, прежде чем его удалось вынести наружу.

Затем стали подсчитывать подобранные оружие. Офицерские пистолеты и парализующие дубинки моряков вместе с грудой одежды отнесли на катер. Сонна обнаружила свои и быстро надела их.

— Мы должны найти вождя, — сказал Гrimс.

— Зачем? — спросил Виллиамс.

— Этот подонок стрелял в нас. Я отберу у него арбалет.

Вооружившись электрическими фонариками, двое мужчин медленно обошли спящий городок. Через некоторое время, после напряженных поисков, лучи фонарей осветили двух лежавших один на другом гигантов. Один из них был Гектор, мертвый, с раскроенным черепом. Другой — Геракл, с арбалетом, послужившим орудием убийства.

«Король мертв... и кто же будет следующим королем? — подумал Гrimс. — Но это уже не мое дело».

Глава 20

Ночь была длинной, утомительной, и Гrimс чувствовал себя еще несколько одурманенным после пива с грибами. Сонна тоже, как и все остальные.

Williamс, естественно, вел себя раздражающе весело, как человек совершенно трезвый, и без его усилий сонный экипаж добрался бы до постелей только днем: заря уже пылала на востоке, когда работа была, наконец, закончена.

Гrimс снял только свитер и ботинки. Его отношения с Сонной стали несколько натянутыми, хотя ему и казалось сомнительным, что вождь мог действительно от нее чего-то добиваться, Гrimс, тем не менее, пожелал лечь отдельно. Как только его голова коснулась подушки, он погрузился в глубокий сон.

Когда Гrimс, вздрогнув, проснулся, перед его носом покачивалось дуло пистолета крупного калибра.

Пистолет держал в руке мерзко улыбавшийся Далзелл.

— Капитан? — воскликнул Гrimс. — Что это значит?

— Не капитан, командор, — возразил ему тот. — Нет больше капитана. Вы будете называть меня Ваше Величество.

«Пьян он, что ли? — подумал Гrimс. — Галлюцинирует на полную катушку... мне нужно обращаться с ним осторожно». — И сказал: — Не будете ли вы так любезны убрать это.

— Ваше Величество, — настойчиво повторил Далзелл. — Нет, я не буду так любезен. И вы вбейте себе в вашу дурацкую башку, что отныне я буду отдавать приказания.

Это было уже слишком!

— Вы сошли с ума! — крикнул Гримс.

— Нет, командор. Я только лишь стал правильно мыслить. Это пиво с грибами, или не знаю, с чем еще, прояснило мне мозги. И я вижу вещи в нужной, правильной перспективе. Для чего кружить по Галактике, даже не зная, что мы ищем? А здесь имеется королевство, здесь, сейчас, для того, кто захочет его взять.

— Вы совершенно сумасшедший!

— Полегче, командор. Или, вернее, экс-командор. Я рукою кораблем.

— Вы?! Вы не астронавт!

— У меня под началом войско. Хендрик тоже со мной, а он мастер астронавтики. Кроме того, меня поддерживают артиллерийские офицеры. И Даниелс. И механики. И врачи — все мои.

Он расхохотался, увидев обеспокоенное лицо Гримса.

— Не стоит нервничать... пока. Все ваши любимчики живы. Возможно, мы сможем их утихомирить.

— Моих... любимчиков?

— Обоих домашних телепатов, Виллиамса, Карнаби, их дорогих...

— Их дорогих?

— Командор, вы меня удивляете! Вы даже не знаете, что происходит на вашем, то есть, теперь уже не на вашем корабле. Виллиамс и Карнаби остались вам верны, одни боги Галактики знают, почему! А обе девушки, Рут Макоби и Бренда Колес, преданы своим мужчинам. Все достаточно просто.

Гримс наблюдал за пистолетом в руках Далзелла.

— Что значит — достаточно просто? — холодно спросила Сонна.

Она стояла на пороге каюты, по-прежнему в черном сви-

тере и брюках цвета хаки, вооруженная «Минети» своего мужа. Мощный маленький автоматический пистолет был направлен прямо на капитана.

Далзелл стал громко и весело смеяться.

— Если вы нажмете на спуск, миссис Гrimс, или, если предпочитаете, командор Берилл, я тоже выстрлю, и ваш муж получит хорошую очередь. Больше того...

Он слегка свистнул. Гrimсу не надо было поворачивать голову, чтобы увидеть двух моряков, вошедших в помещение.

— Итак? — грустно прошептала Сонна.

— Итак, вы бросите ваше оружие, миссис Гrimс или командор Берилл. Мне больше нравится миссис Гrimс. Диплом командора космографической земной секции Опознания не очень-то весом здесь, не так ли?

— Сделай то, что он тебе сказал, — наконец, посоветовал Гrimс.

— «Он»? Вы забылись, командор! Что сказал король.

— Капитан повысил себя в чине, — объяснил Гrimс.

Странная вещь, но Далзелл принял это неплохо. Он улыбнулся.

— Существовала возможная вакансия, и я ее занял. Я представил свои верительные грамоты, надеюсь, блестящие, — иронически проговорил он, а потом его лицо посусровело. — Встань, командор! Я потерял с вами слишком много времени. Мои люди проводят вас в пустой отсек, который будет служить нам здесь, на борту, тюрьмой!

— Мне необходимо взять... — начала Сонна.

— Вы ни в чем не будете нуждаться! У вас будет еда и питье и мусоропровод. Ну, поворачивайтесь, шевелите своими задницами!

Гrimс вздохнул. Один мужчина и одна женщина, без-

оружные, против трех вооруженных мужчин, очень настороженных и бдительных... Он почти сожалел, что Сонна не использовала свой пистолет, несмотря на очень возможный скверный результат. Теперь оружие было на полу, вне пределов досягаемости.

— Хорошо, — сказал он, вставая с дивана. — Хорошо.

Гримс и Сонна медленно спустились в глубину корабля. За исключением сопровождавших их моряков, они никого не видели. Командор спрашивал себя, избегал ли их экипаж по собственному желанию или...

Отсек, в который их провели, был идеальным местом для тюрьмы. Он использовался, как склад мясной культуры в специальных баках. Там были скамейки и умывальник. Даже для шестерых места было вполне достаточно. В отсеке уже были заперты Виллиамс, Карнаби, Рут Макоби и Бренда Колес. На грубой физиономии Виллиамса не было живого места. Он, по крайней мере, сопротивлялся. Когда Гримса и Сонну втолкнули в помещение, Виллиамс иронически прорычал:

— Добро пожаловать на борт, командор. Это дворец свободы, вы можете сколько угодно плевать на пол и прогонять кота.

Гримс игнорировал предложение.

— А где Кен и Кларисс?

— Полагаю, их держат в другом месте. На них, вероятно, набросились в первую очередь, чтобы они не смогли нас предупредить. Заметьте, они ничего не знали относительно планов Далзелла и его проклятых грубиянов, защищенных от вмешательства телепатов техникой Ордоноски.

— Но остальные? Остальные члены экипажа? Кен, безусловно, должен был получить предупреждение. Мятеж не происходит внезапно, он подготавливается.

— Всему имеется начало, командор. Не забывайте, что вы были полностью одурманены проклятым пивом с грибами. И очень возможно, эта мерзость притупила способности Кена, вместо того, чтобы обострить их. К тому же Кена и Кларисс нет с нами, и очень жаль. Если бы мы были все вместе, мы бы что-нибудь придумали...

«Но они, Кен и Кларисс, могут нас «слышать», — подумал Гrimс. — Кларисс могла бы телепатически перенестись сюда, если у нее есть под рукой, чем рисовать, но Далзелл не настолько глуп. Это совершенно невозможно».

Он увидел слабый свет. Невозможно?

В его мозгу возникло четкое изображение. Где бы они ни находились, оба телепата были не очень далеко и, соединив усилия, смогли связаться со своим командиром.

Гrimс очень четко увидел внутренность отсека, довольно похожего на их. Там стояли две скамейки с матрацами на них. На одной плашмя на животе лежал Майхью, а на другой — Кларисс. Каждый из них был надежно привязан к своему ложу.

Но Кларисс действует, как телепередатчик, только если сможет нарисовать место, куда они будут перемещены.

Глава 21

Прошло три недели.

Пленники не имели никакой возможности следить за временем: Далзелл позаботился о том, чтобы они были лишены всех своих личных вещей, всего, что могло быть им полезным, начиная с часов. Еда им подавалась через разные промежутки времени, и ее было достаточно только для того,

чтобы не умереть с голоду, не больше. Причем их кормили исключительно сэндвичами — это было сделано для того, чтобы не надо было пользоваться такими предметами, как вилки и ножи, хотя едва ли вилки можно рассматривать, как оружие, сравнимое с пистолетами.

Медленно текло время.

Борода Гrimса росла. Он ее не видел: в отсеке, конечно, не было зеркала, но Сонна уверяла, что борода ему совсем не идет. Борода у Виллиамса тоже выросла, но она шла ему. Карнаби, благодаря эпилляции, навсегда лишился бороды.

Сонна старалась изо всех сил заботиться о внешности, но элегантность все же потеряла. Бренда Колес, которая никогда не была элегантной, потеряла в весе. Рут Макоби, с длинными спутанными волосами, скорее худая, чем изящная, стала похожа на фею Карабас. Характер женщин портился по мере того, как портилась их внешность.

Самым тяжелым была скученность. Сначала они шутили на этот счет, но со временем смеяться им расхотелось.

А что происходило в это время на свободе?

Что делалось на корабле, нетрудно было догадаться. Видимо, Дэвис, офицер-механик, имел неприятности с проверкой инерциального двигателя. Будь поблизости базовая мастерская со всеми необходимыми материалами, работа могла быть закончена очень быстро, но здесь, разумеется, все было намного сложнее. Целыми днями плениники слушали непрерывный стук молотков, однако проверка моторов не проводилась ни разу.

А вне корабля?

Время от времени Майхью и Кларисс передавали Гrimсу телепатическое картины, полученные ими от членов экипажа, выходивших из корабля. Командор с беспомощным ужасом пронаблюдал казнь на городской площади: трое мужчин

с седыми бородами были испепелены моряками Далзелла с помощью лазерных ружей... Затем Гrimс видел, как те же моряки вытащили из домов шесть девушек и унесли их. Правда, на сей раз его утешило то, что девицы явно сопротивлялись лишь для вида.

Далзелла он тоже /иногда видел. Капитан, носивший теперь исключительно парадную форму, заменил фуражку на нечто, напоминающее корону. Гrimс видел капитана, наблюдавшего за постройкой будущего дворца: три этажа и башня, чтобы увеличить высоту здания, которое должно было подняться над всеми домами. Еще Гrimсу случилось видеть капитана, проводящего смотр своей армии, состоящей уже не только из моряков, но и довольно большого количества туземцев. У последних на копьях были металлические наконечники.

«Этот постоянный грохот молотков, — подумал Гrimс. — Вероятно, дело не только в ремонте мотора. Некоторые механики, скорее всего, стали оружейниками».

Гrimс не один получал телепатические передачи Майхью и Кларисс. Их получали и другие пленники, кроме Рут Макоби и Бренды Колес, которые внимательно слушали рассказы остальных.

— Этот проклятый моряк! — ругался Виллиамс. — Он отлично проводит время!

— Чего мы не можем сказать о себе, — проворчала Сонна.

— Но что он собирается сделать с нами? — спросил Карнаби. — Командор, вы изучали подобного рода дела. Как это происходило в прошлые века? Пиратство, мятежи и прочее. На море.

— Ну да, Джеймс, — согласился Гrimс.

— Что же происходило в большинстве случаев с жертвами пиратства и мятежа?

Казалось, молодой человек уже жалел, что задал этот вопрос, но тем не менее он настаивал на ответе.

— Что же, в основном, происходило...

Гримс сам уже не раз думал об этом.

— Это зависит, — сказал он, — от пиратского капитана или вождя мятежников, от жестокости его людей. Некоторые жертвы должны пройти «доску», что на самом деле гораздо менее забавно, чем кажется. Это один из ужасных способов казни. Других оставляли на необитаемом острове, третьих — в открытом море на маленькой лодке...

— И у них был шанс, — пробормотал Карнаби. — После этой тюрьмы любой необитаемый остров показался бы мне раем.

— Все, конечно, зависело от ситуации, — сказал Гримс. — Здесь мы защищены от непогоды, и у нас есть, чем утолить голод.

— Пораженческое мнение, Джон.

— Ммм... Может быть. Не забывай, что многие, мечтавшие избежать Харибды, наталкивались на Сциллу.

— Но у капитана должно же быть намерение на наш счет? — настаивала Сонна.

— И хорошее ли оно? — спросил Виллиамс.

«Вероятнее всего, нет, — подумал Гримс. — Безусловно, нет. Судебный процесс с публичной казнью... посмеет ли Далзелл? Может быть, капитан посчитает рискованным устраивать процесс, но казнь докажет всем, что он теперь шеф».

Гримсу показалось, что эта мысль возникла в его мозгу не без помощи Майхью и Кларисс.

— Ты думаешь?.. — спросила Сонна.

— Да.

— Я тоже, — сказал Видлиамс.

— Вы... вы получили что-нибудь? — воскликнула Бренда Колес.

— Я не знаю... мне кажется, — ответил Гримс, пытаясь улыбнуться. — Мне кажется, что Далзелл скоро превратится в одного из мерзких подонков.

— В таком случае, я выскажу мысль, — воскликнул Видлиамс, которая меня давно мучает. Этот тип, этот капитан, он по-настоящему желает зла командору, Сонне и мне. Он не может себе позволить дать нам уйти. Но нет никаких оснований, чтобы молодые — Джеймс, Бренда и Рут — пострадали. В следующий раз, когда моряки принесут еду, нужно передать Далзеллу, что наши друзья хотят быть верными Его Величеству. Вы ведь очень нужны ему.

— Нет, — сказал Карнаби.

— Нет, — сказали обе девушки.

— Если у вас есть хоть на грош здравого смысла, — сказал им Гримс, — вы согласитесь.

— Нет! — категорически отказались все трое. И никто не смог их переубедить.

Спустя несколько часов дверь отсека открылась.

«Не спешат», — подумал Гримс. На сей раз их заставили очень долго ждать обеда. Даже надоевшие сэндвичи показались бы изумительным блюдом.

Но пакета им не передали. Освобождение? В тот же миг надежда угасла. Скорее всего, кто-то из моряков пришел, чтобы проводить желающих в туалет.

— Ладно, — наконец, сказал Гримс. — В чем дело?

Ему ответил женский голос, неизвестный и вместе с тем забавно знакомый. Женщина сказала:

— Быстро, Джон! Вам нужно завладеть кораблем.

— Какого черта...

Двумя прыжками он очутился у двери и оказался нос к носу с совершенно голой блондинкой, безусловно, девушкой из городка. Она пристально посмотрела на него. И у него внезапно создалось впечатление, что кто-то другой смотрит на него ее глазами.

— Нельзя терять времени, Джон. Далzell и почти весь его экипаж отправились на праздник в городок. На борту только маленький отряд.

— Да... Кто вы?

Девушка засмеялась и ответила:

— Хотите верьте, хотите нет, но я — Кен. Елена, которую вы видите, восприимчива к телепатическому контролю. Ее держали на борту, чтобы дежурный отряд не скучал. Эти умники сами себя наказали, едва они перепились, Елена подобрала ключ.

Это было логично, достаточно логично. Майхью мог это сделать, но Гrimс пожалел, что телепат не позаботился об оружии. Впрочем, несмотря ни на что, он и его друзья имеют преимущество неожиданности. Попав в командный пункт, они будут иметь в своем распоряжении весь арсенал корабля. В несколько минут с помощью «морфи Д» можно будет овладеть городком.

— Правильно, — подтвердила девушка голосом, еще более похожим на голос Майхью.

— А Кларисс и вы?

— Не теряйте времени, Елена нас освободит, когда вы будете на пути к командному пункту. Но действуйте быстрее!

— Вы слышите? — закричал Гrimс, поворачиваясь к своим товарищам по тюрьме. — Пошли!

Он отстранил девушку и устремился по коридору к цен-

тральной площадке, где вызвал лифт. Зажглись огни, кабина была невысоко, и сразу опустилась. Дверь отворились, и пленники вместе с девушки вошли в кабину лифта.

— Оставьте меня... Пусть Елена опустится на палубу отчаливания, — сказал ее губами Майхью. — Мы находимся там, в одном из отсеков.

— Мы вас подождем, — сказал Гимс.

— Нет, поднимайтесь в командный пункт как можно скорее. Дежурный офицер проснулся и ищет Елену... и ключи. Не беспокойтесь о нас, Джон. Поднимайтесь...

После секундного колебания Гимс отправил лифт вниз. К несчастью, не было никакой возможности контролировать скорость лифта. Его кабина была настоящей клеткой. Как только дежурный поймет, в чем дело, все они окажутся снова пленниками.

Лифт резко остановился, и в тот же миг заревела сирена тревоги. Дежурный, включивший сигнал, очень торопился и не выяснил, где находится кабина лифта. Удача улыбалась Гимсу и его друзьям. Кабина остановилась на палубе отчаливания.

— Быстро! — приказал Гимс. — Прыгайте!

Лифт встал на пятьдесят сантиметров выше палубы, но это не имело значения. Помещение теперь было герметически закрыто; отрезано от остальной части корабля непроницаемыми дверьми. Не было ни выхода наверх, ни влево, ни вправо, но друзья были на палубе отчаливания.

Номер три оказался ближайшим из множества отсеков.

— Катер номер три! — бросил Гимс. — В каком он состоянии, Билл?

— Был в порядке, командор, когда я его проверял в последний раз. Он может отвезти нас, куда угодно.

— Тогда мы его возьмем.

Он побежал за Еленой к отсеку, в котором были заперты Майхью и Кларисс. Гримс вырвал связку ключей из рук девушки и открыл дверь. Он увидел пленников, лежащих на скамейках с наручниками на руках и ногах, освободил их и был удивлен той живостью, с какой они спрыгнули со своих скамеек.

«Наверно, — подумал он, — им позволяли делать упражнения. Они были нужны Далзеллу».

Гримсу не надо было сообщать телепатам ни о чем. Ни слова не говоря, они последовали за ним на палубу отчаливания. Когда они уже были готовы к отлету, Гримс спросил:

— Где Елена?

— Она убежала, как только я вышел из ее мозга. Она прячется. Она боится.

— Попытайтесь снова взять под контроль ее мозг. Мы не можем оставить ее здесь!

— Я... я пытаюсь, Джон. Но у нее есть воля... Ей...

— А что означает этот шум? — воскликнула Сонна.

Теперь, когда сирена тревоги смолкла, они услышали другой звук, слабый и далекий, что-то вроде воя. Далзелл и его мятежники возвращались из городка.

«Безусловно, — подумал Гримс, — он не станет винить туземку в нашем бегстве. Но я не хотел бы оказаться в шкуре дежурного по отряду».

— Все системы готовы, — закричал Виллиамс. — Пора убегать!

Гримс кивнул и занял место пилота. Он закрыл люк, а затем нажал на кнопку, открывающую наружную дверь корабля. Ничего не произошло. Дверь не дрогнула. Из командного пункта можно было контролировать все системы корабля.

Но спасательный катер — это спасательный катер, поз-

воляющий покинуть корабль практически при любых слу-
чаях.

«Спасательный выход должен функционировать», — подумал Гримс и не ошибся. Когда он нажал на красную кнопку, нечто вроде взрыва распахнуло дверь, а затем другой взрыв вытолкнул катер из корабля. Если бы инерциальный двигатель не заработал, они, как снаряд, ударили бы по городку... но катер резко взмыл по вертикали, преследуемый трассирующими пулями, выпущенными кем угодно, только не Хендриком.

— Этот тип, — с неприязнью проговорил Виллиамс, — заставит плакать артиллерийского офицера.

— Не волнуйтесь, — посоветовала ему Сонна.

Глава 22

Катер имел отличный ход, его оснащение было в прекрасном состоянии, и он был полностью снабжен всем необходимым на случай аварии. Гримс не сомневался, что сможет доставить всех на Марс или на любую другую планету Солнечной системы. «Квест» ремонтируется и не сможет их преследовать. К несчастью, вооружение корабля действовало.

Гримс повернулся к Майхью:

— Кен, попытайтесь проникнуть в мозг Хендрика. Узнайте, что он собирается делать.

— У меня уже есть контакт. Я понимаю его мысли. Даль зелл приказал ему уничтожить нас в воздухе.

Гримс выругался. Это означало конец всему. Если одна из стратегических ракет «Квеста» попадет в катер, их ждет

короткий, раскаленный и зреящий для постороннего наблюдателя ад.

Инерциальный двигатель работал на пределе, но Гrimс не мог надеяться уйти от грозных орудий, стреляющих к тому же по видимой цели. Должны были пройти долгие, долгие минуты, прежде чем беглецы будут в безопасности.

Гrimс, нервничая, посмотрел в иллюминатор и увидел, что его товарищи делают то же самое. Смотреть было не на что, сквозь облака, по крайней мере... Может быть, они увидят лишь ослепительную вспышку...

Майхью тихо проговорил:

— Хендрик уверяет Далзелла, что стратегические снаряды в данном случае бесполезны... но, — он удивленно продолжил, — но я думаю, что он лжет!

У Гrimса появилась некоторая надежда. Может быть, Хендрик все же не убийца?

— Огонь, — прошептал Майхью.

— Подождем! — с наигранной веселостью воскликнул Виллиамс. — Подождем!

— У нас нет выбора, Билл, — проворчал Гrimс.

Он боролся с желанием резко изменить курс, что могло превратить дальний прицел в прямую наводку. Он мог лишь, стиснув зубы, надеяться на доброе сердце артиллерийского офицера.

Наконец, ожидание кончилось.

Под катером и по правому борту облака были разорваны взрывом. Короткая и яркая вспышка огня мгновенно испарила туман. Солнце, созданное человеком, вспыхнуло и потухло. Ударная волна докатилась до катера, и, несмотря на звукоизоляцию, грохот был оглушающим. Ударила первая волна, потом вторая и, наконец, третья, приподнявшая правый борт. Гrimс исходил потом, вцепившись в рычаги уп-

равления, чтобы удержать катер на курсе. Мощные вихри, порожденные детонацией ядерной боеголовки, казалось, могли разнести катер на части, а пассажиров выбросить в пустоту.

Все время вверх! И выше... и все выше...

Наконец, катер поднялся над облаками, но все были ослеплены вспышкой взрыва и не смогли сразу увидеть ни сверкающие звезды на темном небе, ни желтоватый серп луны в последней четверти на востоке.

Внизу были облака, огромные кучевые облака, они клубились, меняя форму, падали и перемещались вокруг того места, где взорвался снаряд.

— Огонь, — повторил Майхью мысли и слова Хендрика.

Гримс ничего не сказал. Он знал, что должен набирать высоту, еще большую высоту, и даже тогда не может быть твердой уверенности в спасении. Инерциальный двигатель протестующе заворчал, но скорость увеличивалась.

Второй залп был дан тремя снарядами с ядерными боеголовками. Гримс подумал, что Хендрик сознательно промазал, но все же взрыв произошел слишком близко. Ослепительный огонь разлился по поверхности облаков, превращая их в пылающие острова.

Майхью весело рассмеялся.

— Мы тоже хотим посмеяться, Кен, — сухо проговорила Сонна. — Мы очень нуждаемся в поднятии морального духа.

— Этот последний залп был сделан четырьмя снарядами.

— Да нет же, тремя, — протестовал Карнаби.

— Взорвались лишь три снаряда, Джеймс, четвертый был холостым.

— И что же? — спросил навигатор. — Ни один до нас не долетел.

— Да, но... Но Хендрик — специалист-артиллерист, а

Далзелл в этом ничего не понимает. Хендрик сказал ему, что первый снаряд был прицельный, что было на самом деле. А потом, для наблюдателей на корабле, взрывы второго залпа, произошедшие в облаках и практически одновременно, показались одним взрывом. Радар показал что-то падающее, потерявшее управление, и проследил падение до моря. Далзелл, как и ожидалось, решил, что это мы.

— Если Хендрик так предан, — проворчал Виллиамс, — почему же его нет среди нас?

— Потому что он этого не хочет, Билл. Он считает, что его будущее — на Земле.

Гримс слушал, слегка посмеиваясь.

— Весьма возможно. Ведь, в конце концов, его имя Тор.

— Это притянуто за волосы, — возразила ему Сонна. — А остальные? Есть ли среди них хоть один, о ком идет речь в мифологии?

— Эти двое моряков-крепышей, — предположила Бренда Колес. — Двойняшки... Их зовут Ромул...

— Ромул и Рем? О, нет! Нет!

— Почему, нет, Сонна? — спросил Гримс. — Если пойти по этому пути, то имя второго механика Кен, Виллиам Кен, или Билл Кен. Бил-Кен, или Вулкан?

Сонна нехорошо улыбнулась.

— По крайней мере, ты не выдаешь себя за Зевса, отца всех богов.

Гримс вздохнул. Он хорошо знал, что его предположения были лишь наполовину верны. Он перевел катер на автоматический пилотаж, подозвал Карнаби и показал ему в широком переднем иллюминаторе красноватую точку Марса, почти двойника Антареса, тоже красноватого, в нескольких градусах южнее.

— Вот цель, Джеймс. У нас есть минивычислительная

машина, которая стоит не больше, чем электронные счеты, и не очень-то поможет при навигационных вычислениях. У нас даже нет эфемерид планет Солнечной системы. Вы считаете возможным привезти нас на Марс?

— Безусловно, командор, — заверил его Карнаби.

— Но почему Марс? — спросила Сонна. — Мы будем в достаточной безопасности от Далзелла и его банды в южном полушарии земли, особенно если он считает нас убитыми.

— Хендрик знает, что нас не убили. Он дал нам шанс, но он не примет нашего возвращения. Я ошибаюсь, Кен?

— Совсем нет, Джон. Я скажу, что он думает: «Вот я избавился раз и навсегда от этого старого невыносимого ворчуна! И ему не скрыться среди аборигенов Австралии...»

— Значит, исключается даже Австралия. А ведь очень возможно, тем не менее, что моряки согласились бы нам помочь.

— Когда у курицы вырастут зубы, командор, — бросил Виллиамс, — но всегда можно попробовать.

— Мы попробуем, — ответил Гримс.

Глава 23

Спасательный катер создан для того, чтобы спасать жизнь: он не обеспечивал комфорта. Тем не менее беглецам повезло. Катер был рассчитан на пятьдесят человек, а их было лишь восемь, то есть у них было достаточно места даже для некоторой интимности. На борту было шесть туалетов, что входило в систему обеспечения жизни. В этом смысле пассажиры были здесь устроены почти так же хорошо, как и на «Фаави Квест». Один из ящиков содержал

запас пластиковых перегородок, их было больше, чем требовалось, чтобы устроить отдельные каюты. Гримс пробормотал что-то о «проклятых шатрах цыган», но никто не принимал его всерьез. Запаса воды, годной для питья, должно было хватить до окончания полета. Пищи, в большинстве своем консервов, было много, исключительно питательной, но безвкусной.

Батареи были заряжены и давали необходимую энергию, чтобы вывести катер в атмосферу и на орбиту. Приведение в действие двигателя требовало немало времени и энергии, но управление им было устроено так, чтобы первый попавшийся, умеющий читать, мог заставить его работать, что было большим плюсом в случае, если среди пассажиров не окажется квалифицированного механика.

Естественно, существовал инерциальный двигатель, но он был маломощен для межзвездных перелетов. Двигателя Маншенна на катере не было. Катер тем не менее был снабжен аппаратом Карлотти, а также устройством связи КНТ. Он был неспособен пересечь межзвездные пространства, но мог связаться с любым кораблем, оснащенным соответствующими средствами связи. Путешествие внутри планетной системы было вполне возможным, а перелет от Земли до Марса мог продлиться всего лишь пятнадцать дней.

Гримс объявил им об этом, когда они в первый раз за jakiakali на борту катера.

— Что? Пятнадцать дней? — воскликнула Сонна. — В этой коробке из-под сардин?

— Не жалуйся, — посоветовал ей Гримс и заговорил о долгих и трудных путешествиях, которые люди совершили на деревянных судах по океанам Земли. — А мы, по крайней мере, не рискуем попасть к каннибалам, — закончил он свой монолог.

— Ах, да, — пробормотала Сонна, с отвращением глядя на бледное содержимое своей ложки. — Ты веришь в это? Впрочем, после нескольких недель этой... этой гадости нам, может быть, захочется съесть друг друга.

— Ну, Сонна, не надо нервничать, — весело проговорил Виллиамс, — первые пятьдесят лет самые трудные, а потом все пойдет хорошо.

— Мы говорим о днях, не о годах, — вмешался Карнаби.

— Пятнадцать дней, — прошептал Гримс, — достаточно времени, чтобы что-то придумать, но и не слишком много. Для начала мы можем попытаться дать понять марсианам, что летим к ним с миром. Это ваше дело, Кен и Кларисс. Попробуйте добиться контакта с марсианским телепатом. Вы играйте на том, что мы бедные, потерпевшие кораблекрушение...

— А мы и есть потерпевшие кораблекрушение, — сказала Сонна.

— Ммм... не такие уж мы несчастные, раз у нас есть маленький корабль. Но не стоит объяснять это марсианам. Итак, у кого-нибудь есть предложения? Положительные, я хочу сказать, — добавил Гримс, выразительно взглянув на жену.

— Мне хотелось бы знать, командор, — вмешалась Рут Макоби, — не смогла бы и я тоже попробовать наладить контакт. Наш приемник КНТ на ультракоротких волнах может принимать издалека...

Гримс задумался.

— А языковой барьер, Рут? — наконец, сказал он. — Кларисс и Кен работают больше при помощи мысли, чем слов... Гм... Но направленные сигналы, даже если это будет не что иное, как повторение сигналов азбуки Морзе, объявит

им о нашем появлении, покажет им, что мы не пытались застать их врасплох...

— И если предположить, что они все время находятся на приеме, — сказала Сонна.

— Так и будет, — отрезал Гримс, — как только наладится телепатический контакт.

«К тому же это не имеет никакого значения, — подумал он. — Главное, чтобы люди все время были чем-то заняты».

— А ничего нельзя сделать, чтобы улучшить качество пищи? — спросила Сонна.

Гримс повернулся к Бренде Колес.

— Что помощник биохимика может нам предложить? Простите меня, Бренда, на этом корабле вы — главный биохимик.

Маленькая блондинка улыбнулась.

— Процесс приготовления пищи — это довольно таинственно... Но я надеюсь, что в следующий раз у меня получится лучше. На камбузе есть много провизии, по вкусу напоминающей цыплят, бифштексы, омаров, там много кофе, шоколада, ванили... Беда в том, что я никогда не была хорошим кулинаром.

— Тогда это касается тебя, Сонна. Бренда будет отпускать необходимый набор протеинов, витаминов и еще, я не знаю, чего, а ты постараешься превратить эти ингредиенты во что-нибудь съедобное.

— Жареный цыпленок, — задумчиво прошептала Сонна.

— Что-что? — воскликнул Виллиамс. — Мне послышалось, что речь идет о цыпленке...

— Правильно, Билл! Цыпленок, жаренный по-особенному, — это мексиканское блюдо. Цыпленок со специальным

соусом. А этот соус приготавливается на основе горького шоколада.

— Уф! — издал выразительный звук Виллиамс.

— И другой необходимый ингредиент для соуса, — вмешался Гrimс, — это сухая кровь цыпленка. Да, хорошо. Я не думаю, что в нашем меню будет такой цыпленок. Вы делайте все, что хотите, девочки, и помните, что ваши клиенты не рискнут покинуть вас ради другого ресторана.

— Но они всегда смогут убить шеф-повара! — весело бросил Виллиамс.

Гrimс надеялся, что никто не захочет этого сделать. Его люди найдут, чем заняться в течение двух недель путешествия. О Виллиамсе ему нечего было беспокоиться. Этот всегда найдет себе дело. А Карнаби сможет пилотировать катер и будет счастлив. В конце концов, если им станет невмоготу, у них есть еще ящик с играми, карты, игральные кости. Это не будет роскошный круиз, но все могло быть гораздо хуже...

Глава 24

Это было не очень долгое путешествие.

Им всем уже приходилось оставаться в космосе гораздо дольше, но в иных условиях, просто роскошных по сравнению с теми, в которых они сейчас оказались. На больших кораблях были организованы развлечения, путешественникам представлялась тысяча возможностей позабавиться, кроме того, им предлагалась пища, которую они с удовольствием ели. На катере принятие пищи превратилось в неприятную обязанность. Несмотря на все старания Сонны и Бренды, несмотря на различные эксперименты с продук-

тами, патока оставалась патокой. Внешний вид и консистенция пищи так же важны, как и ее вкус...

Самым счастливым был Карнаби. Гримс почти сожалел о том, что навигатор остался ему верен. Сам командор всегда обожал навигацию, всегда утверждал, что это скорее искусство, чем ремесло. Но он также утверждал, что глупо иметь сторожевую собаку и лаять самому. Значит... Карнаби был офицером-навигатором, видимо, прямым потомком древних смельчаков, пускавшихся в дальние и опасные плавания по морям Земли на утлых деревянных суденышках. Гримс помогал Карнаби, когда тот просил об этом, но редко.

По огромной дуге катер мчался в пространство, и его инерциальный двигатель ритмично гудел. В межпланетной пустоте он летел по направлению к красноватому Марсу, который с каждым днем заметно приближался.

Кен и Кларисс редко покидали свое отделенное пластиковыми листами убежище, но не оставались праздными. Гримс отчетливо слышал их тихие голоса, формулирующие мысли телепатических передач: «Потерпевшие крушение вызывают Марс... Вы слышите нас?.. Пожалуйста, ответьте». Радиотелефонный стиль казался чрезмерно упрощенным, но его употребление было логичным.

Они летели, летели...

Марс теперь казался шаром, большим оранжевым шаром, пылающим в темном море пространства, на его поверхности уже различались черные пятна материков и белые ледниковые купола полюсов. Карнаби заявил о необходимости замедления движения. Он и Гримс сели у пульта управления и заставили катер повернуться вокруг своей оси, чтобы инерциальный двигатель давал ускорение противоположного уп-

равления. Во всяком случае, понадобятся дни, прежде чем торможение полностью осуществится.

Наконец, Майхью вышел из своей каюты и сказал:

— Я связался с ними, Джон. Я связался с тем же марсианином, что и в первый раз, когда нас прогнали, как злоумышленников.

Гримс закончил последнюю проверку вычислений и повернулся к Карнаби.

— Катер в полном вашем распоряжении, Джеймс. Итак, Кен, что хорошего?

— Мне кажется, все неплохо. Они не запрыгали от радости, узнав, что мы к ним летим, но, думаю, понимают, что нам некуда деться. Они позволят нам приземлиться при условии, что мы не будем им мешать.

— Очень любезно с их стороны. Нет, я не шучу. После небольшого выступления Хендрика в прошлый раз у них нет желания знакомиться с нами. Ммм... Итак, я вам советую договориться с Рут, срочно связаться с ними и попросить, чтобы они по радио направляли наш катер. Мы опустим это маленько такси точно в том месте, которое они нам укажут...

— И, может быть, попадем в западню? — предположила Сонна, как всегда пессимистически настроенная.

— Да нет, они не такие, — заверил ее Майхью.

— Надеюсь, что вы не ошибаетесь.

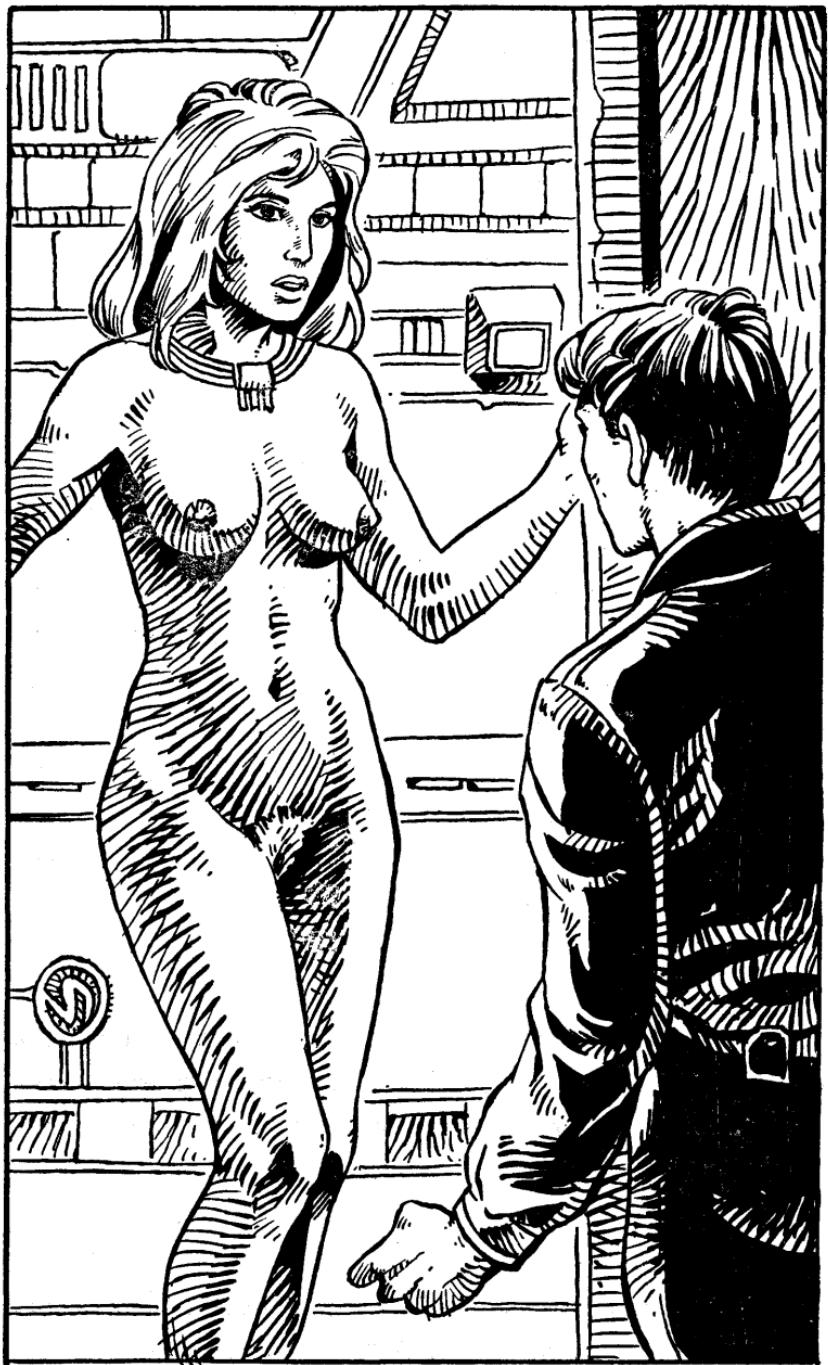
— Совсем не ошибаюсь. Фактически они теперь узнали о нас очень многое и даже дали понять, что могут нам помочь. Ведь уровень развития их техники очень высок.

— С вашей стороны это большой комплимент.

— Машины всегда полезны, — сказал Майхью.

И Гримс подумал:

«Смогут ли они вернуть нас в наше время? Знания или черная магия... Какая разница? Важен результат».

Глава 25

Катер медленно плыл по бледному небу Марса, его инерциальный двигатель глухо ворчал. Гrimс должен был посадить катер в пустынной местности, ориентируясь на свет прожектора, установленный там. Далеко в стороне от предполагаемого места посадки можно было различить довольно большой город и мелкие населенные пункты еще дальше, на севере. Садиться предстояло в пустыне, обжигаемой палящим солнцем и пересеченной промышленной ирригационной сетью, идущей с севера на юг. Гrimс видел темно-зеленые полосы, в середине которых бежала искрящаяся вода.

В некотором смысле этот Марс был похож на Марс, который Гrimс помнил. Воздух, может быть, был немножко разрежен, было мало воды, но, напоминая тот почти мертвый мир, который знали земляне, он был иным... Тем не менее это был умирающий мир. Свет, несмотря на свою яркость, был похож на осенний...

Командор вел катер, а Карнаби дулся. Его обида забавляла Гrimса. Он посмотрел на иглу радиокомпаса, отлично показывавшего курс.

«Карнаби отличный, даже превосходный навигатор, — подумал он, — но я тоже имею право в свою очередь поразвлечься... Карнаби было очень хорошо все две недели, и остальные не скучали. А теперь... Кларисс и Кен разбирались в математике, разумы Карнаби и Рут Макоби были для них открытой книгой, и телепатам удалось поработать с радиостатами и навигаторами Марса. В итоге они создали новую систему радионавигации. По счастью, математика была универсальным языком, хорошо известным во всей Галактике.

— Свет! — воскликнул Карнаби, сидящий в кресле второго пилота.

Да, это был свет — красный, яркий свет, мерцающий в темном пространстве. Гrimс перевел свое внимание с радио-компаса на видимый сигнал. Свободной рукой он взял бинокль, чтобы осмотреть место приземления. Он увидел строения, пластиковые хижины, но не заметил ничего похожего на посадочную площадку. Правда, это не имело значения, потому что катер садился вертикально, но Гrimсу было не приятно думать, что ему придется раздавить нечто, имеющее вид съедобных растений.

— Не огорчайтесь, Джон, — сказал ему Майхью. — Они не беспокоятся об этом последнем урожае. Он им не нужен.

— Да?

Ну, раз Майхью так говорит...

Гrimс уменьшил скорость и стал снижаться. Наконец, он посадил катер в метре от мерцающего прожектора, взглянув через иллюминатор на пластиковые купола. А что теперь?

В первой хижине открылась дверь, и на пороге появился некто: он имел человеческую фигуру, но был нечеловечески худ, и голова у него была скорее цилиндрической, чем сферической формы. У него было две руки, две ноги, глаза и рот.

— Двайнеч, — объявил Майхью. — Он здесь, чтобы встретить нас.

— А где красный ковер? — спросил у него Виллиамс.

Майхью игнорировал вопрос.

— Его народ сможет помочь нам. Но прежде всего он хочет осмотреть катер.

— Скажите ему, что это дворец свободы, что он может плевать...

— Мне начинают надоедать такие выражения, — заметила Сонна.

— Передайте ему вежливое приветствие, — сказал Гrimс, — и наши сожаления. Ведь мы не можем принять его на борту по всем правилам гостеприимства.

— Это как раз их и беспокоит, — уверил его Майхью. — В настоящий момент они смотрят на нас, как на грубиянов. По счастью, некоторые из их математиков заинтересовались нашей печальной судьбой и решили нам помочь. Кстати, помогая нам, они заодно и избавятся от нас, — с улыбкой добавил он.

Гrimс нажал кнопку, открывающую дверь, и опустил лестницу.

— Мне говорили, что дареному коню в зубы не смотрят, — сказал он. — Раз они нам помогут, я буду им благодарен.

Двайнеч влез в катер. Он был в одежде из пластика, блестевшего, как панцирь насекомого. От марсианина исходил запах плесени, и он скрипел, взбирайясь по лестнице. Не обращая ни на кого внимания, он сразу подошел к телепатам, протянул три пальца длинной паучьей руки и дотронулся до лба Майхью, а потом Кларисс. Они ответили марсианину таким же образом, но были вынуждены встать на цыпочки, чтобы дотянуться до его лба.

В сопровождении телепатов марсианин медленно приблизился к передатчику Карлотти. Он не менее минуты рассматривал передатчик своими огромными глазами, а потом дотронулся до антенны костлявым пальцем. Эллиптическая антенна медленно повернулась вокруг оси. Он опять уставился на передатчик. Было невозможно понять, что выражает его лицо.

— Итак? — не выдержал Гrimс. — Что теперь?

— Я... мы думаем, что все идет хорошо, Джон, — ответил Майхью. — Он рассказывает своим коллегам, что видит здесь. Он передает информацию телепатически.

«Но, черт побери, — подумал Гримс, — при чем тут наш Карлотти?»

Потом с помощью телепатов в его мозгу возникло изображение башен города с антеннами типа Карлотти на них.

Майхью продолжал:

— Мы должны оставаться здесь, Джон, пока нас не позвут. Мы можем жить на катере или во временных жилищах. Сейчас они хотят унести наш Карлотти в город, чтобы рассмотреть его, насколько я могу понять, и внести необходимые изменения. Если бы Рут демонтировала передатчик со щитка приборов...

— Изменения? — воскликнул Гримс. — Какие изменения и для чего?

— Я знаю не больше вашего, Джон. Но это важно. У них нет времени, чтобы сделать новый аппарат.

— Сделайте то, что они хотят, Рут, — приказал Гримс. — Или, вернее, то, что сказал марсианин.

Пока Кен и Кларисс провожали марсианина, Рут взяла инструменты и принялась за работу.

Глава 26

Двайнеч улетел в город на аппарате в форме дирижабля, прибывшего за ним. Карнаби, увидев этот странный летательный аппарат, воскликнул:

— Что это? Газовый баллон? Дирижабль? Я считал, что эти люди далеко ушли в развитии, но...

— В чем вы их упрекаете, Джеймс? — спросил Гrimс. — К чему напрасно тратить энергию, когда можно летать способом, ее не требующим?

— Но скорость этой штуки или, вернее, ее медлительность...

— Если некуда торопиться, — сказал Гrimс, — воздушный корабль так же хорош, как и любой другой вид транспорта.

Марсианин, по-прежнему молчавший, определенно общался только с Майхью. Наконец, телепат сказал:

— Он просит нас не подходить к прожектору, Джон.

— Почему?

— Я не понимаю этого... вопрос техники, механизм и анкеровка...

Гrimс пожалел, что Майхью был так мало сведущ в вопросах механики. Но, может быть, воздушный аппарат собирался опустить что-то вроде скоб. Это было логично. Все встали подальше от прожектора.

Дирижабль был гораздо менее примитивным, чем казался издалека. Приближаясь, он снизился, и Гrimс увидел, что серебристая сетка, окружающая шар, сжалась, уменьшая баллон и сокращая его подъемную силу.

Никаких клапанов, вентиляй, выпускающих газ, не было видно. Корабль приближался очень медленно, единственный винт, расположенный сзади, едва крутился. Оказавшись над прожектором, он остановился. Лапы скоб опустились и углубились в почву. Крепление — металлический стержень, тонкий, как карандаш, протянулся к горизонтальному вороту на борту, и аппарат плавно прошел последние метры до земли. Он остановился, сверкая и покачиваясь в легком бризе.

Двайнеч стоял немного в стороне от людей и, казалось,

отдавал приказы, целую серию быстрых приказов. Видимо, экипаж воздушного корабля не имел телепатов, и марсианин громко говорил что-то на своем языке. У него был неприятно-пронзительный голос, как и у тех, кто находился в гондоле. Как жужжение насекомых или чириканье птиц.

«Птиц? — подумал Гримс, и сумасшедшая гипотеза начала формулироваться в его мозгу. — Как птица?» — это соответствовало осенней атмосфере, царившей на Марсе. Здесь была связь... но какая?

Двайнеч с неуклюжестью антропоида поднялся по короткой лестнице в гондолу. Гримс заметил, что сетка сразу немного отпустила баллон. Марсианин остался стоять в открытой двери. Он явно чего-то ждал.

— Карлотти, — прошептал Майхью.

Демонтированный приемник был снят и передан марсианину. Скользящая дверь захлопнулась. Металлический стержень был резко вырван из земли, скобы его сложились, дирижабль взмыл в небо и полетел на север. Вскоре он стал точкой, почти не видимой в светлом небе.

— Итак? — спросил Карнаби. — Что будет теперь?

— Мы будем ждать, — ответил Майхью.

— Чего? — поинтересовалась Сонна.

— Если бы я это знал, то сказал бы вам, — сухо ответил телепат.

И они стали ждать.

Они решили поселиться под пластиковыми куполами, устроенным для них: эти жилища давали гораздо больше простора, чем каюты на катере. Отопления не было, но это не имело большого значения, так как двойной слой пленки хорошо защищал от свежей марсианской ночи, и было достаточно синтетических одеял. Не было освещения, но они принесли портативные лампы. Не было ни кухни, ни плиты,

и они продолжали готовить пищу на катере. Марсиане не оставили им никаких продуктов, но у них было еще много своих.

Катер имел на борту аппараты, позволяющие потерпевшим крушение на неизвестной планете проанализировать местные продукты и определить, съедобны ли они. Бренда была дипломированным биохимиком. Она заявила, что на поле вокруг растет что-то вроде абрикосов. Плоды были не только съедобны, но даже питательны. К сожалению, у них был неприятный привкус, и ничто не могло отбить его.

Гримс попробовал один плод и сразу же выплюнул, предложив:

— Может быть, мы сделаем лучше, если попытаем счастья в Австралии? По крайней мере, кухня аборигенов должна быть лучше!

В конце второго дня он совсем затосковал. Ему было нечего делать. Гримсу хотелось сесть в катер и совершить небольшую прогулку, но Майхью отговорил его.

— Мы должны оставаться здесь, Джон, — твердо сказал он. — Мы должны быть готовы отправиться в город, как только они позовут нас. Не забывайте, что нас не приглашали и мы не должны делать ничего, абсолютно ничего, что могло бы не понравиться нашим хозяевам.

— Но они действительно обещают помочь нам?

— Они надеются, что им это удастся.

Гримс был вынужден довольствоваться этим.

Из всей группы только Бренда Колес казалась вполне довольной. Она была биохимиком и проводила время, пытаясь составить каталог фауны и флоры. Карнаби помогал ей, правда, без всякого энтузиазма и жаловался, когда она его не слышала:

— В конце концов, я ведь навигатор, а не ловец бабочек!

Бабочками он называл теплокровных членистоногих крылатых, обнаруженных здесь Брендой. Они не пережили тысячелетий перед первым появлением человека на Марсе, может быть, большой метеоритный дождь, который создал кратеры, практически уничтожил всякую жизнь на этой планете?.. Или, вернее, уничтожит...

— Но города? — спросил Гrimс, когда стали обсуждать эту гипотезу. — Вы мне скажите, что, каждый метеорит имел написанное на нем название города?! И точно в него попал? Должно же существовать что-то, найденное людьми.

— Но ничего не было, — сказал Виллиамс.

— Нет. Ничего... за исключением двух или трех сомнительных предметов.

— Мне думается, — сказал Майхью, — что мы оказались здесь перед грандиозной миграцией масс. Старый мир умирает, и его народ уходит на лучшие пастища.

Карнаби подобрал сачок, сделанный им для ловли бабочек, взял его, как гитару, и запел:

— Я слишком долго жил,

Слишком много играл в этом старом городе.

Лето уходит, зима тут как тут.

Я слишком долго жил в этом старом городе...

Время уходит, зима на пороге, забирай свой скарб...

— Ммм... — промычал Гrimс. — Такое настроение витает в атмосфере, но...

И он тоже начал петь, несмотря на протесты Сонны:

— Грустный поезд проезжает здесь в шесть часов.

Проходит здесь, и я на него сяду.

Грустный поезд проходит здесь в шесть часов.

У меня есть билет, я возьму его...

— Никто тебя не задерживает, — ядовито заметила его жена.

— Ты не понимаешь. Когда входишь в этот грустный поезд, не берешь с собой город. Его оставляешь позади. Покидаешь.

— К чему вы все это ведете, командор? — спросил Вильямс.

— Я сам плохо знаю... Юношай, в Академии Службы Космографии, я должен был читать научную фантастику XX века. Ненормальные, сумасшедшие в целом и очень далекие от реальности книги. Между тем после стольких лет у меня в памяти остались кое-какие обрывки. Была одна история с выдумкой: нечто вроде антигравитационной системы, которая целиком поднимала города и отправляла их в другую Галактику, как огромные космические корабли... А если марсиане проектируют подобный трюк? А если эти их антенны на башнях только похожи на антенны Карлотти, если они существуют не для связи, а для других целей, вроде движения в пространстве и времени, как двигатели Маншенна? Возможно, они хотят изменить наш Карлотти, чтобы он мог быть использован, как межзвездный ускоритель для катера...

— А если это так и есть и они могут это сделать? — спросила Сонна. — То куда мы направимся? И, хорошенько подумав, зачем?

Карнаби начал петь:

— Полиция и шериф бегают за мной,

Бегают за мной, бегают за мной...

Полиция и шериф бегают за мной,

Время идет, собирай свой скарб!

— Да, — пробормотал Гримс. — Они бегут куда-то... Кто этот шериф? Что это такое? Последний вербовщик, сержант Смерть?

Глава 27

Извещение пришло за час до начала дня.

Майхью разбудил Гримса и Сонну, в то время как Кларисс будила остальных.

Одевшись, Гримс проворчал:

— Значит, это случилось?

— Случилось, Джон.

— Что «это»? — проворчала Сонна.

— Я не знаю. Они, кажется, не хотели, чтобы я увидел все подробности. Но вы должны были почувствовать... напряженная атмосфера ожидания. Нервозность, как перед отбытием...

Сонна нервно фыркнула и заявила:

— Форт Сампер был атакован. Мой полк выступает на рассвете.

— Я ничего не понимаю, — немного подумав, пробормотал Майхью.

— А я понимаю, — сказал ему Гримс. — Садитесь в катер, Кен. И не будем ничего оставлять здесь. Хорошо подумав, унесем с собой и одеяла. Они могут нам понадобиться...

Гримс и Сонна, поеживаясь от холода, вышли из хижины в темноту наступающего утра. Дул сильный ветер, на неясном небе сверкали звезды. На востоке сияла зеленым светом далекая планета Земля.

«Что делают мятежники? — подумал Гримс. — Что случится или что случилось с его старым «Квестом»?» — Гримс отвернулся и посмотрел на крошечный, медленно поднимавшийся Фобос. Деймос был незаметен среди звезд. У Гримса не было времени, чтобы обнаружить спутник. На севере виднелись огни марсианского города.

Глухое ворчание двигателя катера нарушило тишину утра. Виллиамс, видимо, уже был на борту, убеждаясь, что все приборы в порядке.

Гримс и Сонна вошли в открытую дверь. Да, Виллиамс уже сидел на своем месте, как и все остальные.

— Хорошо, — сказал Гримс. — Поехали. В город, я полагаю, Кен?

— Да, в город. Мы должны сесть на центральной площади.

Звуки двигателя стали слышны сильнее, когда катер взлетел. Канал внизу казался серебряной лентой, отражающей звезды. Город впереди был похож на букет звезд, положенный на темный горизонт...

Пока они летели, бледно-розовый свет на востоке медленно распространялся по небу, и пустыня отражала этот свет. Внезапно над низкими холмами появилась ослепляющая точка, которая быстро росла. Встало солнце, и башни города стали на мгновение отчетливо видны, тонкие и черные в утреннем тумане. Их силуэты расплывались и точно таяли. Гримс снова вспомнил прочитанную когда-то книгу, как же она называлась? «Летающие города»? Что-то в этом роде. Он тихо засмеялся.

«Оптическая иллюзия, вот и все», — сказал он себе.

Они продолжали полет и очень осторожно облетели вершины первых башен. На верху каждой блестели неподвижные антенны. Катер медленно пролетел над широкой улицей, грациозными мосточками, бульварами, соединяющими пространства между башнями. На улицах можно было видеть машины, похожие на больших насекомых, и маленькие группы пешеходов. Марсиане останавливались и поднимали головы, чтобы посмотреть на незнакомую блестящую летающую машину.

Круглая Центральная площадь была вымощена розовыми блестящими плитами, центр ее украшал фонтан, окруженный большим количеством цветов. В стороне от фонтана для них была приготовлена ровная площадка. Чтобы не было никакой ошибки, красный прожектор указывал место их посадки.

— Я полагаю, они хотят, чтобы мы сели там, — прошептал Гrimс.

— Да, — ответил Майхью.

— Гмм. Надеюсь, что я смогу сесть, ничего не сломав. — Гrimс с осторожностью опустил катер между массивами цветов и рядами каменных скамеек. Когда шасси коснулось земли, он выключил двигатель.

— Ну, вот мы и приехали, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Сонна пробормотала что-то о бесполезных высказываниях, с любопытством, как и другие, глядя в иллюминатор. Снизу башни казались еще более впечатляющими. Они поднимались, как замершие неподвижно струи воды. С мостами и мостиками для связи они создавали единый ансамбль из камня и металла. И, возвышаясь над всем, таинственные антенны, как золотые, сверкали в лучах восходящего солнца.

— Люди, — прозаически протянул Виллиамс.

Гrimс оторвал взгляд от фантастической архитектуры и посмотрел в сторону, куда указывал Виллиамс. Шесть марсиан — все высокие, очень худые, с удлиненными головами и неопределенными чертами лица, медленно приближались к катеру. Двое несли Карлотти. Казалось, аппарат не изменился, по крайней мере, снаружи, однако это еще ни о чем не говорило.

— Двайнеч находится среди них, — сказал Майхью.

Его губы продолжали молча шевелиться, в то время как он формулировал свои мысли, а потом сказал:

— Мы должны сопровождать их в зал собрания. Остальные вернут... аппарат в катер.

— Очень хорошо, — сказал Гимс.

Ему не хотелось оставлять в катере чужаков без надзора, но он понимал, что у него нет другого выхода.

— Очень хорошо, — повторил он.

Майхью и Кларисс вышли первыми. Они соблюдали ритуал встречи с Двайнечем. Остальные марсиане без видимого любопытства смотрели на людей, переговариваясь птичьими голосами. Гимс покинул катер последним. Он подождал, пока телепаты закончат обмен мыслями, а потом сказал:

— Мы готовы, Кен.

— Хорошо. Совет ждет нас.

Совет ожидал их в обширном зале нижнего этажа одной из башен. Это была огромная комната с гладким полом, высоким сводчатым потолком и эстрадой в глубине. Не было никаких украшений, никакой мебели, кроме восьми стульев, терявшихся в огромном пространстве зала. Шесть стульев было поставлено перед эстрадой, два — непосредственно на возвышении эстрады.

На эстраде находились члены Совета, десять марсиан, все очень высокие, с одинаковыми, на человеческий взгляд, лицами. Двайнеч присоединился к ним в сопровождении Майхью и Кларисс. Он посадил землян и остался стоять позади них.

— Мы можем сесть? — спросил Гимс.

— Для этого тут и стоят стулья, — ответил Майхью.

Люди сели. Гимсу хотелось, чтобы у него была его трубка... и хоть щепотка табаку.

Молчание становилось мучительным.

Майхью принялся говорить чужим голосом. Гримс понял, что все, что тот когда-то проделал с Еленой, кто-то теперь проделывал с ним. Лицо у Майхью казалось лицом андроида, оно двигалось, но неестественно.

— Я, — сказал он, — Гайалиан, президент этого Совета. Я изучил и понимаю ваш язык. Мои голосовые связки не позволяют мне произносить необходимые звуки, так что я говорю через Майхью. Вы меня извините, если мои выражения не всегда будут точными.

— Вы отлично справляетесь, — бросил ему Виллиамс.

— Спасибо, но я прошу меня не перебивать. Время летит быстро, и скоро наступит момент, когда мы, мы все, должны будем... уйти. Но вы должны знать, что произойдет...

В первый раз, когда вы явились в этот мир, который называете Марсом, мы не могли принять вас. Это помешало бы нам приготовиться... к путешествию. Вы были вполне способны выкрутиться сами. При вашем втором появлении наши приготовления были почти закончены... Наши инженеры, наши математики, наши ученые имели достаточно времени, чтобы рассмотреть вашу проблему. Ее разрешение было забавной задачей. Но для начала я должен вам сказать, кто и что мы такое. Мы не из этого мира. Много тысячелетий назад наш народ жил на другой планете, за много световых лет отсюда. Название солнца, вокруг которого она вращалась, вам ничего не скажет, к тому же этой звезды больше не существует. Мы, или, вернее, наши предки, бежали до того, как наше солнце стало сверхновой звездой. Наши корабли рассеялись. Один из них обнаружил эту планету, которая была тогда почти двойником планеты, покинутой нами. Прошли многие века, и этот мир стал умирать. Были рассмотрены возможности обновления планеты, вполне реальные, но астрономы предупредили нас о неминуемой ка-

тастрофе: планета подвергнется бомбардировке метеоритов и неизбежно погибнет.

Даже если бы мы располагали техникой транспортировки в межзвездном пространстве со скоростью, во много раз превышающей скорость света, мы не покинули бы эту планету. Она стала нам родной. Существовала одна возможность избежать истребления, спасти наши города и спастись самим. И мы ее приняли.

«Он путает времена», — подумал Гrimс и громко сказал, надеясь быть услышанным:

— Значит, вы превратили ваши города в космические корабли?

— Мы превратили их в корабли времени, — сказал Майхью чужим голосом. — Мы вернулись во времена, предшествующие появлению здесь наших предков, так что они нашли цивилизацию, которую сами создали и взрастили. Мы повторили этот цикл тысячу раз с небольшими изменениями в каждом случае. Вы будете одним из таких изменений... совсем небольшим.

Где-то зазвонил колокол, медленно, торжественно.

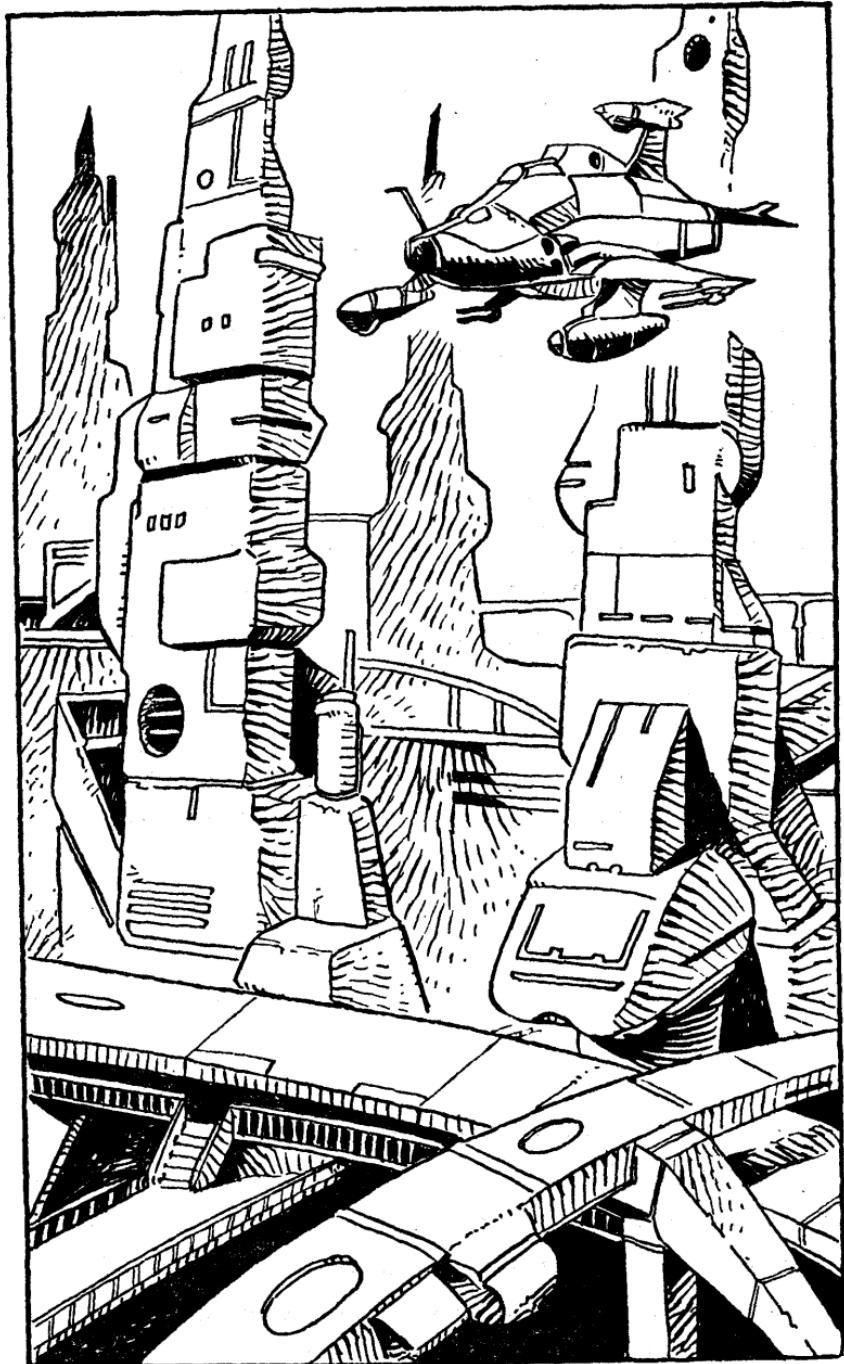
«Обратный отсчет, — подумал Гrimс, — обратный отсчет времени...»

— А если мы не хотим идти вместе с вами? — в отчаянии закричал он.

— Вы и ваши люди можете остаться, если хотите. Вы можете надеяться выжить в метеоритной буре, которая уничтожит этот мир, или попробовать вернуться на Землю. Но не забывайте, что мы даем вам шанс...

— Попытаемся, командор, — быстро проговорил Виллиамс. — Попытаемся. Что нам терять?

— Ничего, — ответил президент голосом Майхью. — Вам нечего терять, но вы, может быть, много выиграете. А теперь вы должны вернуться на свой катер.

Глава 28

Они спешно вернулись на катер.

Он стоял на прежнем месте, посредине площади, сверкающий сквозь тонкую сетку струй фонтана. Марсианские техники закончили свое дело и ушли. Карлотти находился на своем месте. Зато Сонна обнаружила исчезновение одеял, принесенных из хижин. «Они, видимо, решили, что мы не должны увезти с собой что-либо, взятое из города, туда, куда мы будем отправлены, — подумал Гримс.

— Закрываемся, командор? — спросил Майхью.

— Да, так будет лучше, — ответил ему Гримс.

Двери скользнули, заперев катер.

Что случится теперь? Большой колокол продолжал медленно звонить, отсчитывая последние минуты этого времени. Площадь была пуста так же, как и улицы. Атмосфера была тяжелой, напряженной.

Гримс сказал, скорее для себя, что для других:

— Я не знаю, должны ли мы включить Карлотти?..

Он поколебался, подошел к аппарату и поиском кнопки. На панели ничего не было.

— Рут! — позвал он. — Идите сюда! Что вы об этом думаете?

В этот момент колокол замолчал, и наступившая тишина произвела впечатление удара.

— Посмотрите! Посмотрите! — закричал Карнаби.

На вершинах башен, окружающих площадь, антенны начали крутиться, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, и их полированная поверхность сверкала на солнце.

— Смотрите! — закричала Рут.

Измененная антенна Карлотти тоже синхронно с ними

крутилась. Сперва медленно, потом быстрее. Солнце село, исчезнув на востоке. Потом наступили сумерки, утренние, а не вечерние. А потом вечер, и ночь, и день с солнцем, которое вставало на западе и заходило на востоке.

Ночь следовала за днем, а за днем следовала ночь, и все быстрее и быстрее, сплошное мигание света и тьмы, которое стало слишком быстрым: глаза видели лишь серый сумрак. Солнце превратилось в сверкающую ленту желтого цвета, Фобос — в ленту более узкую. Звезды становились серебряными пятнами. Тем не менее строения, окружающие площадь, были по-прежнему солидны, массивны и как-то ядовито блестели. На их вершинах крутились сияющие антенны.

Так продолжалось часами...

Сначала это было захватывающее зрелище, но потом интерес к нему угас. Со временем ко всему привыкаешь. Бренда Колес отошла от иллюминатора и отправилась на кухню. Вернулась она с кофе, который все выпили с удовольствием и были ей очень благодарны. Кофе оказался не очень хорошим, но в данной ситуации и такой был неплох.

— Я надеюсь, — сказал Гримс, — что мы сможем присутствовать при приземлении первых колонистов. Мне хотелось бы знать, какого рода у них были корабли...

— Кажется, наши друзья ученые начинают тормозить, — сказал Виллиамс. — Я не знаю, в каком времени мы находимся... но с такой скоростью мы можем быть отброшены к моменту рождения Солнечной системы...

— Наша антенна Карлотти крутится быстрее, чем когда-либо, — прошептала Рут. — Они, вероятно, снабдили ее дополнительными роликами.

— Ах, да? — прошептал Гримс и посмотрел на дно своей чашки. — Не найдется еще немного этой жидкости, Бренда?

— Я вам налью, командор.

— Не беспокойтесь, небольшая прогулка в камбуз мне не повредит.

Он встал и, проходя мимо, взглянул в иллюминатор. Чашка выпала из его рук на пол.

— Что с тобой происходит? — закричала Сонна. — Что-то не так?

— Кое-что, — через некоторое время ответил он. — Но не все. — И с горечью подумал: «Подонки! Они всегда говорили, что мы им не нужны, теперь они избавились от нас...»

Через иллюминаторы больше не было видно башен, хотя в сером небе солнце и луны продолжали вычерчивать светящиеся круги. Катер по-прежнему мчался в прошлое, но город, вероятно, остался в далеком будущем.

— Рут! — закричал Гримс. — Остановите эту проклятую машину!

— Но... я не могу, командор. В ней нет больше кнопок.

— Сломайте ее. Возьмите молоток, пилу...

— Нет! — воскликнул Майхью. — Нет!

— Ах, так! А почему нет?

— Вы не понимаете, Джон. Так хотели...

— Мне совершенно наплевать на то, что они хотели! Ваши длинноголовые друзья сыграли с нами шутку, еще худшую, чем Далzell мог себе представить. Мы должны остановить эту проклятую машину времени, прежде чем будет слишком поздно, а потом мы вернемся на Землю.

— Чтобы нас сожрали динозавры, Джон? — спросила

Сонна. — Нет, спасибо. Послушай Кена, прежде чем делать глупости.

— Мы должны верить им, — настаивал телепат.

— Верить?

— Они не хотели нам никакого зла, Джон. Они сделали для нас все, что могли. Они дали нам шанс вернуться в наше собственное время.

— Ах, да? Вы считаете, что это именно так?

Гримс посмотрел в иллюминатор. Что это? Вода? Море? Куда это их занесло? Море на Марсе? Что это — море или голые скалы, раскаленные, текучие, как вода? Расплавленные скалы... или море огня?

Море огня или... небытие?

Небытие до рождение мира, солнца, самой Вселенной...

«Некуда идти», — подумал Гримс и сказал:

— Нам совершенно некуда идти.

— Но будет, куда, — уверенно отозвался Майхью. — Будет или уже есть, должно быть, куда.

— Я пойду сварю вам кофе, — сказала Бренда.

Глава 29

Катер висел в бесформенном небытии, в черной пустоте. Между тем Гримс знал, что это была не абсолютная пустота. Катер парил в безмерном море атомов. Он парил. Было бы напрасно включать двигатель, больше того, даже Карнаби не был в достаточной степени математиком, чтобы вычислить возможные последствия передвижения в любом направлении. Измененная антенна Карлотти всртс-

лась вокруг своей оси, и кто мог сказать, какой был бы результат, если бы к движению во времени прибавилось движение в пространстве.

Катер висел неподвижно, крошечная точка света и жизни в бесконечном небытии. Время шло, экипаж апатично принимал необходимость оставаться в живых, машинально следя за состоянием систем жизнеобеспечения. Бренда Колес иногда казалась обеспокоенной. Запасы провизии таяли. Она сообщила Гrimсу об опасности, которая им угрожала.

— Мы должны придерживаться определенного рациона, — решил Гrimс.

— По счастью, — сказала Сонна, — это не трудно будет сделать.

— С этой пищей — да, — добавил Виллиамс.

— Я считаю и верю, — неуверенно сказал Карнаби, — что мы, наконец, прибудем куда-нибудь. Или в какое-нибудь время...

— Главное — навигация, — сказал Виллиамс. — Если вам удастся сориентироваться в этом пюре из межзвездного гороха, вы будете просто гением.

Карнаби рассердился.

— Никто не может сориентироваться тут, командор, и вы прекрасно это знаете. Но мне кажется, я вижу какое-то свечение...

— Смерть раскаленной вселенной наоборот, — прошептал Гrimс. — Колесо всегда описывает полный круг, в некотором смысле оно вертится...

— Джеймс прав! — воскликнула Бренда. — Действительно, становится светлее.

Вспышка, сверкающая, ослепляющая, продолжалась всего лишь долю секунды.

Когда Гримс, наконец, смог открыть слезящиеся глаза, которые продолжало щипать, он подумал, что светящаяся красным цветом лента, прорезавшая темноту снаружи иллюминатора, не более чем игра воображения. Но лента не гасла, она становилась все ярче.

— Солнце, — прошептал он.

— Солнце, — прошептал Виллиамс. — Прибыли.

— Нет, пока еще нет. Но мы должны попытаться остановить эту дьявольскую машину, подсунутую нам марсианами. Пока еще нет, но как только обстоятельства снаружи будут подходящими для жизни...

— Еще одна пустыня, — проворчал Виллиамс. — Песок... Ничего, кроме песка.

Песок, ничего, кроме песка, и потом клочок зелени под голубовато-серым небом, желтое солнце. Зелени становилось все больше и больше, быстро проходили перемены, связанные с временами года... А не строения ли это? Они появились на короткое время и исчезли, но были и другие, более крупные, на месте первых, с более определенными контурами, более четкие...

Потом снова началось мигание, с которым они познакомились в начале путешествия, быстрая смена света и темноты, в то время как день сменялся ночью, а ночь днем. Периоды становились все длиннее, часы длились секунды, минуты, много минут.

Антenna Карлотти теперь поворачивалась медленнее, ее форму уже можно было ясно разглядеть. Она замедляла, замедляла темп вращения и вместе с ним скорость бега времени. Наконец, она совсем остановилась.

Произошел глухой взрыв. Едкий дым пошел от Карлотти, но Гримс этого не заметил. Он пристально смотрел через иллюминатор на знакомый пейзаж. Катер находился на бе-

тонной площадке, чистой и блестящей под полуденным солнцем.

Вокруг были административные здания космодрома. На мачте контрольной башни полоскался флаг, голубой флаг Межзвездной Федерации. Тут были корабли, один из созвездий Федерации и два длинных, напоминающих змей.

— Где мы? — спросил Карнаби. — Где мы находимся?

— По-прежнему на Марсе, — ответил Гримс. — Марс, отлично освоенный Землей, который я знал раньше. Марс, порт, служебная база...

До него дошел дым от взрыва, и он закашлялся.

— Откройте двери, Билл, воздух вполне пригоден для дыхания. По крайней мере, он был таким, когда я был здесь в последний раз.

Гримс покинул катер последним. Присоединившись к своим товарищам, он посмотрел на них и отметил про себя их неприглядный вид, зная, что и он выглядит не лучше. Но поделать ничего не мог, да это и не имело большого значения.

Офицер в парадной форме большими шагами направился к ним. Он смотрел на них с плохо скрытой неприязнью. Увидев значок Флота Мира Конфинс на катере, офицер с комическим недоумением поднял брови.

— Откуда вы взялись? — воскликнул он. — И кто вам, позволил приземлиться?

— Мы потерпели крушение, комендант, — ответил ему Гримс. — Мы просим приюта.

— Вам, видимо, он очень нужен. А вы не слишком ли далеко забрались от вашей лужи для уток?

— Достаточно, комендант, — строго проговорил Гримс, но это не возымело действия.

Офицер смотрел на Сонну.

— Я вас знаю. Командор Берилл, не так ли? Но нам сказали, что вы мертвы, что вы исчезли во время я не знаю какой экспедиции, там, на Конфинсе. Как вы сюда попали?

— Я сама многого не знаю. Вот мой муж, командор Гри姆с, — сказала она, подчеркивая его звание, — он наш командир. Я полагаю, вы сможете задать ему свои вопросы после того, как дадите ему возможность привести себя в порядок и заняться своим туалетом, а также рапортом начальникам своим и вашим.

Это пресекло кудахтанье коменданта космической службы Федерации. Он извинился:

— Командор, я видел ваши фотографии, но я вас никогда бы не узнал... знаменитый командор Гри姆с! Вы исчезли вместе с вашим кораблем «Фаави Квест» там, в Мире Конфинс. Безусловно, вы не могли прилететь так издалека на этой...

— Это длинная история, — перебил его Гри姆с.— И я не уверен, что вы поверите нашему рассказу. Все равно, вам придется подождать, я прошу вас проводить меня к вашему высшему начальству. Кроме того, мы все нуждаемся в отдыке, в чистой одежде и, вероятно, в услугах медиков... Да, я забыл. Поставьте охрану у катера... Я, правда, сомневаюсь, что мы сможем что-нибудь узнать о тех изменениях в приемнике Карлотти...

— Сюда, командор, — пробормотал комендант, явно умирая от любопытства и с трудом удерживаясь от вопросов.— Я уверен, что капитан Делл будет счастлив предоставить все необходимое вам и вашим людям... но... каким образом вы появились здесь?

Гри姆с вздохнул. В ближайшем будущем ему предстояло

часто отвечать на вопросы. Ему придется объяснить потерю единицы флота Мира Конфинс. Он должен будет рассказать историю двух мятежей, Друтена и Далзелла, и, вернувшись на Конфинс, заполнить большую анкету.

— Как вы появились здесь, командор? — настаивал молодой человек.

— Это был очень долгий путь, — ответил, наконец, Гримс.

СОДЕРЖАНИЕ

Забытое искусство	<i>пер. Т.И.Романовой</i>	5
Наемники космоса	<i>пер. Т.И.Романовой</i>	51
Долгий путь	<i>пер. Т.И.Романовой</i>	175

Ч. 18 Наемники космоса. Пер. с английского —
М.:РИПОЛ, Вече, Джокер, 1993.—
320 с. (Сборник фантастических произведений)

ISBN 5-87012-018-X

По вопросам оптовой
реализации серии
«ДЖОКЕР — БУК» обращаться
в фирму «РИПОЛИС» по адресу:
Москва, ул. Ферсмана, 3, кв. 1.
Контактный телефон/факс (095) 129-77-08

По вопросам реализации
настоящей книги обращаться
в акционерное общество «Вече».
Москва, ул. Красной сосны, 7.
Тел: 188-16-50
188-21-52

Ответственный за выпуск
Чепурных О.В.

Подписано в печать 30.12.92. Формат 84×108/32. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Физ. п. л. 10.
Усл. п. л. 16,8. Тираж 100 000 экз. Заказ № 253. С 2.

Издательства РИПОЛ, «Вече», «Джокер»
123000, Москва, а/я 21

Отпечатано с оригинал-макета на ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Мининформпечати РФ.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Б. ЧАНДЛЕР

На страницах этой книги вы встретите бесстрашных героев, не теряющихся в любых ситуациях, уверенно путешествующих не только в пространстве, но и во времени. Героини-женщины этих произведений ни в чем не уступают мужчинам, и даже порой оказываются более подготовленными к решению неожиданных проблем, встающих перед ними. Вы станете свидетелями подлинной истории библейского Ионы, вы будете переживать за несчастных космических пленников, обращаемых в музейные экспонаты, вы прочтете об ужасных перипетиях звездной войны.

